

ГУБЕРНСКИЙ ДОМЪ

12+

КОСТРОМА

ГУБЕРНСКИЙ ДОМЪ

историко-
краеведческий
и литературный
журнал

4 (133)
2023

Виноградова С.Г.

КОСТРОМА ИЗНАЧАЛЬНАЯ. XII – начало XV веков.

1. История княжеств Северо-Восточной Руси	3
2. Первое летописное упоминание города Костромы	5
3. Когда и где была основана Кострома	13
4. Облик древней Костромы	34
5. Костромские князья	55
6. О происхождении чудотворной Феодоровской иконы Божией Матери	74
7. Была ли Кострома столицей великого Владимирского княжества	86
8. Костромской княжеский съезд XIII века	92
9. Военные страницы истории древней Костромы	97
10. Название города Костромы	107
11. Костромской летописец	113
12. Справочный отдел	120

ГОЛОС РУССКОЙ СТАРИНЫ

Этот номер «Губернского дома» можно назвать своеобразным путеводителем по древней Костроме (XII – нач. XV веков). Он рассказывает о возникновении и становлении города, его государственной, военной и духовной жизни, участии костромичей в значительных событиях русской истории.

В этом году исполнилось 810 лет со дня первого известного упоминания Костромы в летописях (1213 год), вот и содержание журнала основано на летописных источниках, что придаёт особую достоверность историческим очеркам о Костроме изначальной. Явление Феодоровской иконы Божией Матери, победа над ордынцами на Святом озере, основание Ипатьевского монастыря, строительство кремлей – об этих и других событиях в жизни Костромы можно узнать из сведений, перешедших со страниц летописей на страницы журнала.

А ещё этот выпуск, в отличие от других, является авторским. Автор – Светлана Геннадьевна Виноградова, главный хранитель Церковного историко-археологического музея, расположенного на территории Свято-Троицкого Ипатьевского монастыря.

Много лет она исследует эту важную тему – «Кострома на страницах русских летописей», и сегодня мы, наконец, имеем возможность разгадать многие загадки и тайны древнейшей истории края.

В начале прошлого века поэт Фёдор Сологуб написал одно из лучших стихотворений о Костроме, где образ её приобретает символическое значение:

*Сквозь туман едва заметный
Тихо блещет Кострома,
Словно Китеж, град заветный –
Храмы, башни, терема.
Кострома – воспоминанья,
Исторические сны,
Легендарные сказанья,
Голос русской старины...*

Слава Богу, что Кострома, как Китеж, не ушла под воды бед и разорений татаро-монгольского нашествия, а осталась на русской земле, отмеченная славой и красотой, радуя души жителей и гостей города.

А теперь – милости просим в «Губернский дом»!

Ипатьевский монастырь XVI века. Акварель.

ПРИКОСНОВЕНИЕ К ИСТОЧНИКУ

Я благодарна судьбе, которая связала мою жизнь с Ипатьевским монастырем. Сейчас я работаю в Церковном историко-археологическом музее Костромской епархии, а раньше – в Костромском государственном музее-заповеднике, расположенном на его территории. Сейчас – это изучение истории Ипатьевского монастыря и духовной жизни Костромского края, раньше – изучение истории города Костромы. Все темы переплетаются, взаимно дополняют друг друга. Самое главное, что было тогда и сейчас – это прикосновение к документу как к источнику всех наших знаний, нашего интереса к прошлому родных мест. Документу в широком понимании: им может быть летописный текст, старинная монастырская или церковная опись, любой музейный предмет, археологическая находка. Думаю, что каждым музейным работником движет интерес к изучению этого раритета прошлого, стремление докопаться до глубин, понять значимость его.

Мне повезло, что, придя работать в музей, я вскоре попала в исторический отдел, который славился своими знаниями, опытом, традициями и сотрудниками. Мне хочется сказать доброе слово о тех, кто до меня занимался изучением истории Костромского края, кто сыграл в моей жизни важную роль и кого с нами уже нет. В историческом отделе Костромского музея-заповедника работали знатоки своего дела – Маргарита Дмитриевна Шахова, Екатерина Михайловна Смирнова, а главное – заведующая отделом Нина Николаевна Яблокова, которую я с благодарностью называю своим наставником. Интерес ко всему – к истории, к делу, к людям – определял в ней все, чем она занималась, с чем сталкивалась. И этот ее интерес заражал, зажигал других, передавался и окрылял. Профессионализм Нины Николаевны, ее знание истории города Костромы,

ее эрудиция удивляли, поражали, восхищали. Мы все видели и гордились, каким авторитетом она пользовалась в городе среди специалистов. Несмотря на свою мягкость, добросердечность и даже наивность, она была очень правдивым и справедливым человеком, всегда твердо и принципиально отстаивала свою точку зрения. Благословляемая Ниной Николаевной, я 8 лет провела в археологических экспедициях и даже в отпуске копала мезолитические стоянки и славянские курганы, построила в музее экспозицию по

древнейшему прошлому Костромского края, начала углубленно заниматься историей города Костромы по летописным источникам. В дальнейшем в работе было много других тем для изучения, но тот творческий заряд, полученный в молодости от Нины Николаевны Яблоковой и других сотрудников музея, остался со мной навсегда, стал своеобразным путеводителем в интересном мире музейной работы. Еще мне хотелось бы вспомнить добрым словом моих родителей – папу Геннадия Михайловича и маму Галину Леонидовну, которые всегда поддерживали меня и радовались, что я нашла свой путь в этой жизни.

Историей ранней и средневековой Костромы я занималась многие годы и рада читателям журнала «Губернский дом» познакомить с этой очень интересной и непростой темой. В ней много проблемных вопросов, и это особенно интересно, это заставляет всматриваться и вдумываться во все детали и повороты повествования. Я поздравляю всех, кто интересуется историей нашей родной Костромы с тем, что мы все живем в древнерусском городе, который начинался в древние времена, и что нас еще ждут новые открытия!

С.Г. ВИНОГРАДОВА,
*главный хранитель Костромского Церковного
историко-археологического музея*

История княжеств Северо-Восточной Руси

Северо-Восточной Русью русские летописные источники называли Ростовские земли. Первые достоверные письменные сведения о городах Залесской земли – Ростове, Суздале, Белоозере и Ярославле – относятся к концу X – XI векам¹. Собственником этих земель являлся великий Киевский князь, который сажал на Ростовский стол одного из своих сыновей. Здесь правили от имени южнорусского князя известные нам Ярослав Владимирович Мудрый – основатель города Ярославля; его внук Владимир Всеволодович Мономах, построивший город своего имени – Владимир на Клязьме, сын Мономаха – Юрий Долгорукий. Как отмечают исследователи, Ростовская земля в это время не имела, по-видимому, фиксированных границ и оставалась зависимой от «Русской» земли². Дань, собираемая с залесского населения, шла в киевскую казну; в случае военной угрозы северо-восточная рать шла защищать южные границы; а суд над населением Ростовской земли вершился от имени великого Киевского князя.

Именно Юрий Долгорукий стал первым самостоятельным князем Ростово-Суздальской волости. После 1125 года, когда умер великий Киевский князь Владимир Мономах и престол занял его старший сын от первого брака Мстислав Великий, Юрий Долгорукий, старший сын от второго брака отца, прекратил вассальную зависимость Северо-Востока от Юга. При нем шли фиксация и укрепление границ Ростово-Суздальского княжества, строительство новых пограничных крепостей – Кснятина, Юрьева в поле, Переяславля Залесского, Дмитрова и Москвы. Главным городом стал Суздаль, рядом с которым, в Кидекше, князь возвел свою резиденцию с храмом, посвященным одним из первых русских князей-мучеников Борису и Глебу.

Однако князь Юрий не отказался от своих намерений занять Киевский престол, последние годы своей жизни боролся за него и в 1157 году умер великим князем. Сын его Андрей Боголюбский, ушедший в 1155 году из Вышгорода «безъ отцѣ волѣ», то есть против воли отца, обосновался во Владимире на Клязьме, близ которого выстроил «город камен именем Боголюбый».

Расширяя Владимир, Андрей наполнил его, как отмечали летописи, «купцами хитрыми, ремесленниками и рукодельниками всякими». Благодаря этому Владимир на Клязьме, считавшийся со времени своего основания пригородом Ростова и Суздаля, при князе Андрее превзошел богатством и населенностью старшие города этой области. Известный русский историк Василий Осипович Ключевский писал об Андрее Боголюбском: «В трудные минуты этот князь способен был развить громадные силы и разменялся на пустыки и ошибки в спокойные, досужие годы»³. Осада Великого Новгорода в 1170 году закончилась победой новгородцев; попытки захватить Киев и Вышгород в 1173 году привели к поражению войск Андрея Боголюбского, неудачен оказался и поход князя против волжских булгар в 1172 году. В июне 1174 года князь Андрей Юрьевич принял мученическую смерть от рук бояр Кучковичей, противников княжеского единовластия.

В 1177 году, после непродолжительной, но суровой борьбы за власть с племянниками Ростиславичами, единственным «самовластцем» на Северо-Востоке, прочно утвердившимся на Владимирском княжеском столе, стал сын Юрия Долгорукого Всеволод Большое Гнездо. Именно его, начиная с 1186 года, Лаврентьевская летопись именует великим князем – «старейи всем князем в русском языке». Он расширил и укрепил территорию своих

земель, построил многие пограничные крепости. Именно при князе Всеволоде Юрьевиче на карте Владимирского княжества впервые появляется город Кострома. При нем великое княжество достигло наивысшего расцвета. Все это дало возможность князю Всеволоду Юрьевичу Большое Гнездо наделить своих многочисленных сыновей княжескими уделами, разделив, таким образом, единую Северо-Восточную землю на части. Так образовались княжества Суздальское и Переяславское, Ростовское и Юрьевское.

Деление некогда единой Ростовской земли а затем великого княжества Владимирского продолжилось и при детях Всеволода Юрьевича. В XIII веке в летописных источниках упоминаются уже княжества Московское, Тверское, и, что для нас особенно важно, Костромское и Галицкое.

Древние скандинавы в своих хрониках называли Русь «Гардарикой» – «страной городов». По подсчетам академика Михаила Николаевича Тихомирова, для IX – X вв. летописи свидетельствуют о существовании на Руси 25 городов, в XI веке упомянуто 70 городов, а в источниках XIII столетия значится уже 300 городов⁴. Но эти данные, по мнению некоторых исследователей, явно неполные, так как основаны только на письменных источниках без привлечения археологических данных. Современные археологи в конце XX века отмечали на территории древнерусского государства перед Батыевым походом 1238 года существование 1395 укрепленных поселений⁵.

Пути развития древнерусских городов были различны: одни выросли из племенных центров, другие – из торгово-ремесленных посадков, третьи – из княжеских резиденций-погостов. Но при всем многообразии путей возникновения древнерусского города, при индивидуальности каждого городского центра можно выделить основные так называемые «городские атрибуты», то есть определенные элементы и функции, характерные для всех русских городов. Это, прежде всего, обязательное средоточие в городе властных структур, или политико-административно-правовые функции города. На второе место можно поставить наличие

крепостных сооружений – военно-оборонительную функцию города. Важное значение имело развитие в городском центре ремесла и торговли, то есть социально-экономическое значение города. Кроме того, все древнерусские города были центрами распространения христианства и православной культуры.

Кострома относится к числу древнерусских городов. Она – ровесница Ярославля, Владимира, Москвы. И как история любого древнерусского города, история Костромы содержит много нерешенных, спорных вопросов. Это объясняется тем, что комплекс источников, письменных и вещественных, на основе которых решаются спорные вопросы, весьма малочислен. Многие письменные документы той поры погибли в периоды войн и пожаров, а вещественные источники, поступающие в руки историков благодаря археологическим исследованиям, не всегда могут дать исчерпывающий и точный ответ на многие вопросы, особенно связанные с точными датировками. Поэтому, при отсутствии прямых письменных свидетельств, важную роль играют и косвенные данные.

Ранняя история города Костромы включает многие проблемные вопросы, связанные с первым летописным известием о Костроме и основанием нашего древнего города; местом рождения Костромы и названием ее. Какие князья имели наш город в уделе и была ли Кострома столицей великого Владимирского княжества? На некоторые из этих вопросов в результате исследований – изучения письменных документов и археологических изысканий – уже найдены ответы, многие остаются открытыми.

Можно надеяться, что будущие поколения исследователей, вдохновленные древней историей нашей Костромы, найдут ответы, решат проблемные вопросы и сделают новые открытия!

Примечания

1. Кучкин В.А. Формирование государственной территории Северо-Восточной Руси в X-XIV вв. – М., 1984. – С. 74-75.
2. Кучкин В.А. Указ. соч. – С. 85, 86.
3. Ключевский В.О. Курс русской истории. Лекция XVIII.
4. М.Н. Тихомиров. Древнерусские города. – М., 1965. – С. 15 сл.
5. Древняя Русь. Город, замок, село. – М., 1985. – С. 61.

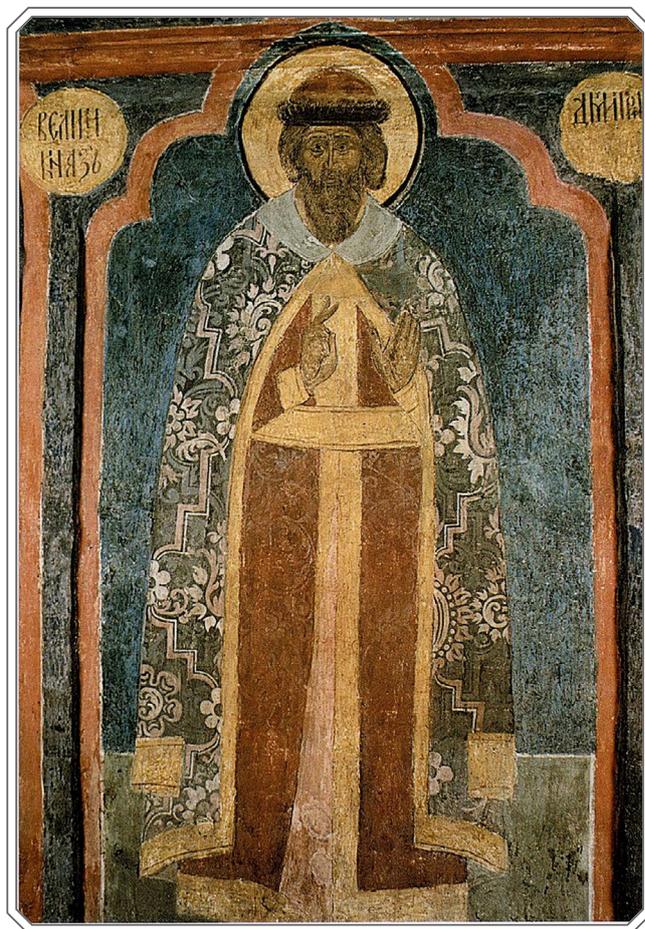
Первое летописное упоминание города Костромы

Летописи и летописцы всегда считались символами истории. Однако среди историков, особенно в последнее время, стало модно подвергать их сомнению. Пишут о недостоверности, компилятивности и субъективности летописных текстов. Но история летописей знает имена ученых, отдавших жизнь на их изучение, многие труды которых вышли уже после их смерти. А.А. Шахматов, М.Д. Приселков, А.Н. Насонов... Они заложили основы изучения летописного материала, наметили пути их исследования, они открыли для нас новые летописи. Да, они признавали компилятивность поздних летописных сводов, но компиляцию чаще всего бережную, продуманную, позволяющую открывать и восстанавливать предшествующие древнейшие своды. Да, они признавали субъективность летописей, ведь писали их не отшельники. Как отмечал А.А. Шахматов, рукой летописца, как княжеского, так и монастырского, управляли политические страсти и мирские интересы. Но они никогда не признавали недостоверности летописных известий, наоборот, подчеркивали их «драгоценность» и «необходимость» для изучения прошлого, потому что для многих периодов русской истории только в этом источнике мы можем черпать факты и последовательность событий¹.

В истории любого древнерусского города важным является вопрос о времени первого упоминания его в летописях. Чаще всего эта дата не совпадает со временем возникновения города. Подтверждение этому – история Костромы.

Когда же наш город впервые появляется в летописных источниках? В краеведческой литературе XVIII – XIX вв., в трудах Николая Степановича Сумарокова, Ивана Кузьмича

Васькова, князя Козловского, протоиерея Павла Федоровича Островского² имеются ссылки на дату 1208 год как на первое летописное упоминание о Костроме. Будто бы в этом году великий Владимирский князь Всеволод Большое Гнездо³ дал старшему сыну Константину, прозванному Мудрым, «в удел Ростов с пятью городами, в числе которых Кострома и Галич.

Князь Всеволод Большое Гнездо
(1154 - 1212 гг.).
Стенопись Архангельского собора Московского
Кремля.

С того времени города сии присоединились к удельному Княжеству Ростовскому»⁴. И далее уже Константин, будучи великим князем Владимирским, перед своей кончиной в феврале 1218 года «детям своим дал уделы, из коих старшему десятилетнему Василию – Ростов и Кострому»⁵.

На что же опирались все костромские писатели в этом вопросе? Ссылаются они на труд известного русского ученого, историка XVIII века Василия Никитича Татищева «История Российская», в котором автор даже расширил круг городов, выделенных князем Всеволодом сыну Константину⁶: «Дал ему Ростов с пятью другими городами: Белоозеро, Угличе Поле,

Ярославль, Кострому, Галич Меряжский»⁷. А в 1218 году, как отмечает В.Н. Татищев, князь Константин распорядился своим детям: «Вот даю вам. Тебе Василий, Ростов и Кострому со всею областью Галицкою»⁸.

Таким образом, исходя из сочинений В.Н. Татищева и костромских краеведов, датой первого письменного известия о Костроме называется 1208 год. К сожалению, известный историк не оставил комментариев о летописях, которые использовал в своих исторических рассуждениях. Поэтому нам предстоит самим проверить достоверность и точность этих известий, обратившись непосредственно к первоисточникам – текстам русских летописей.

**Князь Константин Всеволодович
(1185 - 1218 гг.).
Стенопись Архангельского собора
Московского Кремля.**

**Князь Юрий Всеволодович (1188 - 1238 гг.).
Стенопись Архангельского собора
Московского Кремля.**

Рассмотрим тексты всех дошедших до нас северо-восточных летописей: и самых ранних XIII – XIV вв. – Летописца Переяславля Суздальского и Лаврентьевской летописи; и более поздних летописных памятников московского происхождения XV – XVI вв. – Московского летописного свода и Симеоновской летописи, Типографской, Тверской и Воскресенской, Ермолинской и Никоновской.

Наиболее ранняя из всех летописей – Летописец Переяславля Суздальского, – хотя и датируется исследователями началом XIII века и содержит многочисленные известия о великом Владимирском князе Всеволоде Юрьевиче Большое Гнездо и его сыновьях⁹, под 1208 годом ничего не сообщает о наделении городами князя Константина.

Впервые интересующее нас сообщение мы встречаем в Лаврентьевской летописи, выполненной в 1377 году монахом Лаврентием по заказу Нижегородского князя Дмитрия Константиновича и благословению епископа Суздальского Дионисия: «Тое же зимы [...] князь великий [...] Костянтина остави у собе и да ему Ростов, и инех 5 городов да ему к Ростову»¹⁰. Сообщение датируется зимой 1208 года. Эту же информацию повторяют Симеоновская¹¹ (конца XV века, названная А.А. Шахматовым по имени книжного редактора XVII в. Никофора Симеонова, одного из владельцев рукописи); Типографская¹² (Ростовский владычный свод рубежа XV – XVI вв.) и Воскресенская¹³ (XVI века, один из списков которой принадлежал Воскресенскому монастырю в Новом Иерусалиме) летописи.

Московский летописный свод конца XV века¹⁴, Ермолинская¹⁵ (конца XV века, названная по имени русского архитектора и строителя В.Д. Ермолина) и Тверская (XVI века, содержащая значительные фрагменты тверского летописания) летописи доносят до нас это известие в сокращенном варианте: «А Коньстантина остави у себе, а дасть ему Ростов»¹⁶.

Остается Никоновская летопись XVI века, названная по имени Патриарха Никона,

**Князь Ярослав Всеволодович
(1191 - 1246 гг.).
Миниатюра из Царского
титулярника XVII века.**

которому принадлежал один из её списков. Эта летопись была особенно любима Василием Никитичем Татищевым, по поручению которого была изготовлена копия с нее. Известия Никоновской Патриаршей летописи во многом легли в основу его «Истории Российской». Но оказалось, что рассказ о событиях 1208 года в Никоновской летописи существенно отличается от текста сочинения самого Василия Никитича и перекликается с известиями других летописей: «Князь велики Всеволод Юрьев сын Долгорукаго [...] старейшаго сына своего князя Константина остави у себя, и даде ему град Ростов и иных к тому пять градов»¹⁷.

Таким образом, мы видим, что ни в одной летописи, отражающей историю Владимиро-Суздальской земли, нет упоминания о Костроме в 1208 году. Возможно, В.Н. Татищев опирался на какие-то не дошедшие до нас летописи.

си, но указаний на них историк нам не оставил. Можно допустить, что Кострома могла входить в состав пяти городов, данных князю Константину отцом, но, поскольку эти города в летописях не названы, мы не можем говорить о 1208 годе как о дате первого упоминания города Костромы в русских летописях.

Первым, кто критически отнесся к утверждениям В.Н. Татищева, был российский историк Андрей Васильевич Экземплярский, который писал: «Отдельные историки, или лица, касавшиеся почему-либо истории Костромы, считают последнюю в числе тех пяти городов, которые Всеволод в 1207 или 1208 г. дал сыну Константину в придачу к Ростову. Пять городов, данных Константину в придачу к Ростову, в летописях не поименованы. Конечно, здесь является обширное поле для самопроизвольных догадок и даже положительных решений относительно занимающего нас вопроса: насчитайте пять городов – и вопрос решен. Так многие и делали»¹⁸.

Первые о Костроме русские письменные летописные источники говорят под 1213 годом. Они рассказывают о трагических событиях в нашем городе: Ростовский князь Константин сжег Кострому, а жителей ее увел в плен. Всё, что случилось в Костроме – лишь эпизод междоусобной войны, которую вели за великокняжеский стол сыновья умершего в апреле 1212 года великого Владимирского князя Всеволода Большое Гнездо – старший Константин и второй сын Юрий. Заглянем же и мы на летописные страницы и восстановим ход событий, приведших к трагедии в Костроме.

Еще при жизни своей, в 1211 году, великий князь Всеволод Большое Гнездо предпринял попытку наделить своих сыновей княжескими уделами, великокняжеский же стол передать, согласно действовавшей системе престолонаследования, старшему 26-летнему Константину, который уже с 1208 года княжил в Ростове: «Князь великий Всеволод Юревич посылает в Ростов по сына своего Костянтина,

дая ему по своему животе великое княжение в Володимери, а Ростов Юрию, он же не поехал, хотя Володимера к Ростову, яко то есть старый город»¹⁹. Вторичное приглашение отца было вновь отвергнуто Константином, упорно стремившимся поставить Ростов над Владимиром. Но эти требования не были приемлемы ни для великого князя, ни для боярства и владимирского «люда». Еще не забылись времена острого противостояния за первенство и победы Владимира над старшими городами Ростовом и Суздалем.

И тогда «князь великий Всеволод созвал всех бояр своих с городов и с волостей, и епископа Иоана, и игумены, и попы, и купцы, и дворяны и вси люди, и да сыну своему Юрию Володимер по себе и води всех ко кресту, и целоваша вси людие на Юрии, приказа же ему и братью свою»²⁰. Так преемником отца на великокняжеском Владимирском столе стал второй сын Всеволода 23-летний Юрий (Георгий)²¹, которому присягнуло все население Владимирской земли. События в стольном граде не прошли незамеченными для князя Константина: «Костянтин же слышав то, и воздвиже брови своя с гневом на братию свою, паче же на Георгия»²².

15 апреля 1212 года умирает «благочестивый христоролюбивый князь Всеволод», и «сиде по нем сын его Юрьи в Володимири»²³. Князь Константин не приехал из Ростова проводить в последний путь отца. Смирившись с решением великого князя Всеволода при его жизни, после его кончины Константин замыслил с помощью оружия бороться за великий престол: «Слышав же Костянтин, оже отец мрътв, а Гюрги седит в Володимири на отни столе, и рече: «То сему ли подобает седети на отни столе, меньшему, а не мне, болшему? И нача собирати воя с братом Святославом на Гюргя»²⁴.

Эти события разделили большую семью почившего Всеволода Большое Гнездо на два враждебных лагеря: к старшему брату Константину примкнул 16-летний Святослав²⁵, пятый сын князя Всеволода, «разгневавшись» по

какой-то причине на «Гюргя». Сторонниками же Юрия стали братья 21-летний Ярослав²⁶, 20-летний Владимир²⁷ и 15-летний Иван²⁸: «Гюрги [...] призвал к себе Ярослава и рече ему: «Брате Ярославе, аще поидет на мя Костянтин, буди ты с мною в помощь мне, паки ли на тя поидеть, то аз по тебе в помощь буду». Ярослав же рече тогда: «Велми, брате, тако буди. И тогда Ярослав целовав крест с братом Гюргем»²⁹.

Узнав о сборе Константиновой рати, великий князь Юрий предложил старшему брату то, что хотел утвердить их отец: «Брате Костянтине, оже хочешь Володимирия, иди сяди в нем, а мне даи Ростов». Но у Константина к этому времени замыслы изменились: желая уже сам сесть на стол во Владимире, Ростов он хотел отдать своему 4-летнему сыну Васильку, поэтому предложил брату: «Ты садись в Суздале», чего Юрий, конечно, не хотел.

Начался первый этап междоусобной войны. Не добившись согласия Константина, Юрий призвал на помощь Ярослава: «Идет на мя брат Костянтин, и ныне поиди, брате, да любо ся с ним уладива, любо будем биевася»³⁰. Объединенное войско братьев, великого князя Юрия с владимирцами и суздальцами, князя Ярослава с переяславцами, юрьевцев с князем Владимиром, подошло к Ростову и встало за рекой Иншею, сильно заболоченной. Константин же расставил свои ростовские полки на бродах у реки, по которым только и можно было пройти к городу. «И тако начяша Ярославля дружина и Гюргева битися о реку Ишьню»³¹. Пока стояли братья у города Ростова в течение 4-х недель, «много пакости створиша, села пожгоша, скот поимаша, жито пасошя». Не одолев друг друга, братья «умиришася, целовавше крест и разъехашася кождо их всвояси»³². Все они возвратились в свои княжеские владения, как учредил им отец: Константин – в Ростов, Юрий – на великокняжеский Владимирский стол, Ярослав – в Переяславль Залесский, Владимир – в свой Юрьев Польской.

Несмотря на крестоцеловальные до-

говоренности, междоусобица 1212 года продолжилась зимой. Брат Владимир, не желая княжить в Юрьеве Польском, «беже в Ростов к Костянтину». Нарушенное мирное равновесие потребовало нового княжеского съезда, который произошел у города Юрьева. И снова князь «смиришася». Но внутреннее недовольство бурлило и выплескивалось наружу. Обе стороны использовали в своих интересах младших братьев – Владимира и Святослава. Константин послал Владимира «на Волок, а с Волока на Москву, и седе ту в брата своего городе в Гюргове», т.е. князь Владимир захватил Москву – город, принадлежавший его брату Юрию, и «затворился», то есть укрепился в ней. А брат Святослав в это время уходит от Константина к Юрию и получает от великого князя город Юрьев Польской, удел брата Владимира. Все это говорит о новых военных планах обеих сторон: Константина с Владимиром и Юрия с Ярославом.

В 1213 году междоусобица вспыхнула с новой силой. Анализ летописных текстов позволяет установить, что инициатором снова выступил Константин: «Начат Костянтин опять рать замышляти на братию». Противники во главе с великим князем Юрием, к войску которого присоединился еще Муромский князь Давыд Владимирович, собравшись, двинулись к Ростову.

И вот, как раз в этот момент, произошли трагические события в Костроме: «Слышав же их Костянтин, и посла полк свои на Кострому и пожже ю всю, а люди изымаша»³³... Войско ростовского князя не только сожгло Кострому, а ее население увело в плен, но и захватило близлежащие селения: «Костянтин отъят у Гюргя Соль Великую, [...] а у Ярослава отъя Нерохъть»³⁴. Удар Константина был продуман и направлен на важнейшие центры соледобычи – Нерехту и Соль Великую, принадлежавшие его братьям. Да и Кострома в это время приобретает важное стратегическое значение для великих Владимирских князей: удобное расположение города на изгибе Волги, при

впадении в нее реки Костромы, позволяло контролировать проходившие по рекам суда.

Предположим, что В.Н. Татищев был прав, и Кострома с 1208 года была передана в числе 5 городов князю Константину. Возникает закономерный вопрос – зачем Ростовскому князю в 1213 году нужно было сжигать свой город, принадлежавший ему уже 5 лет, нанося себе же большой ущерб, а своих же людей уводя в плен? Конечно же, в 1213 году Константин сжег Кострому как город, принадлежавший его брату, великому князю Владимирскому Юрию.

Благодаря летописям мы можем более точно определить, когда произошли эти события в 1213 году. Рассказ о них в Московском летописном своде и в Воскресенской летописи идет сразу же после точно датированного 4-м июня крупного пожара в стольном граде Владимире, во время которого сгорело 200 дворов и 4 церкви «Иоана Богослова, Иоана Предтечи и Илиа и Еупатии»³⁵. Разгром Костромы войском Ростовского князя Константина можно отнести к самому разгару, самой макушке лета 1213 года. Рассказ об этих трагических собы-

Женитьба князя Стародубского Владимира Всеволодовича в Переяславле Русском на дочери князя Глеба Святославовича.

Князь Иван Всеволодович со старшим братом Святославом в удачном походе на мордву. 1226 год.

тиях лета 1213 года и есть первое упоминание о Костроме в русских летописях. И одновременно о Соли Великой, и о Нерехте, сообщение о которых содержится только в Летописце Переяславля Суздальского, но ошибочно, под 1214 годом.

В это время к Ростову подступили войска великого князя, произошла битва на реке Ишне, «много села пожгоша около Ростова». Князь Владимир, сторонник брата Константина, укрепившийся в Москве, вместе со своей дружиной и москвичами пошли к городу Дмитрову, принадлежавшему князю Ярославу. «Слышавше же дмитровци, оже идет на них Владимир, и пожгоша сами все предградие, и затворишася. Владимир же приехав, не доспе им ничтоже, зане дмитровци крепко биахутся з города. Тогда хотеша и Владимира застрелити, и бежа от града с полком своим, убоюся брата своего Ярослава». Дмитровцы, упорно защищавшие свой город, видя бегство дружины Владимира, вышли из города и «избишя зад дружины его»³⁶. Князь Владимир, изрядно потрепанный, возвратился в Москву.

Несмотря на то, что у Ростова войска противников рвались в бой, князья Юрий и Ярослав не дали им сойтись в битве – «не спущавше полков своих с Костянтиновым полком», и «умиришася с ним, и целоваша крест между собою». Оставалось только договориться с князем Владимиром. Для этого «Гюргии поиде к Москве на Владимира, испросив помочь у Костянтина и у Ярослава, и пришед осаде Москву; свои ему город, и посла к Володимиру в город, река: «Еди ко мне, не бойся, аз убо тебе не снем, ты мне еси брат свои». Владимир выехал к нему навстречу, и великий князь Юрий «уладися с ним» о том, что Владимир покинет пределы Владимирского княжества и уедет «на стол в Русьскыи Переяславль, на отчину свою»³⁷.

После этих событий на великокняжеской территории между князьями наступил мир, продлившийся до 1216 года. Каждый князь продолжил занимать свои владения: Юрий –

великий стол во Владимире, Константин – Ростов, Ярослав – Переяславль Залесский, Святослав – Юрьев Польской. Владимир ушел на юг, княжить в Переяславле Русском. Лишь в 1216 году, в результате нового конфликта, в который были вовлечены кроме владимирского и ростовского населения жители Смоленской земли и Новгорода Великого, после ожесточенного сражения на реке Липице, Ростовский князь Константин стал наконец-то великим князем Владимирским.

Кострома, сожженная князем Константином, в дальнейшем была отстроена и немало пережила за свою историю. Свидетельством тому является следующее за первым летописное сообщение о разгроме нашего города во время Батыева опустошительного завоевания зимой 1238 года³⁸.

Для восстановления событий этой междоусобной войны мы обращались к текстам многих уже названных летописей, но не к самым ранним, сохранившимся здесь на Северо-Востоке Руси – Летописцу Переяславля Суздальского и Лаврентьевской. Почему?

Оказывается, в «Летописце русских царей», или «Летописце Переяславля Суздальского», как стали ученые называть этот исторический источник вслед за открывшим его Михаилом Андреевичем Оболенским, директором Московского главного архива Министерства иностранных дел события в Костроме, которые нас интересуют, датируются не 1213, а 1214 годом. Летописец подробно, очень эмоционально рассказывает нам о борьбе за великокняжеский стол родных братьев. Но более поздняя датировка этих событий не позволяет нам рассматривать эту летопись в вопросе о первом упоминании Костромы в русских письменных источниках.

В Лаврентьевской же летописи нет ни строчки о сожжении Костромы в 1213 году, а все события княжеской вражды начала XIII века описаны совсем по-иному: они замалчиваются, рисуются в виде миролюбия и согласия. Под 1212 годом в Лаврентьевской лето-

писи помещено следующее сообщение: «Того же лета приходи Юрги князь с Ярославом к Ростову, и умиришася с Костянтином, и разидоша каждо всояси». И в 1213 году летопись рассказывает нам о полюбовном решении князьями всех спорных вопросов: «Того же лета во второе приходи Юрги с Ярославом к Ростову, и створиша поряд с Костянтином, и идоста от Ростова к Москве Гюрги с Ярославом, и извед Гюрги из Москвы Володимера, и посла и в Руский Переяславль на стол, на отчину свою»³⁹. Такая трактовка событий объясняется тем, что описание их попало в Лаврентьевскую летопись из Ростовских летописных текстов, составленных как раз при князе Константине, сжегшем Кострому, и продолженных позже при его сыне Васильке. Используя ростовский материал, составитель Лаврентьевской летописи в XIV веке, перед лицом более беспощадного врага, какими были ордынцы, хотел, вероятно, подчеркнуть важную для Руси идею княжеского единения, мысль о том, что во времена дедов князья-братья действовали в согласии и мире между собой.

Таким образом, в русских письменных источниках Кострома впервые упоминается под 1213 годом, и самым ранним документом можно назвать Московский летописный свод конца XV века.

Примечания

1. Приселков М.Д. История русского летописания. XI-XV вв. – СПб., 1996. – С. 35.
2. Сумароков Н.С. История о первоначалии и происшествиях города Костромы до учреждения наместничества, сочиненная тогда костромского дворянства предводителем. Л. 24. Васьков И.К. Собрание исторических известий, относящихся до Костромы. – М., 1792. – С. 5. Островский П.Ф. Исторические записки о Костроме и ее святыне, благочестночитимой в императорском Доме Романовых. – Кострома, 1864. – С. 2.
3. Всеволод Юрьевич Большое Гнездо (1154-1212) – великий князь Владимирский.
4. Взгляд на историю города Костромы, составленный трудами князя Александра Козловского. – М., 1840. – С. 9.
5. Васьков И.К. Собрание исторических известий, относящихся до Костромы. – М., 1792. – С. 7.
6. Константин Всеволодович (1185-1218) – князь Новгородский (1205-1208), князь Ростовский (1208-1216), великий князь Владимирский (1216-1218).
7. Татищев В.Н. История Российская. Том 2. – М., 2003. – С. 475.

8. Татищев В.Н. Указ. соч. – С. 510.
9. Летописец Переяславля Суздальского был создан «как личная летопись Ярослава» Всеволодовича. См.: Инков А.А. Летописец Переяславля Суздальского: предисловие, перевод, комментарий. – М.: Изд-во Моск. гуманит. ун-та, 2016. – С. 6.
10. Лаврентьевская летопись / Полное собрание русских летописей, изданное по высочайшему повелению Археографическою Комиссиею. Т. 1. – СПб., 1846. – С. 183 (далее – ПСРЛ).
11. Симеоновская летопись. ПСРЛ. Т. 18. – СПб., 1913. – С. 45.
12. Летопись по Типографскому списку. ПСРЛ. Т. 24. Пг., 1921. – С. 85.
13. Летопись по Воскресенскому списку. ПСРЛ. Т. 7. – СПб., 1856. – С. 115.
14. Московский летописный свод конца XV века. ПСРЛ. Т. 25. – М.-Л., 1949. – С. 107.
15. Ермолинская летопись / ПСРЛ. Т. 23. – СПб., 1910. – С. 62.
16. Летописный сборник, именуемый Тверскою летописью. ПСРЛ. Т. 15. – СПб., 1863. Стб. 307.
17. Летописный сборник, именуемый Патриаршею или Никоновскою летописью. Т. 10. – СПб., 1885. – С. 58-59.
18. Великие и удельные князья Северной Руси в татарский период с 1238 по 1505 г. Биографические очерки по первоисточникам и главнейшим пособиям А.В. Экземплярского. Т. 2. – СПб., 1891. – С. 262.
19. Летописный сборник, именуемый Тверскою летописью. ПСРЛ. Т. 15. – СПб., 1863. – Стб. 310.
20. Летопись по Воскресенскому списку. ПСРЛ. Т. 7. – СПб., 1856. – С. 117.
21. Юрий Всеволодович (1188-1238) – великий князь Владимирский (1212-1216; 1218-1238), князь Городецкий (1216-1217), князь Суздальский (1217-1218).
22. Летопись по Воскресенскому списку. – С. 117.
23. Ермолинская летопись. ПСРЛ. Т. 23. – СПб., 1910. – С. 63.
24. Летописец Переяславля Суздальского. ПСРЛ. Т. 41. – М., 1995. – С. 130.
25. Святослав Всеволодович (1196-1252) – великий князь Владимирский (1246-1248). За время своей жизни князь Святослав княжил в Новгороде, Переяславле-Южном, Суздале, Владимире, Юрьеве-Польском.
26. Ярослав Всеволодович (1191-1246) – князь Переяславский, Переяславль-Залесский, великий Киевский князь (1236-1238, 1243-1246), Новгородский князь и великий князь Владимирский (1238-1246).
27. Владимир Всеволодович (1192-1227) – князь Стародубский.
28. Иван Всеволодович (1197/1198-1247) – князь Стародубский.
29. Летописец Переяславля Суздальского. – С. 130.
30. Там же. – С. 130.
31. Там же. – С. 130.
32. Там же. – С. 130.
33. Московский летописный свод конца XV века. ПСРЛ. Т. 25. – М.-Л., 1949. – С. 110.
34. Летописец Переяславля Суздальского. ПСРЛ. Т. 41. – М., 1995. – С. 131.
35. ПСРЛ. Т. 25. – С. 110. ПСРЛ. Т. 7. – С. 119.
36. Летописец Переяславля Суздальского. ПСРЛ. Т. 41. – М., 1995. – С. 131.
37. Указ. Соч. – С. 131.
38. Симеоновская летопись. ПСРЛ. Т. 18. – СПб., 1913. – С. 57.
39. Лаврентьевская летопись. ПСРЛ. Т. 1. – С. 185.

Когда и где была основана Кострома

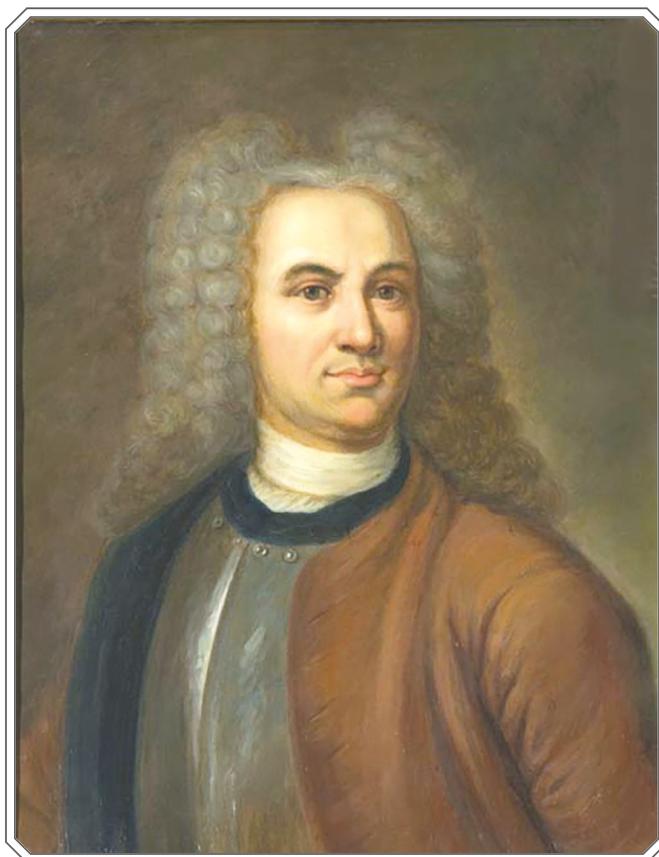
Русские летописи, как мы выяснили, впервые упоминают о Костроме в 1213 году. Это начальное известие повествует нам не о возведении Костромы кем-либо из князей, не об основании её. На город и его жителей направлена месть одного из князей в борьбе за великокняжеский Владимирский престол. Значит в 1213 году город уже существует, он живет своей жизнью, это сложившееся поселение, которое было сожжено, а население уведено в плен. Это даёт возможность говорить о возникновении Костромы раньше, чем летописец впервые упомянул её в своем труде. Когда же возник город Кострома? Кого из князей мы можем назвать основателем нашего города?

Надо отметить, что вопрос о точной дате рождения Костромы и о князе, заложившем её, является до сих пор нерешенным в истории нашего родного города. И причина этого кроется в том, что в русских письменных источниках вопрос этот не нашел своего отражения. Но всем нам хорошо известно, что на одной из центральных площадей Костромы поставлен памятник «основателю» нашего города – Ростово-Суздальскому князю Юрию Владимировичу Долгорукому, а Кострома отметила уже свое 870-летие, отсчитывая рождение от 1152 года.

Откуда же взялась эта дата? Поиски её во всех известных ныне летописных сводах не увенчаются успехом. Её нет на страницах русских летописей.

1152 год, как дата основания Костромы, впервые появляется в труде известного русского ученого, историка XVIII века Василия Никитича Татищева «История Российская». Исследователи часто пишут, что с «легкой руки» Василия Никитича многие древнерусские города могут считать своим основателем имен-

но князя Юрия Долгорукого – Галич и Городец, Звенигород и Углич, Юрьевец и Стародуб. И хотя письменные документы, подтверждающие данные Татищева, до сих пор не найдены, а археологически время возникновения этих городов или удревняется, или омолаживается, огромное историческое значение труда В.Н. Татищева от этого нисколько не уменьшается. Надо отметить, что он был первым историком российского масштаба, писавшим о возникновении многих небольших русских городов, таких как Кострома. Кроме того, Татищев, всегда ратовавший за соби́рание и из-

Василий Никитич Татищев (1686-1750 гг.).

дание письменных источников, построил свое историческое сочинение на первоисточниках и даже в «летописном порядке», т.е. по образцу летописей – в виде хроники датированных событий. И поэтому часто его работы воспринимаются как летописный свод. Но, с другой стороны, так называемые «татищевские известия», т.е. известия, которые историки не находят в летописях, подвергаются критике, за преднамеренную компиляцию, приукрашивание и часто изменение смысла летописных данных.

Попробуем и мы критически разобраться в текстах В.Н. Татищева по вопросу основания Костромы.

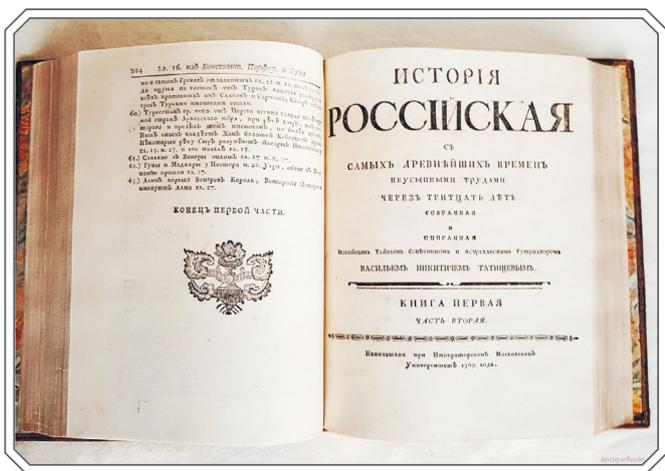
Известно, что труд В.Н. Татищева «История Российская» имеет две основные редакции – раннюю и позднюю. Ранний вариант своей работы Татищев закончил в целом к 1739 году, когда он прибыл в Санкт-Петербург с рукописью для обсуждения ее в ученых кругах. Работа над второй редакцией шла в 1740-е годы в подмосковной усадьбе Болдино вплоть до смерти автора. Именно второй, поздний вариант труда ученого вошел в изданную уже после кончины автора многотомную историческую книгу. Рассмотрим сначала текст этой поздней книжной редакции.

О начале нашего города в пятитомной «Истории Российской» В.Н. Татищева говорится в главе под названием «Разделение государства на два великие княжения»: Юрий

Долгорукий «зачал строить во области своей многие грады: Юрьев в поле, Переяславль у Клещина озера, Владимир на Клязьме, Кострому, Ярославль и другие многие грады»¹. В этом фрагменте текста названы 5 городов, основанных князем Юрием Долгоруким. Критический анализ текста указывает, что в перечне городов ошибочно упомянуты Владимир и Ярославль, города, возникшие значительно раньше времени княжения Юрия Долгорукого и носящие имена своих основателей. Владимир, как считают исследователи, опираясь на письменные документы, был основан в 1108 году Переяславским князем Владимиром Мономахом²; а Ярославль – до 1015 года Ростовским князем Ярославом Мудрым³.

Остается в списке В.Н. Татищева три города – Юрьев – современный город Юрьев-Польский, Переяславль, ныне Залесский, и Кострома. До нас дошел древнерусский источник, приводящий список построенных Юрием Долгоруким городов и храмов, так называемая «Типографская летопись» – свод ростовского владычного (архиепископского) происхождения, созданный на рубеже XV – XVI вв., достаточно полно повествующий о событиях в Ростово-Суздальской земле. В статье под 1152 (6660) годом Типографская летопись сообщает: «Тогда же Георгий князь в Суждале и многи церкви поставиша по Суздальской стране и церковь постави камену на Нерли святых мученик Бориса и Глеба, и святого Спаса в Суздале, и святого Георгия в Володимери камену же. И Переяславль град перевед от Клещениа, и заложи велик град и церковь камену в нем доспе святого Спаса [...]. И Гергев град заложи и в нем церковь доспе камену святого мученика Георгия»⁴. Таким образом, Типографская летопись подтверждает основание князем Юрием Долгоруким двух городов – Переяславля, перенесенного на новом месте, и Юрьева, названного именем основателя его Юрия-Георгия. Кострома же в данном летописном своде под 1152 годом не называется. Наш город, по-существу, остается один в тексте Татищева, нигде не упоминаемый.

Обратимся теперь к тексту первой, ранней редакции «Истории Российской» В.Н. Татищева

В.Н. Татищев «История Российская».

ва. Она, по мнению исследователей, более всего отвечала первоначальным замыслам ученого и его историческим убеждениям. Интересующий нас текст помещен в главе под названием «Великий князь Георгий Володимирович в Белой Руси, сего имени»: «Великий князь Юрий Володимирович (Долгорукий) заложи в отчине своей грады Юрьев в Поле, Переяславль у Клешнина озера, Володимер на Клязьме и другие многие города теми же имяны, иж в Руси суть, хотя тем утолти печаль свою, иже лишился Русские власти»⁵. В этом тексте упоминаются уже не пять городов, как во второй редакции, а три – Юрьев, Переяславль и Владимир. Костромы среди них уже нет.

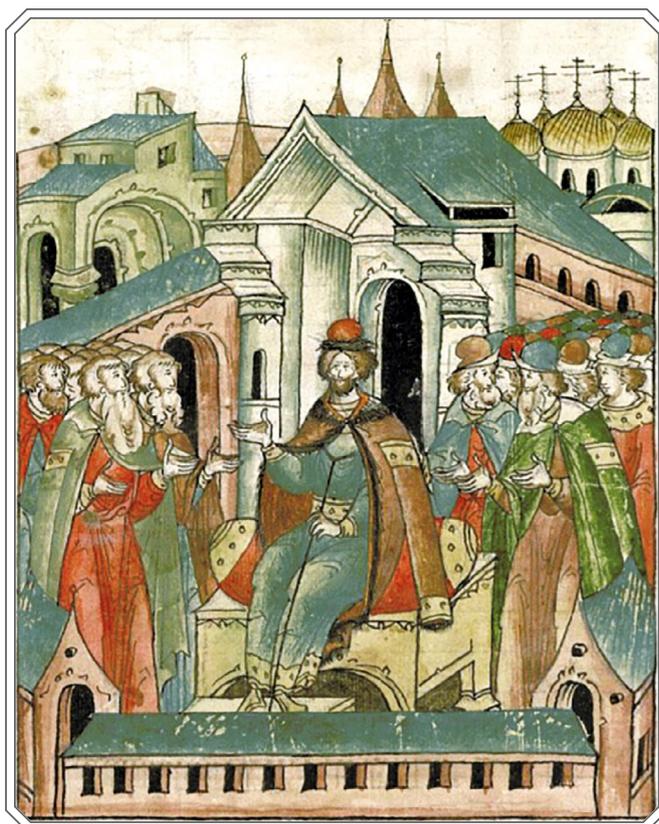
Важно для нас, на что же опирался сам В.Н. Татищев в своих выводах, на какой письменный источник? Ученый в комментарии к ранней редакции указывает эту летопись, которую использовал и которая легла в основу интересующего нас текста. Татищев приводит отрывок Новгородской летописи, на которую он, видимо, опирался: «Юрий, вспоминая города просто русские, иже быша владения его и отъяты Изяславом, построи Юриев в Поле и другие грады»⁶. Как видим, в этом летописном тексте упоминается только один город – Юрьев Польской, других же городов, в том числе и нашей Костромы, в нем нет.

Да и во вторую, позднюю редакцию Татищевского сочинения, где наш город упоминается, название Костромы вместе с Ярославлем внесено в текст построчно, то есть позже, когда основной текст был уже сформирован. Это видно из рукописного автографа самого В.Н. Татищева⁷, фото листа которого помещено в издании 1964 года труда ученого на странице 45.

На ошибку Василия Никитича в свое время указал историк, профессор Петербургского университета Александр Евгеньевич Пресняков, который при исследовании вопроса о градостроительной деятельности Юрия Долгорукого выяснил, что же в действительности основал князь: в 1135 году им был заложен город Кснятин; в 1151 году – Юрьев в Поле и перенесен на новое место Переяславль; в 1154

**Печать Ярослава Мудрого.
Из частной коллекции.**

Князь Владимир Мономах на великом Киевском престоле. Миниатюра Лицевого летописного свода XVI века.

году основан город Дмитров; к 1147 году относится первое упоминание о Москве, которую князь Юрий укрепил, то есть возвел крепость, в 1157 году⁸. Следовательно, версия В.Н. Татищева об основании Костромы Ростово-Суздальским князем Юрием Владимировичем Долгоруким не подтверждается письменными летописными источниками и не поддерживается большинством исследователей-историков. Это не мешает костромичам праздновать год рождения нашего города, ведя отсчет от 1152 года, а некоторым историкам придерживаться её без критического анализа⁹. Надо отметить, что на традиционной, татищевской точке зрения строили свои труды и большинство костромских краеведов конца XIX – начала XX вв.: Н.С. Сумароков¹⁰, князь А. Козловский¹¹, протоиерей П.Ф. Островский¹², Л.С. Скворцов¹³.

Сомнения по поводу предположений В.Н. Татищева были высказаны только Иваном Кузьмичом Васьковым в его труде «Собрание исторических известий, относящихся до Костромы», где он пишет: «О начале, когда, кем и на какой случай город Кострома построен, достоверных сведений не находится, кроме Истории Господина Татищева [...]; но имена их, как видно, упомянул гадательно, поместив между ими и Кострому». И.К. Васьков также замечал, что у «преподобного Нестора, писателя Российской Истории» [...] и «в прочих древних писателях о начале Костромы точного свидетельства не обретаются»¹⁴.

Исследователи XX века – Александр Евгеньевич Пресняков, Арсений Николаевич Насонов, Владимир Андреевич Кучкин, тоже критически отнеслись к утверждению В.Н. Татищева об основании Костромы Ростово-Суздальским князем Юрием Долгоруким в 1152 году. Их критика основывается на летописных данных – на сообщении уже знакомой нам Типографской летописи, в которой под 1152 годом помещен рассказ о нападении волжских булгар¹⁵ на город Ярославль. События, описанные в летописи, переносят нас во времена Ростово-Суздальского князя Юрия Долгорукого: «Приидоша болгаре по Волзе к Ярославлю без весты и остоупиша градок в лодиях, бе бо мал

градок, и изнемогаху людие в граде гладом и жажею, и не бе лзе никоуму же изити из града и дати весть Ростовцев. Един же оуноша от людей ярославских нощию изшед из града, перебред рекоу, вборзе доеха Ростова и сказа им Болгары пришедша. Ростовцы же пришедша победиша Болгары»¹⁶. По летописному рассказу булгары напали на Ярославль, в то время небольшой городок, окружили и осадили его, отчего в городе начался голод. Только одному юноше удалось выбраться, быстро добраться до Ростова и, позвав на помощь ростовцев, спасти свой город.

Исследователи в этом сообщении особое внимание обратили на слова летописца о том, что булгары подошли к Ярославлю «без весты». Это свидетельствует о том, что ярославцы были осаждены в своем городе внезапно, без предупреждения; что на пути булгар по реке Волге им не встретилось ни одного городского поселения, жители которого оказали бы сопротивление врагу и, как это существовало в старину, предупредили бы ярославцев о грядущей опасности. На основании летописной записи 1152 года крупнейший ученый истории средневековой Руси А.Н. Насонов сделал вывод, что ростово-суздальских городов по реке Волге восточнее Ярославля в середине XII века не было¹⁷. Такое заключение другому современному исследователю В.А. Кучкину представляется бесспорным¹⁸. То обстоятельство, что на помощь Ярославлю пришел не Ростово-Суздальский князь Юрий Долгорукий, а ростовцы, к которым обратились ярославцы

Князь Юрий Долгорукий на великом Киевском престоле. Миниатюра Радзивилловской летописи конца XV века.

за помощью, говорит об отсутствии князя в это время в своем княжестве. Действительно, летописи говорят о том, что в 1152 году князь Юрий Владимирович вместе с рязанцами и половцами воевал на юге¹⁹.

Но, может быть, Юрий Владимирович основал город Кострому после нападения волжских булгар, совершив ответный военный поход на противника? Летописи молчат об этом. Видимо, в нарушение всех сложившихся традиций поход булгар 1152 года воинственный Юрий так и оставил без ответа.

Внимательный анализ исторической обстановки, отразившейся в документальных источниках, прежде всего, в Лаврентьевской и Ипатьевской летописях, свидетельствует, что в конце 1140-х – начале 1150-х годов военные и политические усилия Юрия Долгорукого приковывало «западное» и «южное», а отнюдь не «восточное» направление. Последние 9 лет своей жизни Юрий Долгорукий вел изнурительные войны за Киевский великокняжеский престол, то захватывал его, то изгонялся из Киева, и в 1157 году он умер великим Киевским князем.

Кроме того, в 1149 году на запад и северо-запад Ростово-Суздальской земли обрушились объединенные силы новгородцев, смолян и черниговцев под общим руководством киевского князя Изяслава Мстиславича²⁰. Не случайно, видимо, защищая подступы к старейшим городам Суздалью и Ростову, защищая именно эту густонаселенную территорию, Юрий Долгорукий постарался укрепить её, основав здесь города-крепости – Москву, Юрьев, Переяславль, Дмитров. Если мы взглянем на карту расположения заложенных князем Юрием городов, то увидим, что все они сосредоточены на западных и северо-западных границах Ростово-Суздальской земли. И ни одной крепости, расположенной на востоке его владений, которые прикрывали бы территорию

Ростово-Суздальская земля XII века.

княжества от вторжений с востока булгар, не было поставлено князем в это время. Ни одного города, который являлся пограничной крепостью, не было основано Юрием в этом крае. Поэтому и летописи не содержат этих данных. По мнению А.Н. Насонова, «область деятельности Юрия захватывала районы реки Нерли Клязьменской, Ополецину, рек Нерли Волжской, Москвы, Яхромы»²¹, то есть происходило укрепление центральной и западной части Суздальской земли.

Конечно, князь Юрий Владимирович бывал в наших краях, проходил однажды военным походом костромским отрезком Волги, но это было задолго до начала его самостоятельного княжения здесь на Северо-Востоке. В 1120 году он возглавил поход с целью грабежа на города Волжской Булгарии. Но это была, как отмечает историк В.А. Кучкин, «акция, отвечавшая интересам киевской политики Владимира Мономаха» – отца Юрия, от которого он зависел. Став самостоятельным князем, Юрий Долгорукий чаще действовал на Западе и Юге, чем на Востоке. Очевидно, более занятый русскими делами, воевавший то с Черниговом, то с Новгородом, то с Киевом, Юрий был не в состоянии вести борьбу на востоке с Булгарской державой – сильным и воинственным соседом Руси.

Такую борьбу с Волжской Булгарией начали сыновья Юрия Долгорукого – князья Андрей Боголюбский и Всеволод Большое Гнездо. Андрей Боголюбский не только организовал походы на булгарские города в 1164 и 1171 годах, но и основал в этом районе на реке Волге две пограничные крепости – Гороховец и Городец, которые впоследствии стали служить главными опорными пунктами для военных походов при Всеволоде Большое Гнездо.

В 1183 году князем Всеволодом Юрьевичем был организован, как считают историки, грандиозный поход на булгар, в котором приняли участие полки не только со всех земель Всеволода, но и из других княжеств. Местом сбора всех сил был назначен Городец на Волге. Владимирские, рязанские, муромские полки шли к Волге традиционным путем – по рекам Клязьме и Оке.

Для нас важно сообщение летописей об участии в этом походе Белозерского полка, возглавляемого воеводами Фомой и Дорожжем. Полк продвигался с далекого Севера и далее от Ярославля, вниз по Волге, к Городцу. В связи с этим военным походом значимость Волжского пути значительно возрастает, а участок Волги от Ярославля до Городца приобретает важное стратегическое значение. Именно в это время, как считают исследователи, на Волге между Ярославлем и Городцом возникает новый город Кострома. Великий Владимирский князь предпринимает шаги по окняжению этих земель, лежащих к востоку от центральных районов, и закреплению их за собой путем строительства здесь пограничных крепостей. Стратегическое значение Костромы основывалось на очень удобном расположении: город построили на изгибе Волги при впадении в неё реки Костромы, здесь имелся хороший обзор обеих рек, позволявший контролировать проходившие по ним суда.

**Князь Всеволод Юрьевич
Большое Гнездо. Миниатюра из Царского
титулярника XVII века.**

Но не только стратегическое значение имело Костромское Поволжье, но и экономическое. На землях вблизи Костромы были обнаружены соляные месторождения. А соль, как мы знаем, издавна была главным русским богатством и продуктом экспорта. Костромские названия селений Соль Малая, Соль Великая, река Солоница имеют древнее происхождение. Показательно, что в одном летописном тексте 1213 года вместе с Костромой впервые в письменных документах упоминается Нерехта и Соль Великая, места, где в конце XII века возникло и до начала XV века процветало великокняжеское солеварение. По мнению Н.А. Насонова, «ростово-суздальская дань проникает в богатые соляными промыслами места по Солонице и к Соли Великой и в течение II половины XII – первого десятилетия XIII вв. охватывает Костромской район течения Волги и места по Галичскому озеру»²².

Несмотря на более позднее упоминание в летописях, чем время княжения Всеволода Большое Гнездо, эти поселения – Кострома, Нерехта, Соль Великая, как отмечал В.А. Кучкин, «несомненно, возникли при Всеволоде, т.е. до 1212 года»²³, во время жизни этого князя, первого носившего титул великого князя Владимирского. Датировать основание наших городов, таким образом, можно последней четвертью XII века. И хотя прямых подтверждений этого в письменных источниках мы не находим, важные косвенные данные, которые мы попытались рассмотреть, свидетельствуют в пользу этой версии.

Существует еще одна гипотеза по вопросу о времени основания Костромы. Она принадлежит костромскому краеведу Ивану Васильевичу Миловидову (1850-1898 гг.), преподавателю истории в Костромском реальном училище, члену Костромской губернской ученой архивной комиссии (КГУАК). Он считал, что город начинался во второй половине IX века на правом берегу Волги, на месте селения Городище, существовал здесь и в середине XII века при князе Юрии Долгоруком, который мог его дополнительно укрепить. Именно этот город на правом берегу Волги был сожжен в 1213 году князем Константином, а в 1238 году пострадал

от Батыевых отрядов, после чего и был перенесен на левый берег Волги великим Владимирским князем Ярославом Всеволодовичем, который затем отдал Кострому в удел своему младшему сыну князю Василию²⁴.

Версия И.В. Миловидова опровергается материалами археологических раскопок, которые были произведены на Городище в конце XIX века членом КГУАК Николаем Михайловичем Бекаревичем²⁵, в 1920-х годах директором Костромского музея Василием Ивановичем Смирновым, а в конце 1980-х годов – Новостроечной археологической экспедицией Марийского государственного университета²⁶. Во время археологических исследований на Городище были найдены лишь материалы каменного неолитического времени IV – III тыс. до н.э. и раннего железного века I тыс. до н.э. – начала нашей эры. Материалов XI – XIII веков, то есть времени возникновения и существования ранней Костромы, обнаружено не было. Это не только делает несостоятельной гипотезу И.В. Миловидова, но и помогает ответить на вопрос – где же начинался город с момента своего рождения, на правом или на левом берегу реки Волги. Проблемный когда-то вопрос о первоначальном месте основания Костромы в настоящее время является решенным, среди других спорных вопросов в истории нашего древнего города. Это стало возможным благодаря археологическим изысканиям не только на правом берегу Волги, но и на левом.

Здесь, на пересечении двух современных улиц – Островского и Пятницкой, – при разных земляных работах были находимы древние предметы, свидетельствовавшие о существовании какого-то поселения. В 1920 годы в этом месте проводил сборы директор Музея местного края Василий Иванович Смирнов²⁷. В 1951 году впервые на территории нашего города были проведены археологические раскопки экспедицией Государственного исторического музея под руководством сотрудника музея Марии Васильевны Фехнер. В них приняла участие и сотрудница Костромского музея Нина Николаевна Яблокова. Археологический материал, обнаруженный в этой части города, позволил М.В. Фехнер сделать вывод, что

«Кострома находилась на левом берегу Волги еще в домонгольское время. Зародившись, по-видимому, на высоком холме близ слияния рек Волги и Сулы, городское поселение постепенно разрасталось вдоль левого берега Волги до места, где в нее впадает р. Кострома. Естественными границами княжеской Костромы (XIII в.) были: на юге и юго-востоке – долины рек Волги и Сулы, на западе – р. Костромы»²⁸.

С 1989 года в Костроме начались систематические археологические раскопки. В 1989-1990 гг. исследования в Костроме проводил Марийский госуниверситет. С 1992 по 1997 гг. раскопки велись отделом археологии Научно-производственного центра по охране и использованию памятников истории и культуры Костромской области под руководством Сергея Ивановича Алексеева. В 1999 году была организована Лаборатория археологических исследований Костромского госуниверситета им. Н.А. Некрасова, сотрудники которой продолжают изучение истории города Костромы. В настоящее время раскопки проводятся разными организациями, занимающимися археологической деятельностью: госуниверситетом; Костромской археологической экспедицией (КАЭ), созданной в 2010 году; организацией «Наследие» при инспекции по охране объектов культурного наследия Костромской области.

География городских раскопок и полученный археологический материал позволяют сделать выводы о возникновении города Костромы на левом берегу Волги, при впадении в нее рек Костромы и Сулы; а также воссоздать облик средневековой Костромы, говорить об устройстве раннего города, о его экономическом и культурном развитии.

Примечания

1. Татищев В.Н. История Российская. Том 3. – М.-Л., 1964. – С. 44.
2. Тихомиров М.Н. Древнерусские города. – М., 1965. – С. 416.
3. Насонов А.Н. Русская земля и образование территории Древнерусского государства. – М., 1951. – С. 182.
4. Летопись по Типографскому списку / Полное собрание русских летописей, Т. 24. – Пг., 1921. – С. 77 (далее – ПСРЛ).
5. Татищев В.Н. История Российская. Том 4. – М.-Л., 1964. – С. 242.
6. Татищев В.Н. История Российская. Том 4. – М.-Л., 1964. – С. 442. Примечание № 325.
7. Татищев В.Н. История Российская. Том 3. – М.-Л., 1964. – С. 45.
8. Пресняков А.Е. Образование Великорусского государства. – Пг., 1918. – С. 27-28.
9. Воронин Н.Н. Зодчество Северо-Восточной Руси XII-XV вв. – М., 1961. Том 1. – С. 24. Фехнер М.В. Раскопки в Костроме / КСИИМК. Вып. 47. – М., 1952. – С. 101.
10. История о первоначалии и происшедствиях города Костромы до учреждения наместничества, сочиненная тогда костромского дворянства предводителем секунд-майором Николаем Сумороковым. – Москва, 1773. – Л. 22.
11. Взгляд на историю города Костромы, составленный трудами князя Александра Козловского. – Кострома, 1840. – С. 5-6.
12. Островский П.Ф. Исторические записки о Костроме и её святыне, благочестно-чтимой в императорском Доме Романовых. – Кострома, 1864. – С. 2.
13. Скворцов Л.С. Материалы для истории г. Костромы. Часть 1. – Кострома, 1913. – С. 18-19.
14. Васьяков И.К. Собрание исторических известий, относящихся до Костромы. – Москва, 1792. – С. 3-4.
15. Волжские булгары – тюркоязычные племена, составлявшие основное население Волжской Булгарии, государство в Среднем Поволжье (территория современной Чувашии).
16. Летопись по Типографскому списку. / ПСРЛ. Том 24. – С. 77.
17. Насонов А.Н. Указ. соч. – С. 193-194.
18. Кучкин В.А. О маршрутах походов древнерусских князей на государство Волжских булгар в XII – перв. трети XIII вв. // Историческая география России XII – нач. XX вв. – М., 1975.
19. Лаврентьевская летопись / ПСРЛ. Том 1. Стб. 338-339. Ипатьевская летопись / ПСРЛ. Том 2. – Стб. 455-459.
20. ПСРЛ. Т.1. – Стб. 320. ПСРЛ. Т. 2. – Стб. 368, 369, 371.
21. Насонов А.Н. Указ. соч. – С. 190.
22. Насонов Н.А. Указ. соч. – С. 196.
23. Кучкин В.А. Формирование государственной территории Северо-Восточной Руси в X-XIV вв. – М., 1984. – С. 94.
24. Миловидов И.В. Очерк истории Костромы с древнейших времен до царствования Михаила Федоровича. – Кострома, 1886. – С. 50-51.
25. Бекаревич Н.М. О некоторых городищах в Костромской губернии. / Труды Ярославского областного съезда исследователей истории и древностей Ростово-Суздальской области. – М., 1902.
26. Зеленева Ю.А. Отчет о раскопках Новостроечной экспедиции Марийского гос. Университета в г. Костроме в 1989 г. / Архив Института археологии РАН. № 14479.
27. Костромской историко-архитектурный и художественный музей-заповедник (далее – КГИАХМЗ). Коллекция КМЗ КОК № 15418.
28. Фехнер М.В. Раскопки в Костроме / Краткие сообщения Института истории материальной культуры (далее – КСИИМК). № 47. С. 101-109.

СОБРАНИЕ
ИСТОРИЧЕСКИХЪ ИЗВѢСТІЙ,
ОТНОСЯЩИХСЯ
ДО
КОСТРОМЫ.

Сочиненное

*Полковникомъ Иваномъ Васьковымъ.**

* Иван Кузьмич Васьков (1746-1812 гг.) – вице-губернатор Костромского наместничества, автор книг «Собрание исторических известий, относящихся до Костромы» (М., 1792) и «Описание Костромского наместничества вообще. 1792 год».

О началѣ, когда, кѣмъ и на какой случай городъ *Кострома* построенъ, и какими людьми сперва былъ заселенъ, достовѣрныхъ свѣденій не находится, кромѣ Исторіи *Гослодина Татищева*, ко-его долговременные труды достойною славою въ потомствѣ не умолкнутъ. Однако сей знаменитый мужъ въ III Томѣ Россійской Исторіи, подѣ владѣніемъ *Великаго Князя Георгія II* передѣ 1153 годомъ, написавъ согласно древнимъ Россійской Исторіи издателямъ, что *Великій Князь Юрій Владимировичъ Долгорукій*, послѣ неудачливыхъ предпріятій въ исканіи себѣ престола Кіевскаго Княженія, возвратясь въ Суздаль, зачалъ строить въ области свсей многіе города; но имена ихъ, какъ видно, упомянулъ

гадательно, помѣстивъ между ими и *Кострому*; ибо въ примѣчаніи своемъ на сей параграфъ подъ числомъ 458 объясняетъ, что Историки о томъ не равно написали, но по обстоятельствамъ и по случаямъ отъ сего времени вновь построенные города единъ по другому отъ нихъ упоминаемы; и повторяя свое мнѣніе, какіе города построены, въ томъ примѣчаніи Костромы уже не вмѣстилъ, вѣщшему подвергнувъ сомнѣнію, что и построеніе Владимира тому же Князю причитаетъ, въ противность дѣтописи по Никонову списку, означающему оную въ 992 году. О населеніи оныхъ городовъ сей же писатель изобразилъ, что *Великій Князь* началъ тѣ города населять, созывая людей отъсюду, коимъ не малую ссуду давалъ, и въ строеніяхъ и другими подаяніями помогалъ; въ которые приходя множество Болгаръ, Мордвы, Венгровъ, кромѣ Рускихъ, селились и предѣлы многими тысячами людей наполняли. Преподобный Несторъ, писатель

россійской Исторіи, повѣствуетъ о строеніи около сихъ мѣстъ городовъ съ 882 года, что *Олезь* правитель при малолѣтствѣ Великаго Князя *Игоря* города строилъ, и установилъ дань отъ Славянъ, Кривичей и Мери, около Ростова состоявшей; однакожъ именъ ихъ не означаетъ: и такъ во ономъ и въ прочихъ древнихъ писателяхъ о началѣ *Костромы* точнаго свидѣтельства не обрѣтается.

Произшествія, относящіяся до *Костромы*, Россійская Исторія, писанная *Господиномъ Татищевымъ*, начинаетъ возвѣщать съ 1208 года, когда *Великій Князь Всеволодъ Юрьевичъ Владимирскій* даровалъ Рязанцамъ миръ, и изъ сыновъ своихъ старшаго Константина, владѣвшаго на престолѣ Новгородскомъ, оставилъ при себѣ, а вмѣсто его послалъ въ Новгородъ младшаго *Святослава*; тогда Константину въ удѣлъ далъ Ростовъ съ пятью другими городами, въ числѣ коихъ именована и *Кострома*.

По кончинѣ *Великаго Князя Всеволода Юрьевича*, случившейся въ 1213 году, послѣдовали между сыновей его Константина и Юрія несогласія. Второй изъ нихъ *Юрій* принялъ послѣ отца великое Княженіе Владимирское; а старшій *Константинъ* оставаясь въ Ростовѣ, старался, чтобъ завѣщанія отца его были исполняемы, и защищалъ прочихъ своихъ братьевъ отъ утѣсненія. По сей причинѣ произошла между ими война: *Великій Князь Константинъ* въ 1214 году собравъ свои войска, послалъ по Волгѣ, и *Кострому*, помогающую предпріятіямъ *Великаго Князя Юрія*, выжегъ. Въ 1216 году *Великій Князь Юрій* побѣжденъ, и *Константинъ* взявъ Владимиръ вступилъ на престолъ великаго сего Княженія. Въ 1217 году между сихъ Великихъ Князей послѣдовалъ миръ, коимъ Константинъ утвердилъ, чтобъ по смерти его владѣть престоломъ Владимирскаго великаго Княженія брату его Юрію. Кон-

чина *Великаго Князя Константина Всеволодовича* приключилась въ 1218 году, предъ которою сей Великій Князь учинивъ мудрыя завѣщанія Боярамъ о воспитаніи малолѣтнихъ его дѣтей, и наставленія, дабы руководствовать ихъ къ высокимъ добродѣтелямъ, пристойнымъ величеству владѣющихъ лицъ, оставилъ престолъ Великаго Княженія Владимирскаго брату своему *Великому Князю Юрію*; а дѣтямъ своимъ далъ удѣлы, изъ коихъ старшему десятилѣтнему *Василію Константиновичу* Ростовъ и *Кострому*.<...>

Васьков И. Собрание исторических известий, относящихся до Костромы.
- Москва, 1792 г. - С. 2-7

Князь Юрий Долгорукий. Миниатюра из Царского титулярника XVII века.

ДРЕВНЯЯ ТОПОГРАФИЯ Г. КОСТРОМЫ И ДРЕВНИЙ СОБОРНЫЙ ХРАМ СВ. ФЕОДОРА СТРАТИЛАТА

Из сочинения протоиерея Д.И. Лебедева «История соборных храмов Феодоровскаго и Успенскаго в городе Костроме.*

Историко-археологический очерк». (Кострома, 1913 г.)

<...> После разорения Владимиро-Суздальского княжества Батыем в 1237 г. обновителем и устройтелем его явился великий князь Владимирский Ярослав Всеволодович (1191/1246 гг.). О его начальной деятельности в этом крае летописец (Воскресенская летопись П. С. Л. Т. VII, с. 143) повествует следующее: «Ярослав, сын великого князя Всеволода Юрьевича, пришел из Киева седе на стол во Владимире и обнови землю Суздальскую и церкви очисти от трупия мертвых и кости их сохранив и пришельцы утеши и люди много собра и бысть радость велика христианом». В чем именно состояло обновление земли Суздальской, об этом тот же летописец в другом листке пишет: «Ярослав Всеволодович по Батыеве пленении прииде с детьми своими (на Владимирское княжение) и нача грады, разоренные от Батыя, ставити по своим местом и на Волге постави город (перенес с леваго, затопленнаго Волгою и Тверцею берега, на правый, высокий, и наименова его Тверью, по Тверце реке, а наперед того в том месте град не был²⁵». В числе многих разоренных татарами и обновленных этим великим князем городов была и Кострома. Особым побуждением к возстановлению Костромы для великаго князя Ярослава Всеволодовича было желание дать приличный город в удел родившемуся у него в 1241 г. девятому сыну Василию, после того, как другие дети все уже получили от отца устроенные города. Восстановив город Кострому, князь, как усердный христианин, по общему обычаю своих предшественников, позаботился не только об укреплении его, но и о построе-

нии в нем храмов Божиих, посвятив главный из них тому святому, имя котораго сам получил в таинстве крещения, т. е. Феодору Стратилату. Имя Ярослава он носил как придаточное (Воскресенская летопись. Т. VII, с. 101). По мнению некоторых местных историков (Миловидов, Баженов и др.), г. Кострома до этого времени находился не на левой стороне Волги, а на правой, на месте нынешняго села «Городище», расположеннаго на противоположном крутом берегу Волги напротив соборных храмов. Основание такому мнению дает, будто бы, самое название села «Городище». В исследовании графа Уварова «О быте мерян по курганным раскопкам» (Москва, 1872 г.) о происхождении и значении Городищ, между прочим, говорится, что «Городища», находящаяся вблизи мерянских курганов древнейшей эпохи, можно отнести к памятникам того же народа, т. е. мерян. Такие курганы находятся большею частью и доселе возле селений или урочищ, носящих названия: «Городище», «Городок» и т. п., и само название селений – «Городище» показывает связь их с находящейся здесь или бывшей искусственной насыпью. Мы полагаем, говорит далее граф Уваров, что Городища, занимая центральное положение, и, вероятно, самое лучшее, возвышенное место посредине мерянских поселений, служили укрепленными местами для самих жилищ обитателей. Прямая уже связь некоторых Городищ с городами как бы подтверждает догадку, что в древнейшия времена Городища были населены и составляли первоначальный центр оседлости для будущих городов (там же, с. 94). Разделяя всецело такой взгляд гр. Уварова и применяя его к Костроме, упомянутые историки видят подтверждение своего мнения о начальном построении г. Костромы на

*Протоиерей Дмитрий (Лебедев) – смотритель Кинешемского духовного училища, член совета Костромского Церковно-исторического общества.

месте нынешняго Городища в занимаемой этим селом возвышенности, которая, полагают, не всецело натуральная, но отчасти искусственно увеличена насыпью землею из тех глубоких рвов, признаки которых и донныне сохранились; один с юго-восточной стороны от села, а другой с западной, у самой Спасской слободы. Время основания на этом месте Костромы, по их мнению, следует отнести к половине IX века, поре начавшагося слияния финских племен со славянскими, а перенесение города на левый берег Волги ко времени великаго князя Ярослава Всеволодовича. Трудно согласиться с этим мнением. Селений с названием «Городище», «Городок», как в Костромской, так и в соседних губерниях – Ярославской, Нижегородской и Московской – находится довольно много²⁶. И вопрос еще не решенный: следует ли Городища считать исключительно остатками городков и крепостей (Уваров), или иногда памятниками мест языческих богослужебных собраний, или, наконец, могильниками для усопших. Второго мнения придерживаются такие видные историки и археологи, как Анучин, Погодин, Срезневский и Ходаковский²⁷, третьяго мнения – г. Котляревский (Арх. Вестн. Моск. Археолог. Общест. Т I, с. 66). Предположим, согласно с гр. Уваровым, что Городище, находящееся против Костромы на правом берегу Волги, есть остаток не языческаго мольбища или кладбища, а какого-нибудь мерянского городка, или селения, отсюда вовсе не следует, что одновременно с этим городком на противоположном берегу Волги, при впадении в нее р. Костромы, не было и другаго городка или городища мерянского, или, немного времени спустя – славянскаго, укрепленнаго в половине XI в. Юрием Долгоруким, существовавшаго затем до нашествия Батыя и возстановленнаго на том же месте великим князем Ярославом Всеволодовичем. Курганныя раскопки в окрестностях г. Костромы, произведенныя в конце минувшаго столетия (см. карту курган. раскопок), показывают, что еще в эпоху финской культуры население на левой стороне р. Волги было гораздо гуще, чем на правой

Славяно-русское же племя в эпоху слияния его с финнами, селясь между последними, как народ более промышленный и предприимчивый, предпочитало сосредоточиваться по самым берегам больших рек, при впадении в них притоков; особенно это можно сказать про Новгородских колонизаторов. Владимиро-Суздальские князья в период быстрого расцвета славянской колонизации предпочитали основывать города тоже около больших озер и рек, при впадении в них больших притоков²⁸. Обратим внимание на города, основанные в XII и XIII вв. по р. Волге: Зубцов при устье Вазузы, Тверь (в начале своего существования) при устье Тверцы, Молога – реки того же имени, Кснятин – при устье р. Нерли, Ярославль – Которосли, Юрьевец – Унжи, Нижний Новгород при устье реки Оки и т. д. Расположенные при впадении больших притоков в Волгу, эти города, естественно, делались торговыми пристанями и рынками для соседних областей, а по водным путям могли удобно сношаться с внутренностью страны и другими городами. То же можно сказать и про Кострому, которую по началу своему лучше всего отнести к периоду колонизации в XII в. Расположенный при устье реки Костромы этот город имел важное значение по своим стратегическим и торговым сношениям через р. Вексу (приток Костромы) с г. Галичем Мерским, расположенным на озере (исток Вексы), и хорошо был защищен Волгою от нападения врагов с южной стороны. Следует заметить и то, что большая часть Волжских городов, начиная от верховья реки до Нижняго Новгорода, расположена на правом берегу Волги. Надо полагать, что Владимиро-Суздальские и впоследствии Московские князья, основывая по реке Волге города, для большого удобства своих сношений с ними, в случае нападения внешних врагов, вовсе не желали отрезывать себя от них этой большой рекой, которая в иное время года, например, весной и осенью, могла служить большим препятствием для сношений костромитян со своим князем. Следовательно, если бы Кострома с самого начала была основана,

как укрепленный пункт на правом, южном берегу, а не на левом, при слиянии двух больших рек, то едва ли бы и после разорения ее Батыем в 1237 г., великий князь Ярослав Всеволодович решил совершенно оставить это место и вновь основать город на другом берегу, отделенном от его стольного города такой большой рекой. Очевидно, и до 1237 г. Кострома существовала не на правом, а на левом берегу р. Волги, при впадении в нее реки Костромы. Наконец, в интересах самого г. Костромы положение его при слиянии двух рек было с самого начала города полезнее и в стратегическом, и в торгово-промышленном отношении. Городище на правом берегу Волги представляет пункт совершенно открытый и удобный для нападения с южной стороны, а с этой стороны и совершались вначале набеги врагов на Кострому. Между тем, город, расположенный при устье реки Костромы, имел такие естественные преграды для внезапного нападения от врагов, какия редко можно встретить в другом месте, особенно, если принять во внимание прежние орудия нападения. Город Кострома самой природой с трех сторон был окружен водою: с южной стороны текла река Волга, с западной – река Кострома, с восточной – небольшая, но протекающая прежде по довольно глубокому рву речка Сула, а с северной стороны прилегали непроходимые лесные дебри и болота, куда жители удобно могли скрыть свое имущество и скрыться сами, если на город напал и овладевал им какой/либо сильный неприятель. Трудно предположить, что при самом основании города, жители могли предпочесть пункт, занимаемый селом Городищем, этому, самую природою укрепленному месту²⁹. Итак, более естественно полагать, что с самого начала Кострома была основана при впадении реки того же имени в Волгу, при чем не город получил свое название от притока Волги, а река Кострома получила свое наименование от города³⁰. Поэтому вполне естественно, что соответственно своему названию (Castrum) и благодаря своему счастливому топографическому положе-

нию Кострома во все периоды своей истории была укрепленным городом; но особенно она приняла вид крепости со времени княжения Ярослава Всеволодовича и после него. Нет сомнения, что в то время по малочисленности населения разоренный татарами город занял не такое пространство по берегу реки Волги, как теперь, а небольшой пункт между Сулою и устьем реки Костромки. В настоящее время центр города, занимаемый каменными соборными храмами, лежит вне этого участка, немного менее версты от устья реки Костромы. А в прежнее время, даже, по-видимому, не очень отдаленное устье притока было еще удаленнее от настоящего собора на северо-запад и гораздо ближе к Ипатьевскому монастырю. Река Волга протекала ближе к Ипатьевскому монастырю и имела своим руслом теперешний, иногда пересыхающий в лугах проток «Воложку», наполовину (около полуверсты) промежуточного расстояния приближающийся к стенам Ипатьевского монастыря. Отсюда и городская Успенская церковь издревле называлась «церковью Успения, что у реки Волги»; между тем в настоящее время она стоит на берегу р. Костромы немного выше впадения ее в Волгу и много ниже Воложки. Поэтому безошибочно можно полагать, говорит прот. П. Островский³¹, что место, занимаемое Ипатьевским монастырем, было в прежнее время при самом впадении р. Костромы в Волгу, как бы на стрелке³², и, следовательно, плавающим по Волге на судах естественно было иметь остановку для роздыха на этом месте, поросшем вековыми дубами, как это и сделал впоследствии (в 1330 г.) татарский мурза Четь, основавший здесь Ипатьевский монастырь. Возобновленная Ярославом Всеволодовичем (умер в 1246 г.) одновременно со многими городами Владимирского княжества на своем прежнем месте – на левом берегу р. Волги, между притоками ее – речкой Сулой и р. Костромой в такой местности, которая несколько возвышеннее окрестностей, г. Кострома был назначен в удел последнему из девяти его сыновей, Василию, так называе-

тому Мизинному, при самом его рождении в 1241 г.³³ К этому же князю Василию в 1272 г. перешло и звание великаго князя, почему в летописных известиях этого времени в первый раз появляется название «Великий князь Костромской Василий». Желая наградить своего малолетняго сына этим городом, Ярослав Всеволодович, конечно, не мог дать ему разоренный, в развалинах город, а постарался устроить его по образцу городов, данных другим детям, которые, как более возрастные, и сами могли заняться возобновлением своих городов, назначенных им во владение отцом. Какой вид должна была принять укрепленная Кострома того времени, об этом мы, не имея письменных свидетельств, можем судить лишь по аналогии с другими соседними городами Владимирского княжества того времени, например, Ростовом, Владимиром, Ярославлем. По общерусскому обычаю древних городов, город Ростов, как известно из летописей, состоял из кремля и «рубленаго» города, т. е. укрепленнаго бревенчатыми стенами, и города «землянаго», или внешняго, обведеннаго валом с деревянным тыном (т. е. со стоячими заостренными бревнами) и деревянными боевыми башнями и воротами. К земляному городу примыкали еще пригороды, или посады и слободы. Внутри «рубленаго города», который назывался иначе «детинцем», стояли деревянные княжеские и боярские терема и епископския палаты. Тут же находился каменный соборный храм Успения Пресвятой Богородицы и другие большие важные храмы – Михаила Архангела и Иоанна Предтечи³⁴. Подобное устройство имел и стольный город Владимир: он состоял тоже из внутренняго города, т. е. детинца, или впоследствии кремля³⁵ и внешняго или острога; первый назывался «Печерным городом», а второй «новым». Внутри кремля, почти над самым обрывом Клязьмы, красовался соборный храм Успения Богородицы. Неподалеку стоял княжеский двор. С западной и северной стороны огибала его речка Лыбедь, впадающая в Клязьму³⁶. Наконец, и соседний с Костромою Ярославль имел свой

кремль и детинец, расположенный на мысу между Волгою, устьем Которосли и ее притоком, Медведицей; поселение же за Медведицей, окопанное валом, образовало так называемый Земляной город. В кремле на крутом берегу Волги находились, по обычаю, деревянный княжий терем и подле него каменный Успенский собор, построенный известным храмоздателем Константином Всеволодовичем Ростовским; а в Земляном городе был другой каменный храм, Спасо/Преображенский с монастырем, заложенный тем же князем и оконченный его сыном Всеволодом³⁷.

Нет сомнения, что подобное же устройство дал возобновляемому городу Костроме и Ярослав Всеволодович, а затем и подросший его сын, первый удельный князь Костромской Василий Всеволодович, который после смерти своего отца в 1246 г. утвержден был по воле отца на Костромском княжении и преемником Ярослава по великому княжению, Святославом Всеволодовичем³⁸. Отметим рождение в 1241 г. у великаго князя Ярослава Всеволодовича сына Василия и утверждение его, после смерти отца (1246 г.), на Костромском княжении в 1247 г. (см. Никоновскую летопись. Т. X, с. 134), летописи затем в продолжении 20 лет почти ничего не говорят об этом юном князе. Только под 1266 г. в Никоновой летописи (Т. X, с. 145) есть весьма важная для нас заметка: «в лето 6774-1266 женися князь великий Василей меньшой Ярославич Костромской, внук Всеволож, и венчан бысть в церкви св. Феодора Игнатием, епископом Ростовским, на Костроме». И далее неоднократно в летописях и других письменных документах XII/XIV вв. исключительно только этот храм святого Феодора Стратилата в различных обстоятельствах исторической жизни Костромы выступает как главный, соборный храм города.

Спрашивается, когда же выстроен этот памятник церковной и гражданской истории города того времени: при Костромском ли князе Василие Ярославовиче, или до него? В XII и XIII вв. Владимиро-Суздальские князья, основывая и укрепляя на террито-

рии своего княжения города, прежде всего заботились о распространении христианства среди своих подданных и об удовлетворении их христианских потребностей. В каждом, вновь основанном городе, они прежде всего строили соборный храм, под сенью которого быстро нарождались и другие приходские церкви. Во Владимире, Ростове, Ярославле и других городах в конце XII и начале XIII вв. мы встречаем не только много деревянных храмов, но даже каменные соборные церкви. Такие соборы и более знаменитые приходские церкви посвящались большею частью памяти Успения Пресвятой Богородицы; например, во Владимире на Клязьме, в Ростове и Ярославле; или Преображения Господня, как, например, в Переяславле-Залесском и Нижнем Новгороде, или, наконец, в честь святого, тезоименитаго князю-строителю, например во Владимире, в кремле – каменный Дмитровский собор, устроенный Всеволодом III Дмитрием; каменный Георгиевский храм с монастырем, построенный там же Юрием Долгоруким в 1152 г.; соборный храм в честь Георгия Победоносца, устроенный тем же князем в кремле в г. Юрьеве Польском; Георгиевский храм в г. Юрьевце Поволжском, устроенный в 1225 г. Юрием Всеволодовичем; Михаил Александрович, князь Тверской, строил церкви в честь Архангела же Михаила. Даже и в новой русской истории мы имеем важный пример, что в крепости, заложенной на острове Юсть-Эйланде Петром Великим, прежде других храмов сооружена церковь во имя Апостолов Петра и Павла. Поэтому в то время, как костромскому князю Василию Ярославичу не было никакого примера и основания построить главный храм в своем городе в честь св. Феодора Стратилата, чтобы затем венчаться в этом храме и быть даже погребенным в нем, как об этом говорится в Воскресенской летописи (Т. VII, с. 173), его отцу, Ярославу Всеволодовичу, было полное основание посвятить главный соборный храм в г. Костроме именно в честь этого святого угодника. Из летописей мы знаем, что князь Ярослав при крещении получил имя Федора, Яро-

славом же он был прозван после. Летописец (Воскресенская летопись. Т. VII, с. 101) так повествует: «1191 г. родился у великаго князя Всеволода сын Феодор, а прозван бысть Ярослав, в Переяславли, февраля ³⁸». Федором он был очевидно назван в честь св. великомученика Феодора Стратилата, память которого чествуется церковью 8 февраля. Вот основание, по которому мы заключаем, что древнейшая церковь в г. Костроме, находившаяся, как мы после увидим, на месте нынешней Богородицкой, или более известной под именем Богоотцевской, построена Ярославом Всеволодовичем в честь святого, имя которого ему было дано при крещении. Как главная городская церковь, назначенная служить памятником о великом князе/строителе города, она могла быть построена при самом обновлении города, т. е. в 1241-1245 гг. Другого князя, который носил бы в период Владимиро-Суздальскаго княжества имя Феодора Стратилата, история не знает.

Кроме церкви св. Феодора и до нашествия Батыева и после него, можно с уверенностью полагать, были в Костроме и другие церкви, это подтверждается установившимся на Руси, с принятием христианства, порядком при устройстве городов строить соборные храмы и приходские церкви; подтверждается и всеми сказаниями о явлении Феодоровской иконы Божией Матери.

Местность, где построен был в древности храм св. Феодора Стратилата, между рекой Сулой и Костромкой, в древности была болотистая и покрытая мхами. Устраивая в этом месте кремль и желая основать посреди кремля Соборный храм и княжеския палаты, великий князь Ярослав Всеволодович предварительно насыпной землей из окружающих кремль рвов возвысил это место и на самом высоком пункте, посреди городской площади, основал храм в честь своего тезоименитаго святого. В повести о явлении в Костроме чудотворной Феодоровской иконы Божией Матери говорится, что икона принесена была в город в соборную церковь во имя великомученика Феодора Стратилата, что на площадке (I и II ред.

повести), по прозванию Мшанская улица (I ред. – слово). О местоположении храма св. Феодора Стратилата на городской площади говорят и писцовые книги XVII в. Площадь эта, где находится храм св. Феодора Стратилата, и теперь выше ближайшей окрестности и сажень на сорок от Богородицкой церкви к Волге кончается крутым обрывом, который мог быть остатком старинного кремлевского вала с деревянными стенами и башнями, а за этим валом кругом кремля мог быть расположен посад или слободы. Только название прилегающей здесь улицы Мшанская показывает, что тут некогда были болота, покрытые мхом, да и теперь подпочва окружающей местности топкая, а в садах при домах есть остатки прежних больших прудов, поспешно засыпаемых домовладельцами.

Должно заметить, что в XII и XIII вв. нет примеров, чтобы главные соборные храмы в городах строились не в детинце или кремле города, а вне его. Кремлевский собор, окруженный княжескими палатами и воеводскими избами, был всегда главным средоточием церковно-гражданской жизни города. <...>

ИЗ ПРИМЕЧАНИЙ К ГЛАВЕ I

25. Воскресенская летопись под 1238 г. Т. VII, с. 245. Изд. Арх. Ком. 1856 г.
26. Миловидов / Очерк Костромы, с. 11/35; И. Баженов / Костромской кремль, с. 5/6. В Ярославской губернии Городищ насчитывается более 15, см. Миловидов, с. 12. В Костромской губернии нам известно 14 Городищ. Костромского уезда / Городище в приходе села Буракова, в 2 в. от этого села; Гороженицы в приходе села Сойкина, в 2 в.; Городино в приходе села Буюкова; Солигаличского уезда - Городищево в приходе села Гусева в 69 в.; Макарьевского уезда - Городище в приходесела Бовыки на 5 в. и Острога (усад. в 1/4 в.; Кологривского уезда - Городище в приходе села Матвеева в 4 в.; Шири в 1 в. и Верхнемежского в 5 в.; Городищево в приходе села Верхневолостного в 1 в.; Городок в приходе села Покровского при Белбаж. м. в 2 в.; Кинешемский уезд - Городок в приходе села Лезговца в 4 в.; Гороженица в приходе села Воздвиженского в 1 в.. См. Кост. Губ. Ведом. 1876. № 21 / «Поселения в Костромской губернии с названием Городищ».
27. Проф. Д.Н. Анучин, описав городища, как искусственные земляные сооружения большею частью на берегах рек, на возвышенных местах, окруженные рвами, валами и частоколом, говорит: «Не всегда городища служили местами поселений; иног-

- да это были места религиозных собраний и жертвоприношений. И теперь еще на многих холмах и возвышенностях стоят церкви, а ранее в дохристианскую эпоху их место занимали языческие мольбища. По-видимому, уже с отдаленной древности с возвышенными пунктами соединялось представление о наибольшей пригодности их для сношения их с духами и богами, может быть вследствие возвышенного их положения, их большей близости к небу». (пр. Д. Н. Анучин / Доисторическая Москва, отдельные оттиски из издания «Москва в ее прошлом и настоящем». М. 1909, с. 24. Подобный же двойственный взгляд на значение городищ высказывает Д. Корсаков / Меря и ростовское княжество. Казань. 1872, с. 59/60. Г. Погодин говорит: «Городища / это места богослужения»; см. его «Исследовательские Заметки и Лекции. Т. II, с. 400. Г. Хадаковский: «Городища были святыми оградами или приходскими местами, где свадьбы и другие обряды языческие совершались». См. Вестник Евр. 1819. № 20, с. 280. Г. Срезневский: «Городища суть памятники древняго богослужения». См. Записки Одесского Общ. Ист. и Древн. Т. II, с. 533, свят. и обр. язык. богосл. древ. славян, с. 40. Погодина, Хадаковского и Срезневского цит. по книге Д. Самоквасова / Древние города России. С. П. Б. 1873. Здесь же приведены и другие взгляды на значение городищ.
28. Иловайский - История России. Ч. 2, с. 257. Г. Перетяткович - Поволжье в XVI в. М. 1877.
29. Известный Костромской историограф Пр. М. Диев предполагает: не было ли в этом месте двух крепостей - одна на нагорном берегу Волги, а другая на луговом, составляя, таким образом, Волжския Дарданеллы? К. Г. В. 1858. № 37 - «Укрепленные места древней Костромской области».
30. Название самой реки Костромы было мало известно даже в первой половине XIV в. В рукописи, носящей заглавие: «Воскресенская летопись, что у Солигаличской», говорится, что Галицкий князь Федор Семенович, основатель Солигалича, лета 6843/1335, когда прибыл туда для построения Воскресенского монастыря, то не знал и не мог наведаться, какая река протекает тем местом. Поэтому он послал лодку, чтобы наведаться об имени реки. Посланныеплыли до г. Костромы и там узнали, что это р. Кострома. Очевидно, что не р. Кострома была названием городу, а город - реке. К. Г. В. 1858. № 37 - «Нечто о названии г. Костромы».
31. Пр. Н. Островский - «Историко-статистическая опись Костромского Ипатьевского монастыря». Кострома. 1870, с. 2.
32. Старожилы не знают теперешней стрелки: она есть остаток прежняго наноснаго Волжскаго острова, что ясно видно при непосредственном изучении в этом месте топографии лугов.
33. П. С. Р. Л., т. I, с. 201, 225; т. VII, с. 146, 156. Татищев, т. IV, с. 6.
34. Д. Иловайский / История России. Москва. 1880, ч. 2, с. 269.
35. Слово «кремль» означает городскую цитадель или внутреннюю крепость, заключающуюся в разных укреплениях, и имеет одинаковое значение с греческим акрополисом и с русским вышгородом. А. Кубарев, поддерживаемый М. Погодиным, полагал, что слово «кремль» происходит от греческого / крутой, и привилось случайно в Москве при великом князе И. Калите / в значении «коренное» место города, которое заботливо оберегается и в котором находит себе убежище царский двор, находятся казенные здания, соборные храмы, дома знатных обывателей. И. Баженов - «Костромской кремль», с. 3, прим. 1.
36. Там же, с. 258/259.
37. Там же, с. 270/271.
38. П. С. Р. Л., т. I, с. 201; т. VII, с. 156; Никон, т. X, с. 134.

Облик древней Костромы

Важным вопросом о рождении города Костромы является вопрос – каким населением он мог быть основан, какие племена проживали в нем – мерянские или славянские. Известно, что до конца XI века – времени проникновения в Костромском Поволжье славян, наш край был заселен финно-угорскими мерянскими племенами. Они упоминаются в «Повести временных лет» начала XII века: «На Белеозере седять Весь, а на Ростовском озере Меря, а на Клещине озере Меря же, по Оце реце, где потече в Волгу, Мурома язык свой, и Череми-

си свой язык, Мордва свой язык. [...] А се суть инии языци, иже дань дают Руси»¹.

Археологические материалы говорят о немногочисленности мерянских памятников на Костромской земле, то есть об относительно слабой заселенности данных территорий и об отсутствии у мерян городов². Хозяйство мерян имело комплексный характер: было развито скотоводство, которое преобладало над земледелием, процветала охота, традиционной оставалась рыбная ловля. Из ремесел существовали кузнечное и бронзолитейное дело, ткачество, плотничество, обработка кож. Напри-

Место впадения реки Костромы в Волгу. Фото С.М. Прокудина-Горского. Нач. XX века.

мер, Дурасовское городище, исследованное Е.И. Горюновой в 1955-1956 гг., в свете археологических раскопок предстает ремесленным поселком, где мерянское население в основном занималось обработкой металла и прежде всего ювелирным делом³.

В конце XI века жизнь мерянских племен Костромского Поволжья была нарушена проникновением сюда славянских переселенцев. Вторая, более интенсивная волна славянского освоения территории нашего края относится к середине XII века. Славянские археологические памятники – селища, где жили славяне, и курганы – могильные насыпи, в которых хоронили своих умерших, разбросаны по путям передвижения славянских племен – вдоль Волги и ее притоков – Кубани, Покши, Сендеги, Черной, Качалки, Солоницы. О массовости этого процесса говорят данные археологических раскопок в конце XIX века членов Костромской Губернской Архивной комиссии Николая Михайловича Бекаревича и Ионы Дмитриевича Преображенского, исследовавших около 1500 славянских курганов.

Славянские переселения привели к важным новшествам в экономике и культуре Костромского Поволжья: изменился этнический состав населения края, численно увеличилась населенность Костромских земель. Складывалась новая система хозяйствования на основе принесенного славянами пашенного земледелия и стойлового содержания скота. Славянское ремесло характеризовалось развитыми формами, особенно ювелирное и гончарное: свою глиняную посуду славяне изготавливали на гончарном круге, в отличие от мерян, продолжавших, и после прихода славян, лепить горшки ручным способом. Со славянами в Костромской край проникает и христианство.

Известно, что одним из важнейших элементов возникновения любого города является наличие в крае густонаселенных земледельческих областей, ведь город без окружающих его земель в этот период не может существовать. Именно большой приток славянского населения в Костромское Поволжье создал условия для появления здесь новых городских центров княжеской власти и способствовал включению

их в состав великого Владимирского княжества. Отношения мерян и славян характеризовались взаимовлиянием. Обрусевшая меря Костромского края очень долго сохраняла как специфические особенности своего костюма, быта, язык, так и религиозные воззрения. К XIII веку исследователи относят последний период расцвета мерянской культуры. Процесс ассимиляции меря привел к полному растворению её в новой славянской среде и вхождению в состав формировавшейся древнерусской народности.

Именно с приходом в Костромской край славян связано возникновение нашего города Костромы. Многочисленные археологические изыскания в разных частях города позволили говорить о месте расположения города и его границах, характеризовать крепостные сооружения ранней Костромы, выявить по найденным предметам, сделанным руками древних костромичей, достаточно высокий уровень хозяйственной жизни города.

Начиналась Кострома, как было отмечено, на левом берегу Волги, при впадении в нее рек Костромы и Сулы. Археологическая карта города и фотографии начала XX века позволяют увидеть место впадения реки Костромы в Волгу в древние времена. «Мыс у святого Ипатия», как он называется в документах XV века, образованный слиянием рек Костромы и Волги, дотягивался почти до места впадения в Волгу реки Сулы. Начало Сулы, возможно, было связано с Козмодемьянским прудом. Русло реки, протекавшей по территории города, прослеживается по сведениям Писцовой книги 1628 года об овражных вымоинах по улицам и переулкам, соответствующим современным улице Свердлова, Сусанинской площади и началу проспекта Текстильщиков. Сливаясь, три реки – Волга, Кострома и Сула образовывали мыс, на котором и возникло первоначальное городское поселение.

Уже отмечалось выгодное стратегическое положение Костромы. Отсюда имелся хороший обзор бассейна Волги, возможность контролировать продвижение судов вверх и вниз по рекам. Кроме того, путь по реке Костроме и далее через Галичское озеро мог связать

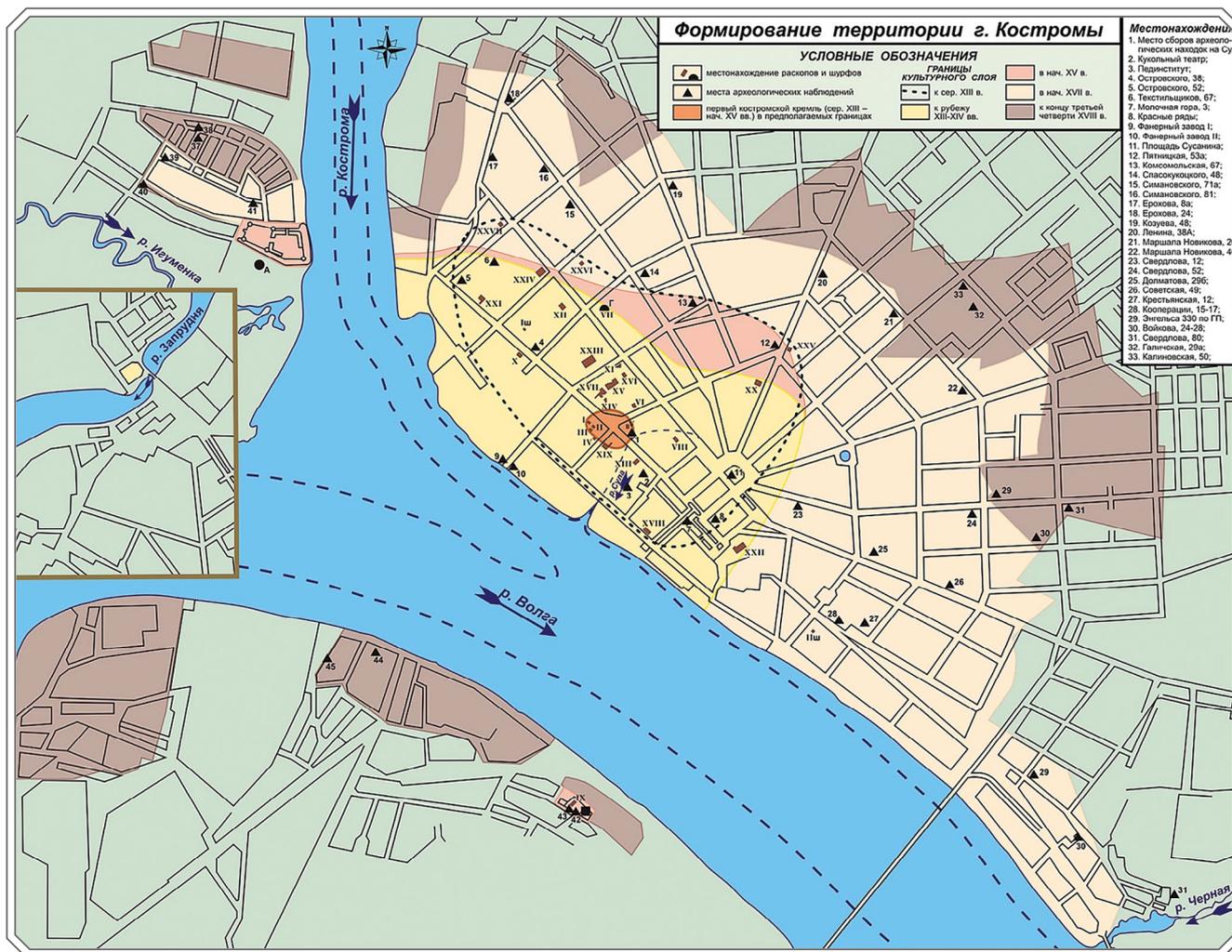

столицу великого Владимирского княжества с богатыми солью и пушниной землями Галича и далее с северными территориями, из-за которых возникали разногласия Владимирских князей с Новгородом Великим и Волжской Булгарией.

Была еще одна важная причина для Владимирских князей обратить внимание на территорию Костромского Поволжья, «окняжить» ее, тем самым включить в состав своих земель. Причина заключалась в усиленном внимании, которое стали проявлять к этому району, пока еще «ничейному», власти Новгорода Великого. К XII веку относится появление в Костромском Поволжье новгородских погостов – неукрепленных военно-административных центров на пути продвижения выходцев из Новгородских земель. Один из таких погостов

находился на правом берегу реки Волги, почти напротив современной Костромы, в районе деревни Пьянково на реке Кубани. Такие погосты создавались для освоения территорий и сбора дани с окрестного населения. Но значительная отдаленность Новгородских земель от Костромских и активные действия великого Владимирского князя Всеволода Юрьевича по строительству здесь городов – Костромы, Нерехты, Соли Великой и Малой – свели на нет новгородские усилия. Таким образом, речной выход Костромы в Волгу – главная дорога для Великого Новгорода к волжскому торговому пути, был взят под свой надзор великими Владимирскими князьями.

Исследователь Костромы Сергей Иванович Алексеев на основе археологического изучения сделал важный для нас вывод, что город

Археологическая карта города Костромы.

не вырастал из рядового сельского поселения, а развивался сразу как городское поселение⁴. В своем развитии город прошел два важных этапа: первый – как неукрепленное ремесленно-торговое поселение городского типа, город великого Владимирского княжества: с основания его во второй половине XII века и до 40-х гг. XIII века. На втором этапе Кострома характеризуется как укрепленный ремесленно-торговый город, центр удельного Костромского княжества. Начинается этот период с возведения первой костромской крепости в 40-е годы XIII века и заканчивается, по существу, гибелью ранней Костромы во время опустошительного пожара в начале XV века.

После возведения крепости, Кострома приобрела традиционную для любого древнерусского города структуру, включавшую укрепленный детинец и ремесленно-торговый посад. Наличие крепости – один из важнейших городских признаков, одна из его характеристик. Крепость решала задачи обороны и защиты населения от врагов, обеспечивала нормальную, спокойную жизнедеятельность в городе. Кроме того, строительство крепости, как отмечал С. И. Алексеев, не только придало Костроме «завершенный городской вид», но, что особенно важно, «дало новый импульс в социально-экономическом и политическом росте» Костромы⁵.

К сожалению, изображений и описаний первой костромской крепости не сохранилось, фортификационные крепостные сооружения прослеживаются лишь археологически. Детинец имел естественные рубежи обороны в виде крутых склонов коренного берега. Со стороны Волги был сооружен земляной ров, археологические очертания которого позволяют говорить о его размерах – 18 м в ширину и 4 м глубины. Поперечное сечение рва имело форму трапеции. Ров располагался перпендикулярно руслу реки Сулы и, видимо, соединялся с ним, получая воду из реки⁶.

Кроме земляного вала и рва, древнерусские крепости имели деревянные стены, чаще всего в виде частокола из бревен с заостренными концами. По углам крепость защищали башни. Раскопками было выявлено, что крепость за-

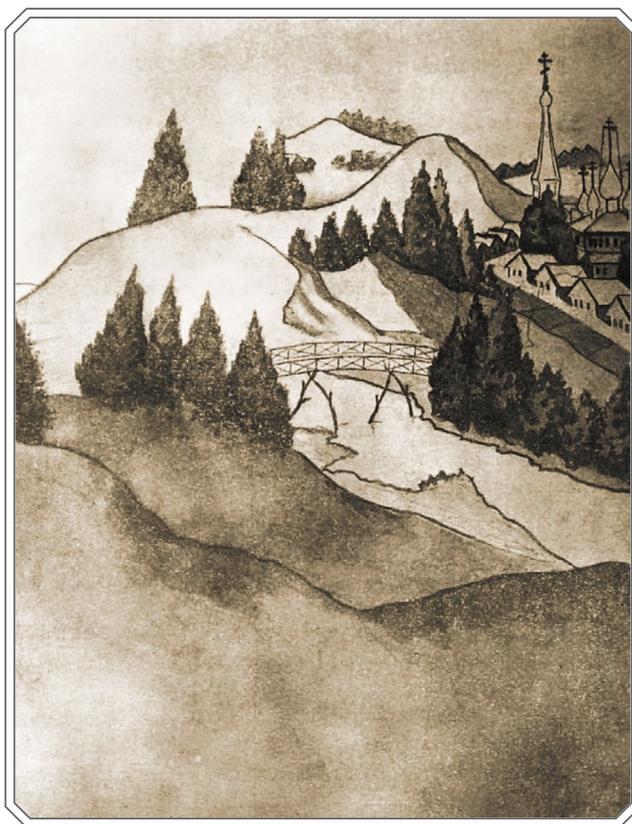

Фото иконы с изображением церкви великомученика Феодора Стратилата.

нимала центр пересечения двух современных улиц – Островского и Пятницкой, она была вытянута вдоль реки Волги с юго-запада на северо-восток на 80 метров, а с северо-запада на юго-восток на 160 метров. Общая площадь первой костромской крепости составляла чуть более 1 гектара⁷. Небольшое представление о земляных валах дает изображение пейзажа на древней иконе XVIII века, судя по архитектуре храма. Мы видим уже бесформенные оплывшие земляные валы, поросшие растительностью, которые позже, в екатерининские времена, при претворении в жизнь регулярного плана 1781 года были срыты и нивелированы.

Что же могло располагаться в первой костромской крепости в древние времена? Крепость всегда была местом, где сосредотачивались власть. Конечно же, здесь стоял княжеский двор, прежде всего терем, в котором жил временами князь; дома его ближних бояр, один из которых выполнял роль наместника в отсутствие князя; помещения для слуг, а также хозяйственные постройки – конюшни,

скотные и птичьи дворы, охотничий дом и другие. Внутри крепости устраивалась и главная соборная церковь, таковой в Костроме была церковь во имя великомученика Феодора Стратилата. Бесспорно, она была построена в древних строительных традициях, была деревянной и клецкой, то есть в основе её была клеть – 4-х гранный сруб. Несмотря на то, что храм неоднократно горел и восстанавливался, эти формы он сохранил до начала XVII века, когда составители Писцовой книги 1628 года записали в ней: «На Суле у Мшанской улицы церковь стоит без пенья Федора Стратилата древена, клецки»⁸.

Строительство первой в истории Костромы деревянной крепости и первого православного храма связано с именем великого Владимирского князя Ярослава Всеволодовича, имевшего особое значение для нашего города. Он сел на великокняжеский престол после Батыева разрушительного похода и гибели брата великого князя Юрия Всеволодовича в битве на реке Сити в марте 1238 года. На долю князя Ярослава выпало восстановление из руин многих русских городов и церквей. При нем была отстроена и Кострома после опустошения Батыя, ведь в русских летописях в числе разрушенных в феврале 1238 года городов называется и наш город. Князь родился 8 февраля 1191 года в день великомученика Феодора Стратилата и получил при крещении христианское имя Феодор. Во имя его небесного покровителя и был освящен главный соборный храм в городе.

Кроме того, великий Владимирский князь Ярослав Всеволодович оставил завещание, по которому в 1247 году, уже после гибели его, Кострому в удел получил его последний «Мизинный», как называют его летописи, сын – Василий Ярославич, который стал первым Костромским князем. Феодоровская соборная церковь стала первым местом пребывания чудотворной Феодоровской иконы Божией Матери – святыни и покровительницы нашего древнего города. Церковь эта неоднократно упоминается в русских летописях. В 1265 году в ней произошло брачное венчание князя Василия Костромского⁹, а в конце 1276 года в

этом храме он был похоронен, будучи в это время Великим князем Владимирским: «Представися князь великий Василий Ярославич и положен бысть у Святого Федора на Костроме»¹⁰, как уточняют краеведы, под Царскими вратами левого Симеоновского придела¹¹. В Воскресенской летописи под 23 июлем 1304 года имеется запись: «Бысть гром страшен и туча велика от востока, и удари гром в маковицу святого Федора на Костроме, и зажже ю, и згоре до вечерни»¹².

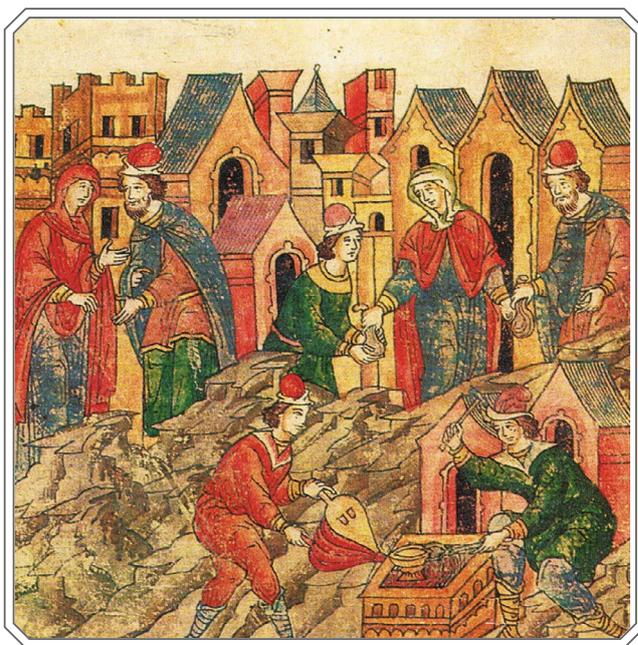
В непосредственной близости от костромской крепости стояла еще одна церковь, посвященная великомученице Параскеве Пятнице. Она покровительствовала не только женщинам, но и торговым делам, а храмы в ее имя, ставились в древнерусских городах традиционно на торгу – городской площади. Местонахождение храма этой святой подтверждается сохранившимся до настоящего времени древним названием современной улицы Пятницкой. Кроме того, в непосредственной близости от этих мест в стоявшем на Суле девичьем «Настасеином» монастыре, который ведет свое начало с XIV века, в трапезной церкви в честь Входа Господнего в Иерусалим был придельный храм во имя «великомученицы Парасковей, нарицаемые Пятницы»¹³.

Городской торг с Пятницкой церковью был центром общественной и экономической жизни города, располагался обычно близ крепости. Вокруг крепости простирался посад, где проживало и трудилось городское население Костромы. Границы и размеры посада прослеживаются тоже благодаря археологическим раскопкам. Карта, на которую нанесены значками все археологические раскопы, шурфы и места археологических наблюдений, показывает, что посад был вытянут вдоль Волги, как и сама крепость, с северо-запада на юго-восток. Северо-западная граница городских территорий доходила до мест по реке Костроме, расположенных напротив основанного в последней четверти XIII века Ипатьевского монастыря. Противоположная юго-восточная сторона посада захватывала лишь западную часть современного центра Костромы, но и то была периферийной. На северо-востоке гра-

ница доходила до начала современной улицы Ленина; а на севере – пересекала улицы Комсомольскую, Спасокукоцкого и Депутатскую. Градообразующими можно считать древние улицы Мшанскую (современная улица Островского), Бережную и Десятильничью (современная улица 1 Мая), расположенные вдоль Волги. Ядро городского посада располагалось по правобережью Сулы, к северу и северо-западу от крепостных сооружений. С.И. Алексеев археологически определил площадь городских территорий примерно в 100 гектаров¹⁴.

Историки в числе первых важных археологических признаков города называют дворово-усадебную застройку его¹⁵. Археологи, изучающие древнюю Кострому, отмечают плотную жилую застройку города, разделенную на усадьбы¹⁶. В состав усадьбы в то время традиционно входил двор с его жилыми и хозяйственными постройками, отделенный частоколом или забором от внешнего мира. При исследованиях в Костроме археологи находили следы жилых срубных построек и хозяйственных комплексов – хозяйственных и кричных ям, а также остатки конструкций частоколов. Например, при раскопках на углу улицы Комсомольской и проспекта Текстильщиков, на месте старого цирка, были найдены следы жилой трехкамерной постройки, частокола и большое количество находок – железных орудий труда, стеклянных украшений – бусин и браслетов, шиферных пряслиц, замков и ключей¹⁷. В другом раскопе на Комсомольской же улице были обнаружены следы трех жилых построек, относящимся к двум разновременным усадьбам со следами частоколов второй половины XII-XIII вв., сыродутный горн второй половины XIII-XIV вв. и богатая коллекция находок этого времени – 81 стеклянный браслет, 6 фрагментов кашинной керамики, 5 шиферных пряслиц, медные браслеты, костяные гребни, навесные замки и ключи от них, железные ножи, кресала, наконечники стрел, а также предметы ювелирного дела – литейные формы, щипцы, напильники¹⁸. Дворы-усадебки стояли вдоль улиц и переулков. Например, найденные линии частоколов и стен построек оказались параллельными современной ули-

**Ювелиры в древнерусском городе.
Древнерусская миниатюра.**

це Островского, что свидетельствовало о совпадении ее траектории с древней Мшанской улицей¹⁹.

Важное значение для картины жизни ранней Костромы имеют выявленные в ходе археологических раскопок древнерусские некрополи XII – XIV вв. Один из них, датированный XI – XII вв., находился во дворе автотранспортного техникума по улице Больничной (ныне улица Спасокукоцкого). Обнаруженный при прокладке линии теплоцентрали, в июне 1967 года он был исследован сотрудником ГИМ Марией Васильевной Фехнер. Были найдены два скелета хорошей сохранности – мужской и женский, ориентированные головой на запад, и погребальный инвентарь при женском захоронении, состоявший из украшений – височных колец, шумящих подвесок, обломка витого перстня, фрагментов стеклянных бус, а также железного ножа. В этом же слое были обнаружены обломки гончарных сосудов XI – XII вв. с линейным и волнистым орнаментом, на днище одного из них имелось клеймо²⁰. Второй некрополь с 82 грунтовыми захоронениями XIII – XIV вв. был выявлен на современной улице Комсомольской (Раскоп XXIII)²¹. Оба эти некрополя топографически можно связать с расположенными рядом храмами, известными по более

поздним документам – Писцовой книге Костромы 1628 года: первый – с церковью Рождества Христова (в XVII веке уже место церковное) и трапезным храмом преподобного чудотворца Онтония, а второй – с древним Вознесенским монастырем, в котором Вознесенская церковь в 1628 году тоже уже была недействующей²².

Материалы археологических раскопок рассказывают нам о достаточно высоком уровне экономической жизни города, о развитии в Костроме торговли и ремесленного производ-

Железный топор.

Железный навесной замок.

ства: металлургического, кузнечного, ювелирного, гончарного, косторезного, столярного.

Одним из главных занятий костромичей в ранней Костроме был металлургический промысел и связанное с ним кузнечное ремесло. Как и в древние времена, железо выплавляли из болотных руд в сыродутных горнах. Перед началом плавки в горн засыпали древесный уголь, а сверху – руду. Раздували меха, в горн поступал сырой воздух. Под воздействием температуры железо выплавлялось из руды и собиралось на дне горна в виде ноздреватой мягкой массы – так называемой крицы, которую извлекали и в горячем состоянии проковывали. При археологических работах было исследовано два таких горна, причем один горн, как уже отмечалось, находился внутри деревянного сруба. Остатки горна представляли собой углубленную яму длиной 3,6 м, шириной 4,4 м и глубиной 0,6 м, в заполнении которой было найдено большое количество крицы, шлаков – отходов производства, камней и кусков глины от обмазки сыродутного горна. Несмотря на то, что выплавка железа было пожароопасным промыслом, и часто древнерусские кузницы выносились на окраину посадов, костромские археологи на основе раскопок сделали вывод о том, что в Костроме железо делали на посаде, на что указывают многочисленные находки отходов и полуфабрикатов сыродутного процесса²³.

Выплавленное железо использовалось для изготовления кузнецами разнообразных предметов, находимых при раскопках – шарнирных ножниц, замков цилиндрических, навесных, ключей, топоров, ножей, гвоздей, огнива, душек и ушек от ведер, светцов. Выполняли кузнецы и сельскохозяйственные орудия – топоры, серпы, сошники, оковки лопат. Из самых интересных и важных находок было открытие двух железных писал, которые могли использоваться для письма по бересте и восковым табличкам²⁴. Кроме многочисленных железных изделий археологи находят и инструменты мастеров – железные пробойники, напильники.

Высокого мастерства достигли в это время ювелиры или, как их называли, «кузнецы

меди и серебру», изготавливая украшения из меди, бронзы и билона – сплава серебра и меди. Изделия отливали в жестких формах и по восковой модели, ковали, украшали резным и чеканным орнаментом, изготавливали в традиционной для наших мест технике воскового вязания²⁵.

В руки археологов попадают не только изделия, выполненные опытными мастерами, но и набор их ювелирных инструментов – железные пинцеты; тигли – небольшие глиняные сосуды, в которых металл расплавляли; льячки – глиняные ложечки для разлива расплавленного металла; литейные формы из известняка и черного полированного камня, ювелирные напильники. Находят исследователи и медные шлаки – ювелирные отходы дела, свидетельствующие о местном производстве.

Для характеристики многочисленных и разнообразных ювелирных украшений, которые любили носить древние костромички, необходимо привлечь не только находки, сделанные на территории города, но и в сельских костромских курганах в ближайшей округе Костромы. Шею женщины украшали гривны – металлические обручи, выполненные из витой и плетеной проволоки, пластинчатые, тонкопроволочные и ложновитые. Чаще всего гривны были принадлежностью нарядного костюма или местной знати. К волосам девушек и к женскому головному убору крепили с помощью лент или кожаных ремешков височные кольца, от двух до четырех у каждого виска. Височные кольца, изготовленные из волоченой проволоки, были разных размеров и форм, для их характеристики учеными придуманы разные названия – браслетообразные, ромбощитковые, с заходящими концами, перстнеобразные с разомкнутыми концами, уплощенные с петлей. По мнению исследователей, небольшие проволочные височные кольца с завитком на одном конце были характерны для Костромской земли²⁶.

Руки женщины украшали браслеты и перстни, которые делались в двух техниках – ковки и литья: пластинчатые с орнаментом – узкоконечные и загнутоконечные, витые – петлеконечные и обрубленоконечные; ложновитые, крученые, рубчатые и плетеные. В Костроме

Гривны.

Ромбощитковое височное кольцо щитковоконечное.

Пластинчатые браслеты с орнаментом.

был найден даже пластинчатый браслет, покрытый позолотой по меди. Перстни любили носить, кроме женщин, мужчины и дети. Находкам перстней придается большое значение, потому что в это время шло оформление семейных и брачных отношений, и при обрядности, как свадебной, так и похоронной, перстень начинает играть немаловажную роль. В костромских курганах многочисленны находки овальнощитковых и свободноконечных перстней с орнаментом, но имеются находки и печаток.

Неотъемлемой частью женского металлического костюма являлись всевозможные привески – лунницы в виде полумесяца, подвески из проволочных колец, спиралей и в виде каркасных треугольников, привески круглой формы или в виде фигурок животных и птиц. Они были отражением языческих верований, их носили в составе ожерелий вместе с бусами. Особое место среди привесок занимали шумящие подвески, которые считаются мерянскими

по происхождению, так как выполнены были в виде коньков, барашков и водоплавающей птицы, особенно почитаемой у финно-угорских племен как прородительницы мира²⁷. Шумящими эти подвески называли из-за привесок к ним на мелких бронзовых кольцах круглых или бутыльчатых бубенчиков, при ходьбе производящих шум и звон. Носились шумящие подвески у правого или у левого плеча, а также у пояса.

Важной принадлежностью как женской, так и мужской одежды были фибулы, используемые часто для соединения разных частей одежды. Исходя из мест находок фибул при раскопках, можно сделать вывод, что ими застегивалась одежда на груди, на правом или левом плече, у ворота, близ шеи. Носились они и на поясе. Выполненные из блестящей бронзы в технике литья иликовки, круглые, овальные, кольцевидные, подковообразные фибулы и сами по себе являлись украшением. Например, в Костроме была найдена лировидная медная фибула (пряжка) с позолотой. Но

Девушки за прялками. Русский лубок. Конец XIX века.

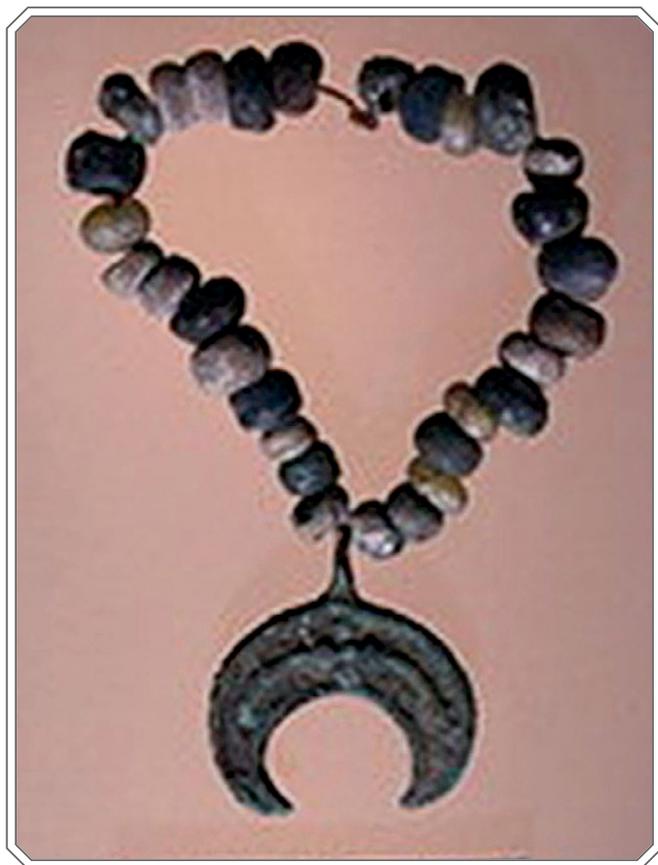
**Шумящая подвеска-птичка
с привесками-бубенчиками.**

часто их использовали и для подвешивания и прикалывания различных привесок, амулетов, цепочек и даже хозяйственных предметов – ключей, ножей в кожаных футлярах и огнива.

Фибула.

Большинство украшений женского костюма – браслеты, перстни, височные кольца, круглые нагрудные подвески, лунницы – были покрыты разнообразным орнаментом – солярными знаками, волнистыми линиями воды,

Лунница в составе ожерелья.

**Треугольная шумящая подвеска
с привесками – утиными лапками.**

символами вспаханной и засеянной земли. Сделанные из золотистой бронзы, они ярко горели, освещаемые лучами солнца, богато украшали девушку и женщину. Они служили не только для украшения, но и, как верили в то время, для охранения человека от злого во внешнем мире. Это были своеобразные обереги, защищавшие на теле женщины самые уязвимые, наиболее открытые части тела – шею, лицо, уши, запястья рук, пальцы. Эти украшения были дополнением к заклинательной орнаментике женской одежды, на которой магическим охранительным узором покрывались ворот и подол, рукава и пояс.

Находки археологических тканей довольно редки, но отдельные фрагменты их позволяют нарисовать картину развития прядения и ткачества в Костроме и ее округе. В курганах у деревни Погорелка были найдены кусочки льняных тканей полотняного переплетения, а у деревни Татариново – фрагменты шерстяной ткани саржевого переплетения. Во многих славянских захоронениях встречаются остатки шнуров, поясов, тесьмы, которыми украшалась одежда в виде нашивок, кистей и узлов²⁸. Льноводство было древнейшим и традиционным промыслом населения костромских земель, а прядение и ткачество, связанное с из-

готовлением одежды и других предметов быта, занимало важнейшее место в древнерусском городском хозяйстве. По древним представлениям, полотно – это путь, по которому человек проходит «свой век», а льняная нить, из которой оно изготовлено, дает людям дорогу жизни.

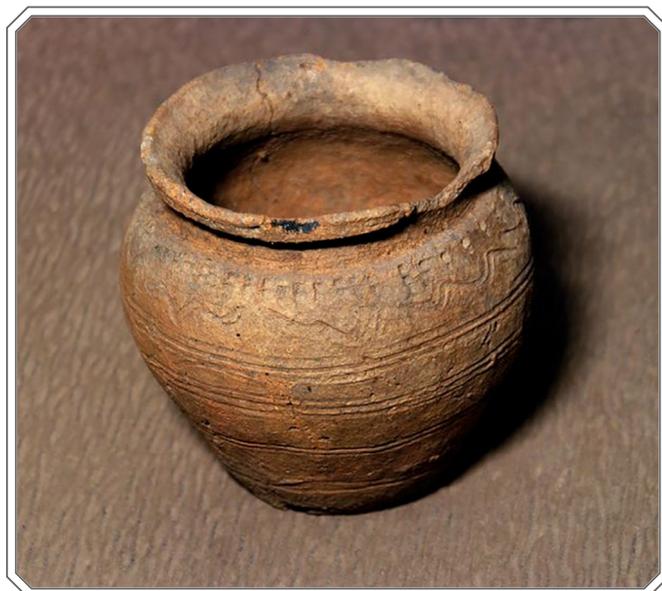
Уровень ткачества в это время был достаточно высок. Исследователи отмечают, что в XIII веке на смену вертикальному ткацкому стану приходит горизонтальный с двумя и более ремизками²⁹.

Существовали разные системы ткацких переплетений – полотняное, саржевое, ткань «браной» и «закладной» техникой, использовались сложные приемы кручения нитей. Основой костюма, как женского, так и мужского была рубаха из льна, прямая, немного расширенная книзу, с вшитыми узкими длинными рукавами. Женские рубахи были длинными, до пят; мужские закрывали колени и носились поверх портов. Носили рубахи с нешироким поясом.

Несмотря на то, что главными инструментами прядения были прялка и веретено, сделанные из дерева, в руки археологов при раскопках они попадают нечасто. Находят обычно неизменные атрибуты этого ремесла – гли-

Игольник горизонтального вида.

Глиняный сосуд.

няные или каменные пряслица, надеваемые на веретено для быстроты его кружения; железные булавки с петлеобразной головкой от ручной прялки, железные иглы, а также вертикальные и горизонтальные игольники – бронзовые футлярчики для игл.

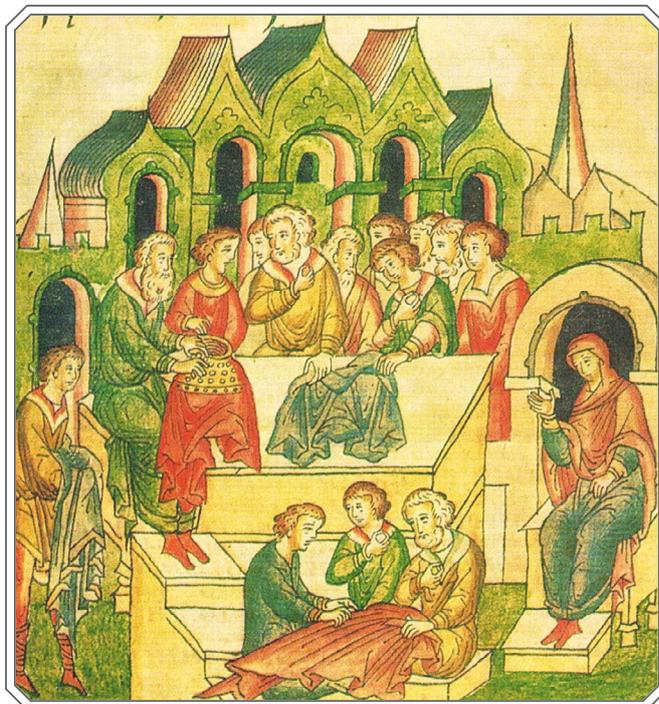
В древней Костроме, как и повсеместно в русских городах, широко было развито производство глиняной посуды – горшков, мисок, сковородок с крышками. Находки фрагментов сосудов, украшенных по тулову многоярдной круговой линией или волной, являются свидетельством изготовления их на медленно вращавшемся ручном гончарном круге. Археолог М.В. Фехнер выделила три группы найденных при раскопках фрагментов глиняной посуды: городищенского типа – толстостенных сосудов со слабо отогнутыми венчиками и резко выступающими плечиками; курганного типа – приземистые горшки с широким горлом, близкие по форме к мискам, ширина этих сосудов преобладает над высотой. Преобладали сероглиняные и красноглиняные сосуды. В небольшом количестве найдена белоглиняная грубая керамика, с орнаментом на плечиках в виде небольших углублений³⁰.

На днищах некоторых сосудов встречаются графические знаки, так называемые клейма в виде крестов, полукругов, двузубцев. Одни ученые считают их знаками собственности ремесленников, отмечавших свою продукцию; другие исследователи придерживаются мнения, определяя их как магические, выполнявшие функции знака-оберега³¹.

Кроме посуды из глины изготавливали яйца-писанки и игрушки в виде коньков и барашков. Найденное яйцо-писанка, датированное XII веком, имело следы желтой росписи³².

Жили в Костроме и мастера-косторезы, которые обслуживали нужды местных жителей. Археологи находят пиленую кость домашних животных – сырье для косторезного промысла, а также изделия из кости – гребни двухрядные и сборные, ложки, проколки, кресты-тельники, накладки, рукояти ножей.

О развитии столярного ремесла свидетельствуют находки столярных инструментов – железных долот, тесел, фрагмента резца.

Шитье одежды. Древнерусская миниатюра.

В древнерусском производстве в этот период XIII – XIV вв. наблюдались новые развивающиеся черты русского ремесла – складывались ремесленные мастерские, появлялась узкая специализация внутри ремесел. Это создавало условия для накопления мастерства ремесленниками, расширения ассортимента изделий. Шло развитие мелкотоварного производства. Эти тенденции прослеживаются и в Костроме, которая становилась хозяйственным центром большой сельской округи-волости, и сбыт продукции городских ремесленников происходил не только в городе, но и среди населения сельской местности.

Вокруг Костромского посада располагались городские угодья: сенокосы, выпасы, посадский лес, рыбные и звериные ловли. Кострома, как и другие древнерусские города, продолжала оставаться сельскохозяйственным городом, где население занималось и пашенным земледелием, и скотоводством. Об этом говорят находки сошников, которые надевались на соху, серпов, кос-горбуш, каменных жерновов.

Кострома в тот период была не только сельскохозяйственным и ремесленным городом, но и торговым. На местном городском торге

могли быть представлены все изделия, производимые костромскими ремесленниками и промысловиками, о разнообразном ассортименте которых мы говорили. Это изделия из железа, бронзы и серебра, глины и дерева, ткани и кожи. Археологи отмечают, что хотя территория древнего костромского торгового центра не исследована, но косвенно определяют его место к северо-востоку от первого костромского кремля³³. Церковь во имя великомученицы Параскевы Пятницы ставилась традиционно на торгу. Здесь же собиралось городское вече – общее собрание горожан для решения важных вопросов посадской жизни. Под 1304 годом в Симеоновской летописи упоминается о вече в нашем городе³⁴.

Но археологические исследования города позволяют говорить и о включении Костромы в общерусские торговые связи. Конечно, хозяйство Руси носило натуральный характер, городским ремесленникам приходилось работать на заказ, участвуя лишь в натуральном обмене продуктами труда, но на Руси в это время уже существовали определенные сложившиеся внутренние торговые связи между близкими и далекими древнерусскими городами, шло формирование местных рынков. Важное значение для Костромы было расположение ее на Волге, ведь Волжский торговый путь

был одним из самых ранних великих речных путей, наряду с путем «из варяг в греки». Не случайно Волжский торговый путь называли «путь из варяг в персы», он соединял город Ладогу в северорусских землях через Каспий со Средней Азией и далее с Персией.

Дальняя торговля Костромы восстанавливается благодаря большому ассортименту привозных изделий, найденных при археологических раскопках не только в городе, но и в многочисленных костромских курганных могильниках в ближайшей округе. Ведь в сельские поселения привозные изделия могли попасть только через городские рынки. Встречающиеся фрагменты парчовых и шелковых тканей³⁵ свидетельствуют о торговых связях Руси с Византией, где они были изготовлены.

Одними из самых массовых находок в Костроме были стеклянные браслеты и перстни. Особенно полюбили костромичкам браслеты разных цветов и видов – фиолетовые, коричневые, желтые, бирюзовые, синие и черные. Они были гладкие, крученые, витые, с перевитием. Мария Васильевна Фехнер, изучавшая наш город в 1951 году, во время раскопок в непосредственной близости друг от друга нашла остатки глинобитной печи, куски застывшей белой стеклянной массы, обломки расплавленного стеклянного браслета и железный

Двухрядный гребень.

Стеклянные браслеты.

шлак, применяемый для изготовления стекла. Это дало возможность М.В. Фехнер сделать вывод, что в Костроме в домонгольское время существовала специальная мастерская по производству стеклянных браслетов. Это могло стать открытием, потому что кроме Киева и Колодяжина нигде таких мастерских на Руси не существовало. Но профессор Юлия Леонидовна Щапова, исследовав химический состав найденных стеклянных сплавов, выяснила, что эти так называемые «отходы производства» – куски стеклянной массы и железный шлак, не связаны со стеклянными браслетами. Их химический состав не совпадает: все браслеты сделаны из калиево-свинцово-кремнеземного стекла, то есть содержат свинец, но нет окиси натрия; а в «отходах стеклянного производства», датированных XVIII и даже XIX вв., окись натрия присутствует. Они не связаны с древними браслетами и попали в нижние слои земли в результате многочисленных строительных работ в этом районе города. Вывод однозначен, в Кострому стеклянные браслеты и перстни попали в результате торговых связей из Киева, а чуть позже – из Рязани, Смоленска и Великого Новгорода, где такие мастерские были обнаружены³⁶.

Из далеких южных районов поступали к нам шиферные пряслица, предназначавшиеся для прядения пряжи веретеном. Шифер – природный камень красно-розово-серого цвета, добывался в Восточной Европе только в одном месте – на Волыни, близ города Овруч на реке Уборти. Местные жители добывали шифер и изготавливали из него разные предметы – пряслица и четырехгранные кресты-тельники. Готовые изделия и куски необработанного шифера, употребляемые для строительных целей, поставлялись во все русские княжества и даже за пределы Руси. Так они поступали и в наш город.

Излюбленными украшениями женщин в Костроме, как и в других местностях, наряду со стеклянными браслетами были бусы, которые чаще всего являлись продуктом русской и зарубежной торговли. Бусы носили в ожерельях на шее, нанизывали их на гривны, височные кольца, в браслеты, использова-

Шиферные пряслица.

ли в качестве пуговиц. Бусы различались по форме, материалу, цвету бусин. Их делали из камня, глины, металла, но самыми распространенными были стеклянные бусы. По форме бусы отличались разнообразием: круглые и кольцевые, бочковидные и шарообразные, цилиндрические и эллипсоидные, гладкие и ребристые. Бусы встречаются синие, зеленые, желтые различных оттенков, реже – белые, красные, голубые. Стекло бус прозрачное, полупрозрачное, непрозрачное. Разнообразие форм бус почти бесконечно. Известный русский археолог, профессор Александр Андреевич Спицын отмечал, что даже древние бусы весьма определенно изменяются по времени, согласно требованию моды. Стеклянные бусы, как и браслеты, привозились из киевских стеклоделательных мастерских. Наиболее ранними из привозных стеклянных бус в костромских памятниках встречаются бусы с золотой прокладкой – кольцевые³⁷, бочковидные³⁸, эллипсоидные³⁹ и цилиндрические⁴⁰. Техника изготовления их была довольно сложной: на бусину из бесцветного или светло-желтого стекла накладывалась золотая фольга, поверх которой, для лучшего закрепления металлического листика на стекле и защиты его от повреждений, наплавлялся тонкий слой бесцветного прозрачного стекла. Оттого бусины прекрасно сохранялись и не имели следов выветривания⁴¹.

Бусами зарубежного производства, найденными в Костроме и в костромских курганах,

были сердоликовые, хрустальные и янтарные бусы. Месторождений сердолика в центре Руси не было, и бусы из этого красивого полудрагоценного камня являлись продуктами восточной торговли. Обширная торговля ими шла из Средней Азии, где в городах Басру, Кашмир, Хоросан камни гранились и шлифовались. Им придавались цилиндрическая, шарообразная, призматическая, многогранная формы, но самыми популярными и распространенными на Руси были бипирамидальной формы бусы. В коллекции Костромского музея-заповедника хранится несколько многогранных бусин из курганов у деревни Куликово⁴² и 14-гранная, так называемая плитчатая со срезанными углами, бусина из могилы у деревни Исаево и 8-гранная – у деревни Дренево Красносельского района.

Хрустальные бусы чаще всего привозились тоже из Средней Азии, где в мастерских они проходили шлифовку и огранку. Но в южной Руси, близ Киева имелись значительные месторождения хрусталя, поэтому часть хрустальных бус на север поступала в результате внутриторгового обмена. Шарообразные бусы из хрусталя были найдены в курганных могильниках близ деревень Елктово, Семеново и Татариново⁴³. Сердоликовые и хрустальные бусы бытовали на Руси в XI – XII вв., но благодаря прочности материала, бытовали в русских селениях и в XIII веке.

Продуктом импорта из современной Прибалтики был янтарь. Как отмечал С.И. Алексеев, в заполнении постройки первой половины XIII века в Костроме был обнаружен кусочек необработанного янтаря, что может говорить о местном производстве янтарных изделий, для чего в город привозили сырье. В городском слое XIII – XIV вв. найдена эллипсоидная граненая янтарная бусина⁴⁴. При раскопках курганов у деревни Дренево тоже были обнаружены янтарные бусы⁴⁵.

С Прибалтийскими землями связана единственная в костромской курганной коллекции бронзовая, так называемая черепахообразная фибула⁴⁶. Она имеет овальную форму, относится к одностороннему типу и украшена рельефным орнаментом. Фибулы овальной

формы относились к числу женских украшений, они использовались в паре для скрепления, соединения элементов, частей женской одежды, обычно на груди, около плеча. Ими могли закалывать платок (убрус) на шее. Это эффектное украшение скандинавского происхождения попало в район Костромы не в результате торговых связей, а вместе с новгородскими переселенцами, некоторые из которых нашли упокоение в курганах XII века близ военно-административного погоста у деревни Пьянково Костромского района.

Разнообразный археологический материал, как местного производства, так и привозные изделия, помогает нарисовать картину хозяйства и быта Костромы, живущей единой жизнью с другими районами Древней Руси. Уникальную находку сделали в 2015 году сотрудники Института археологии: в Москве была найдена 4-я по счету берестяная грамота. Это частное деловое письмо в три строки связано с нашим городом Костромой. Оно повествует о неудачной поездке в Кострому. Некто, не называя по имени ни себя, ни адресата (он обращается к нему «господине»), отчитывается и сообщает о деталях. А детали грустные: уехавших задержал и вернул назад некто Юрий со своей матерью (видимо, имевший на то право). Они взяли с автора сначала 13 бел и 3 белы (де-

Сердоликовые бусины.

нежная единица сравнительно небольшого номинала). Этого показалось мало, и по неведомой причине автор отдал им же еще 20 бел «с полтиною». Вместе это 36 бел и полтина – сумма довольно внушительная. Как отмечают исследователи, содержание отвечает стандарту частного делового письма. Свиток бересты подготовлен специально и тщательно, его закругленные края аккуратно обрезаны. Почерк отчетливый, книжный. Письмо хотя и расшифровано без тщательной проверки, но уже понятно, что оно рассказывает об одном из важных моментов торговой жизни Древней Руси.

Духовная жизнь населения нашего края представляла собой переплетение старых языческих верований и новых христианских воззрений. На Костромской земле Кострома стала первым христианским городом и центром распространения и утверждения здесь православной веры. В Костроме были открыты первые православные храмы, основаны первые монастыри. Их возникновение связано, как уже отмечалось, с великим князем Ярославом Всеволодовичем и его сыном Василием. Надо отметить, что христианизация населения была целенаправленной политикой русских князей, а строительство храмов – яркой и характерной особенностью деятельности северо-восточных князей. Вся жизнь княжеской семьи и самого князя были тесно связаны с церковью и церковными атрибутами. Не только традиционные крещения и венчания с невестой, но и захоронения князей в церквях, поставление на княжение, когда великий князь вручал сыну вместе с мечом «крест честной» на «спасение людей от противных», а горожане целовали крест князю, присягая ему в верности.

Характеризуя религиозные представления и верования населения Костромского края в XIII – XIV вв., как и многих северо-восточных и северных территорий, исследователи отмечают прочность языческих представлений и полную сохранность язычества в домонгольский период. И это несмотря на то, что христианство считалось государственной религией в Киевской Руси уже два с половиной столетия.

Язычество было основой мироощущения и мировоззрения славянского населения. В язы-

честве сложилось особое понимание природы: одухотворение, оживление, наделение природы и животных жизненной силой, способной помогать или препятствовать, причинять зло или доставлять радость человеку. Сложилось представление о необходимости умиливать природу, повлиять на неё, помочь ей. Сложилась целая система магических действий – молений, заклинаний, заговоров, обрядов, с помощью которых человек общался и пытался воздействовать на природные силы, хотел добиться желаемого результата. Помыслы и труд человека, а также магические действия были объединены главной целью – вырастить и сохранить урожай, главное условие благополучия, а значит, условие продолжения рода и жизни. В представлении славянского земледельца труд и магия одинаково необходимы, и успех первого не мыслим без второго, и следствием этих представлений было сложение славянского земледельческого обрядового календаря – годового, непрерывного цикла полевых работ, обычаев и праздников.

Начинался этот обрядовый календарь с дней зимнего солнцестояния или солнцеворота – первого этапа на пути пробуждения природы, начала нового жизненного цикла. В эти дни возжигался «живой» огонь, готовилась особая обрядовая еда, устраивались ряжения, игры, колядки. Новогодний период – это длительный заклинательный комплекс, время подблюдных гаданий и ворожбы с целью предугадать будущей урожай, определить судьбу. Выражением жизнеутверждающей силы славянина в период зимней мертвенности природы был брак, свадьба, рождение новой семьи.

Черепашкообразная фибула.

В дни весеннего равноденствия проходила Масленица – праздник проводов зимы и встречи весны – воплощение света, тепла и красоты. Название праздника «Масленица» позднее, оно появилось у русских потому, что в эти дни, перед великим постом, ели много масляной пищи. По мнению известного русского исследователя славянской культуры А.Н. Афанасьева, «название народного праздника заменило забытое имя древней богини». На горках и других высоких местах славяне возжигали ритуальные масляные костры в честь возрождающегося солнца. Часто в середину костра вставляли шест с укрепленным сверху его заженным колесом – солнечным знаком. Дополнялось это действие катящимся вниз с горы горящим колесом, что символизировало движение солнца. Для этих дней, как и в коляду, была характерна особенная ритуальная трапеза, составной частью которой были блины – поминальная еда у славян. Поминание усопших родителей являлось одним из элементов масленичного комплекса. Умершие предки, преданные земле, призваны были содействовать благополучию живущих, охранять их, покровительствовать урожаю.

Тяжелая пора для земледельца – весенние сельскохозяйственные работы, закладка нового урожая, выгон скота на пастбище – сопровождалась многочисленными обрядами и магическими действиями: очистительный обряд, ритуальное кормление земли, обрядовое кормление скотины хлебом с шерстью, замыкание скота в круг.

По окончании полевых работ начиналась почти трехмесячная пора тревожных ожиданий судьбы будущего урожая, с постоянным обращением к небу, солнцу, воде, земле – источникам основных благ. Для того чтобы спровоцировать силы природы на нужные земледельцу действия, усилить плодородящие возможности земли, передать природе часть своих сил, существовало много обрядов и праздников, кульминацией которых был Ярило – летний праздник солнца и воды, связанный с аграрной магией «макушки» лета – момента созревания плодов и приготовления к жатве. Наши предки-славяне верили, что в середине лета природа

во всех своих стихийных проявлениях обнаруживает особенную живительную силу: вода способна смывать с тела все недуги, наделять его крепостью и здоровьем; огонь костра как символ солнца охраняет от губительных сил и укрепляет здоровье; травы, сорванные в дни солнечного поворота, особенно целебны; ночная роса – в высшей степени живительна.

Все символы солнца, воды, засеянного поля отражены в орнаментации украшений женского костюма славянского населения Костромского края XII – XIII вв. Одни выполнены в форме солнца – шейные гривны, браслеты, перстни, височные кольца, круглые нагрудные подвески; другие – в виде полумесяца – лунницы. Большинство из них украшено орнаментом – солярными знаками, волнистыми линиями воды, символами вспаханной и засеянной земли.

Осенний период подведения итогов всего сельскохозяйственного года был наполнен трудами, также сопровождавшимися обрядами: жатвенными, гаданиями на дожинальном снопе, обрядом докармливания скота необмолоченным дожинальным снопом.

О «живучести» языческих верований в конце XIII века говорят решения церковного собора 1274 года, проходившего в стольном граде Владимире при великом князе Василии Костромском и при митрополите Киевском и всея Руси Кирилле. Собор был посвящен вопросам врачевания нравов, укрепления христианской веры и борьбе с народными языческими обрядами и верованиями. В его постановлении так описывается совершение весеннего обряда, пришедшегося на пасхальные дни: «И се слышахом: в субботу вечер собираются вкупь мужи и жены и играют и пляшут бестудно и скверну деют в нощи святаго воскресения, яко Дианусов праздник празднуют нечестивии елени, вкупе мужи и жены, яко и кони, вискают и ржут, и скверну деют»⁴⁷.

Возможно, неслучайно именно здесь, в Костромском крае, где сохранялись языческие пережитки, было особенно важно открытие новых христианских храмов, прославление чтимых и чудотворных икон, основание новых православных обителей. Они призваны были

нести в мир язычников свет Евангельского сияния.

Вспомним, что внутри крепости стоял первый православный храм в Костроме – соборная церковь во имя великомученика Феодора Стратилата, где пребывала чудотворная Феодоровская икона Божией Матери. Рядом с костромской крепостью, на торгу, возвышалась церковь великомученицы Параскевы Пятницы, а недалеко от Волги, на улице под названием Десятильничья, была возведена церковь во имя святого Николая Чудотворца, покровителя путешественников. Первый Костромской князь Василий Ярославич продолжил начатое его отцом храмовое строительство в городе. Согласно «Сказанию о явлении и чудесах чудотворной Феодоровской иконы Божией Матери» по повелению князя на речке Запрудне – месте явления чудотворной Феодоровской иконы Божией Матери, был устроен храм в честь Нерукотворенного Спаса. Здесь же «великий князь повеле и монастырь устроить [...] но сей первоначальный монастырь на Костроме граде»⁴⁸. Храм был назван во имя Спаса Нерукотворного, т. к. явление чудотворной иконы произошло в день 16 августа (ст.ст.), когда празднуется Перенесение из Едессы в Константинополь Нерукотворного Образа (Убруса) Господа Иисуса Христа. По монастырскому преданию, престол храма был поставлен над пнем той сосны, на которой дивно явилась князю Василию икона. Главной святыней Спасо-Запрудненской монастырской церкви был образ Спаса Нерукотворного, написанный, по преданию, в XIII веке по повелению князя Василия Ярославича для учрежденного им монастыря. К сожалению, первоначальный выносной образ Спаса Нерукотворного не сохранился до наших дней, как и деревянные постройки Спасо-Запрудненского монастыря. Пребывающая ныне в храме икона Спаса Нерукотворного датируется искусствоведами концом XVI века, и, по их мнению, она повторяет иконографию древнего образа⁴⁹.

Согласно «Сказанию о явлении и чудесах чудотворной Феодоровской иконы Божией Матери», по указу князя Василия Костромского в Костроме был возведен первый каменный

Князь Василий Ярославич Костромской.

храм для чудотворной Феодоровской иконы. После неоднократных восстановлений после пожаров деревянного храма Феодора Стратилата князь «совет сотвори с боляры своими и со князи и со всем народом, яко да воздвигнется церковь каменная соборная»⁵⁰. К сожалению, кроме «Сказания» нет больше данных, подтверждающих существование каменного собора в XIII веке на высоком берегу реки Волги. При натуральных обследованиях Успенского собора XVII века, за несколько дней до его разрушения в 1934 году, были обнаружены фрагменты храма XVI века, но более ранних элементов устройства храма XIII – XIV вв., каких-либо частей декора найдено не было. Обнадеживает лишь одна находка археологов, сделанная еще при разведывательных работах на территории Костромского кремля: был найден фрагмент керамической (глиняной) плитки с цветной поливой. Такие плитки использовались для оформления полов в киевских, новгородских и владимирских храмах.

Так что перспективы в поиске остатков древнего храма XIII – XIV вв. еще существуют.

Древними обителями, возведенными в пределах ранней Костромы, были, кроме Спасо-Запрудненского, Ипатьевский, Анастасиинский Ризположенский и Вознесенский монастыри. Знаменитый в истории Ипатьевский монастырь был основан в последней четверти XIII века, во времена, когда великим Владимирским князем был наш Костромской князь Василий Ярославич. Сохранившееся монастырское предание повествует, что возникновение обители связано с чудом явления Божией Матери с Богом-младенцем татарскому мурзе Чету, выехавшему из Орды на Русь, принявшему православную веру и крестившемуся с именем Захарии. Монастырь, расположенный в месте впадения реки Костромы в Волгу, окруженный дубовыми стенами, был защитным рубежом на западных подступах к Костроме. Обитель стала важной духовной христианской святыней. Одной из самых древних икон Ипатьевского монастыря был образ Воплощение

Пречистой Богородицы, выполненный по заказу основателя Ипатьевской обители Чета-Захария. Интересно, что иконография Божией Матери с Младенцем на древнем образе Воплощение Пресвятой Богородицы восходила именно к чудотворной Феодоровской иконе Божией Матери. Захария же стал основателем знаменитых в русской истории боярских родов – Сабуровых, Годуновых, Вельяминовых-Зерновых, представители которых служили великим Владимирским и Московским князьям, а затем и государям, и сами сидели на царском престоле.

К числу наиболее древних костромских монастырей можно отнести Ризположенский Анастасиин монастырь. О нем писал в 1835 году епископ Павел (Подлипский): «Крестовоздвиженский девичий 3 класса монастырь, находящийся внутри города Костромы между частью онога, именуемой Китай, и высохшим протоком Сулою, и называвшийся прежде Анастасиин, принадлежит к числу весьма древних монастырей»⁵¹. Уже в XIV веке обитель

Христианский крестик из бронзы.

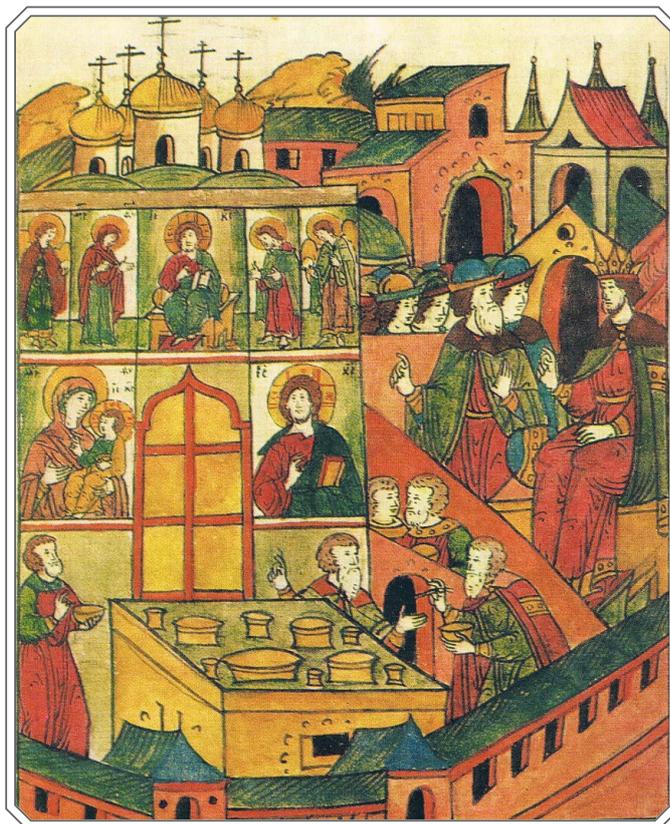
Каменные нательные кресты.

владела жалованными грамотами, данными великим Московским князем Василием Дмитриевичем, старшим сыном Дмитрия Донского. Возможно, монастырь получил посвящение во имя преподобномученицы Анастасии Римляныни – небесной покровительницы дочери князя Дмитрия Донского Анастасии Дмитриевны, которая вместе с отцом и всем княжеским семейством скрывалась в Костроме в 1382 году во время нашествия на Москву ордынского хана Тохтамыша. Может быть, с тех далеких времен сохранялся в обители запрестольный Феодоровский образ Божией Матери, на оборотной стороне которой было не традиционное изображение великомученицы Параскевы Пятницы, а великомученицы Анастасии, о чем есть упоминание даже в Писцовой книге 1628 года⁵².

К северо-востоку от первой костромской крепости, вероятно на посаде, стоял еще один монастырь Вознесенский. О древности обители может говорить посвящение трапезной церкви преподобному Варлааму Хутынскому, святому, которого очень чтили в Новгороде Великом в конце XII века. Он наделен был даром пророчества и исцеления болящих. На Хутыни, где позже поднимется большой монастырь, святой возвел маленькую деревянную церковь в честь Вознесения Господня. И в костромской Вознесенской обители главный храм был посвящен «Вознесению Господа Бога и Спаса нашего Иисуса Христа», но в начале XVII века, когда составлялась Писцовая книга, в этой церкви службы уже не шли, и названа она была «местом церковным»⁵³.

В начале XV века близ Вознесенской обители преподобный старец Никита, ученик и сродник преподобного Сергия Радонежского, начнет обустраивать новый мужской Богоявленский монастырь. Но случится это уже после 1413 года, когда во время большого пожара древний город Кострома, его первая деревянная крепость, его ремесленно-торговый посад сгорели. О масштабах бедствия рассказывается в известии Тверской летописи: «Того же месяца в 30 день погоре град Кострома и згоре церковей 30»⁵⁴. Произошло пожарное бедствие 30 июня 1413 года. И уже в 1416 году Троиц-

**Иконописцы древнего города.
Древнерусская миниатюра.**

кая летопись поспешила сообщить, что «того же лета град Кострома заложен бысть»⁵⁵. На новом месте, на высоком берегу Волги, к юго-востоку от сгоревшей первоначальной Костромы, была заложена вторая Костромская крепость, ставшая композиционным центром, вокруг которого вырос новый посад и слободы.

Четвертая московская берестяная грамота в момент обнаружения.

Историю их мы проследим подробно уже по другим документам и, прежде всего, по Писцовой книге первой половины XVII века.

Примечания

1. ПСРЛ. Т. 1. – С. 5.
2. Археология Костромского края. – Кострома, 1997. – С. 117-137.
3. Горюнова Е.И. Этническая история Волго-Окского междуречья / Материалы и исследования по археологии СССР. № 94. – М., 1961.
4. Алексеев С.И. Древняя Кострома (становление города) / Становление и ранний этап истории города Костромы. Материалы к региональной программе по истории Костромского края. – Кострома, 1998. – С. 23.
5. Алексеев С.И. Как вырос город / Губернский дом. 1998. №5-6. – С. 4-5.
6. Алексеев С.И. Древняя Кострома Указ. соч. – С. 25.
7. Алексеев С.И. Древняя Кострома Указ. соч. – С. 25.
8. Писцовая книга г. Костромы 1627/28 гг. – 1629/30 гг. Костромаиздат-850. ООО «Промдизайн-М». 2004. – С. 282.
9. ПСРЛ. Т. 18. – С. 72.
10. ПСРЛ. Т. 7. – С. 173.
11. Костромские святыни. – Кострома, 2004. – С. 149.
12. ПСРЛ. Т. 7. – С. 184.
13. Писцовая книга. – С. 286.
14. Алексеев С.И. Как вырос город. / Губернский дом. 1998. №5-6. – С. 5.
15. Древняя Русь. Город, замок, село. – С. 62.
16. Алексеев С.И. Древняя Кострома. Указ. соч. – С. 26.
17. Алексеев С.И. Итоги археологических исследований в г. Костроме и Костромской области (1989-2000 гг.) / Вестник Костромской археологической экспедиции. Выпуск 1. – Кострома, 2001. – С. 31. (Далее – Вестник КАЭ).
18. Указ. соч. – С. 34.
19. Алексеев С.И. Формирование территории Костромы в середине XII – середине XIII вв. / Вестник КАЭ. Вып. 2. – Кострома, 2006. – С. 35.
20. КГИАХМЗ. Коллекция КОК № 18081.
21. Алексеев С.И. Итоги археологических исследований в г. Костроме и Костромской области (1989-2000 гг.) / Вестник КАЭ. Вып. 1. – С. 35.
22. Писцовая книга. – С. 279.
23. Археология Костромского края. – С. 210.
24. Указ. соч. – С. 211.
25. Очерки по истории русской деревни X – XIII вв. / Труды ГИМ. Вып. 43. – М., 1967. Седова М.В. Ювелирные изделия древнего Новгорода X – XV вв. – М., 1981.
26. Рябинин Е.А. Костромское Поволжье в эпоху средневековья. – Л., 1986. – С. 54.
27. Археология Костромского края. – С. 185 - 186.
28. КГИАХМЗ. Коллекции кок № 15460 (Погорелка); № 15453 (Татариново); № 15481 (Боровиково); № 15475 (Васильевское); № 15486 (Руболдино); № 15470 (Семенково).
29. Левашова В.П. Об одежде сельского населения древней Руси / Труды Государственного Исторического музея. Вып. 40. – М., 1966. – С. 112-119.
30. Фехнер М.В. Указ. соч. – С. 101-104.
31. Рыбаков Б.А. Ремесло древней Руси. – М., 1948. Травкин П.Н. Ойнас Д.Б. Гончарные клейма из Плеса / Археологические памятники Волго-Клязьминского междуречья. Вып. 3. – Иваново, 1990. – С.35-38.
32. Археология Костромского края. Указ. соч. – С. 223.
33. Алексеев С.И. Ближняя и дальняя. Торговые связи Костромы в XII – XVII вв. / Губернский дом. 1999. № 5-6. – С. 6.
34. Симеоновская летопись / ПСРЛ. Т. XVIII. – С. 86.
35. КГИАХМЗ. Коллекции Кок № 15454 (Большое Андрейково), № 15470 (Семенково), № 15463 (Демидково).
36. Щапова Ю.Л. К вопросу о производстве стеклянных браслетов в Древней Костроме / Краткие сообщения Института материальной культуры. Вып. № 120. – ..., 1969. – С. 15-19.
37. КГИАХМЗ. Коллекции № 15477 (Гридино), № 15474 (Елкотово), № 15455 (Подольское), № 15470 (Семенково), № 15453 (Татариново) и другие.
38. КГИАХМЗ. Коллекции № 15475 (Васильевское), № 15474 (Елкотово).
39. КГИАХМЗ. Коллекции № 15452 (Пьянково).
40. КГИАХМЗ. Коллекции № 15452 (Пьянково).
41. Фехнер М.В. К вопросу об экономических связях древнерусской деревни / Очерки по истории русской деревни X—XIII вв. Труды ГИМ. Вып. 32. – М., 1956.
42. КГИАХМЗ. Коллекции № 15458 (Куликово), № 15466 (Исаево), № 15473 (Дренево).
43. КГИАХМЗ. Коллекции № 15474 (Елкотово), № 15470 (Семенково), № 15453 (Татариново).
44. Алексеев С.И. Ближняя и дальняя. Торговые связи Костромы в XII – XVII вв. / Губернский дом. 1999. № 5-6. – С. 5-7.
45. КГИАХМЗ. Коллекция № 15473 (Дренево).
46. КГИАХМЗ. Коллекция № 15452 (Пьянково).
47. Петрушко В.И. Митрополит Киевский и всея Руси Кирилл II и его деятельность по возрождению церковной жизни Руси после монгольского нашествия / Вестник ПСТГУ II: История. История Русской Православной Церкви. Вып. 5 (54). – ..., 2013. – С. 24.
48. «Сказание о явлении и чудесах чудотворной Феодоровской иконы Божией Матери». Конец XVII века. Государственный архив Костромской области. Ф. 558. Оп. 2. Д. 374. Лл. 30-31.
49. Костромская икона XIII-XIX веков: Свод русской иконописи/ Авт.-сост. Н.И. Комашко и С.С. Каткова. – М.: Гранд-Холдинг, 2004. – С. 494.
50. Сказание. Указ. соч. Ф. 558. Оп. 2. Д. 374. Л. 32.
51. Описание Костромского Крестовоздвиженского третьеклассного девичьего монастыря, составленное из подлинных монастырских бумаг в 1833 г. – М., 1835.
52. Писцовая книга. Указ. соч. – С. 286.
53. Писцовая книга. Указ. соч. – С. 279.
54. Летописный сборник, именуемый Тверской летописью / ПСРЛ. – СПб., 1863. – Стб. 486.
55. Троицкая летопись / ПСРЛ. Т. 1. – С. 235.

Костромские князья

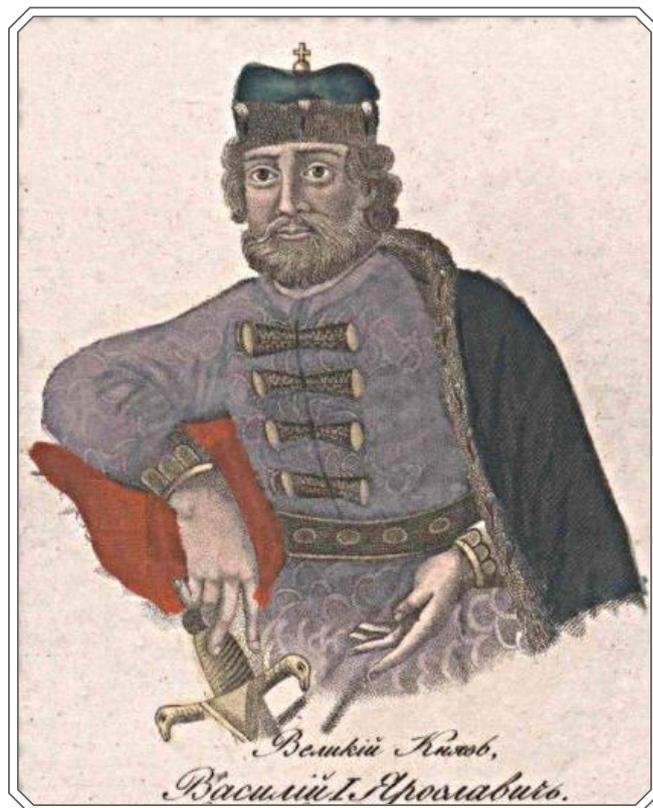
Конец XII – начало XIII вв., время великого княжения Всеволода Юрьевича Большое Гнездо, внесло важные изменения в социально-политическое устройство Владимирского княжества. Дотоле единая и неделимая Северо-Восточная Русь была разделена им на уделы, доставшиеся сыновьям великого князя. Как отмечал профессор Василий Осипович Ключевский, «Суздальская земля, распадавшаяся при детях Всеволода на 5 частей, при внуках его раздробилась на 12»¹.

Между великим князем и удельными князьями заключались договоры, обязательными пунктами которых были гарантии о независимости уделов и неприкосновенности их владений; о праве князей на полное распоряжение удельными землями и проживавшими на них людьми. «Тебе знать свою отчину, а мне свою» – такова обычная статья этих договоров. Важным пунктом договоров было условие не порывать удельным князьям связей с великим княжением. Таким образом, удельные князья пользовались полной самостоятельностью во внутреннем управлении своими княжествами.

Но удельный порядок имел и отрицательную сторону – взаимное разобщение удельных князей, вражда и междоусобные войны между ними за территории, неспособность их к единым и сплоченным политическим союзам перед внешним врагом.

Кострома стала центром самостоятельного удельного княжества в середине XIII века. В истории Костромы появился удельный князь, который много сделал для своего удельного города. Имя его достойно памяти костромичей. Это первый Костромской князь Василий Ярославич, упоминаемый в летописных источниках, как «Костромской» и «Мизинный». При

нем Кострома росла, крепла, побеждала в столкновениях с неприятелями. При нем явилась Феодоровская икона Божией Матери, ставшая на века святыней и покровительницей нашего древнего города. Он был не только первым Костромским князем, но и великим Владимирским. В основе жизнеописания Василия Костромского лежат подлинные документальные памятники – русские летописи, на страницах которых он неоднократно упоминается. Но многое о его деятельности мы узнаем из «Сказания о явлении и чудесах чудотворной Феодоровской иконы Божией Матери» –

Костромской князь Василий Ярославич.

церковно-литературного памятника, подлинник которого до наших дней не дошел. Хранившийся в главном соборном храме во имя Успения Пресвятой Богородицы, он мог погибнуть во время страшного костромского пожара 1773 года². Сказание состоит из нескольких частей, из которых самой интересной для нашего рассказа является вторая – «Слово о явлении и чудесах иконы в Костроме 15 августа и трех чудесах»: два – о пожарах церкви великомученика Феодора Стратилата и спасении иконы и одно – о победе костромичей над ордынским отрядом на Святом озере. Эти события тесно связаны с князем Василием Костромским.

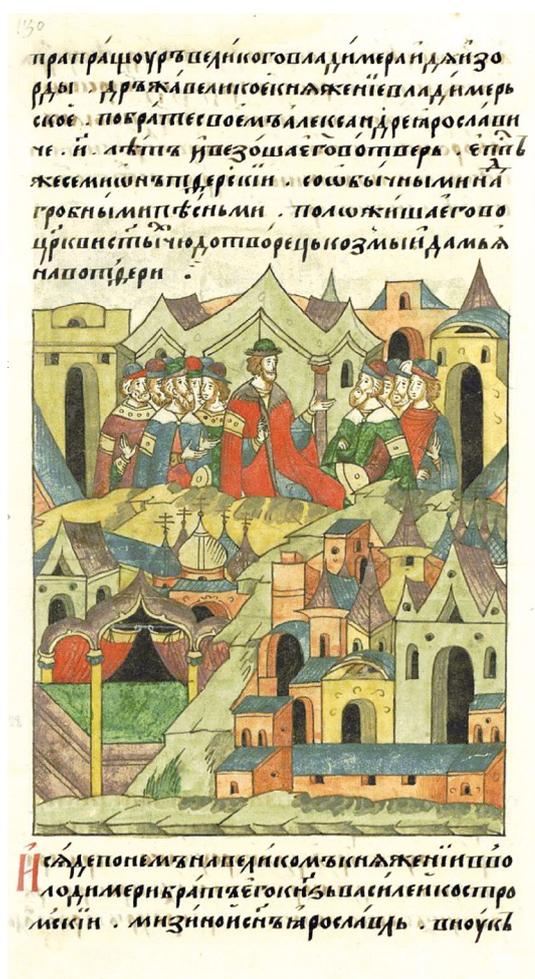
В 1272 году в стольном граде Владимире, в Успенском соборе, состоялось торжественное

посаждение на великокняжеский стол Костромского князя Василия Ярославича³. Не силой оружия и не через интригу пришел он к власти, а «по старине», то есть по сложившейся системе престолонаследования, как следующий по старшинству брат умершего великого князя Ярослава Ярославича.

Но не старшим среди младших братьев остался Василий Ярославич в своем роду, а единственным живым среди умерших к тому времени его девяти братьев – сыновей великого Владимирского князя Ярослава Всеволодовича. Еще за восемь лет до рождения Василия умер его старший брат Федор в Твери, накануне своей свадьбы⁴. В 1241 году не стало Михаила Хоробрита, владевшего Московским

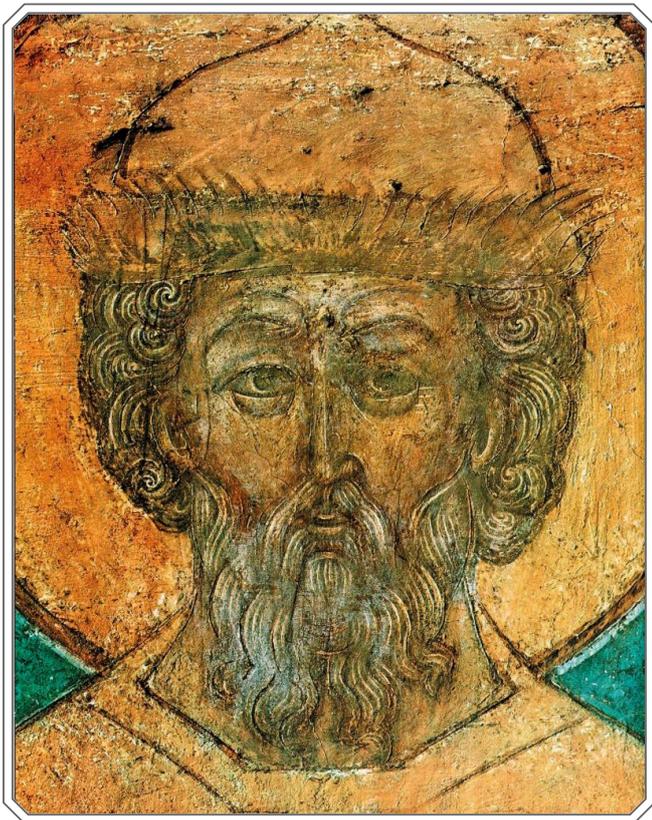

Лист из «Сказания о явлении и чудесах чудотворной Феодоровской иконы Божией Матери».

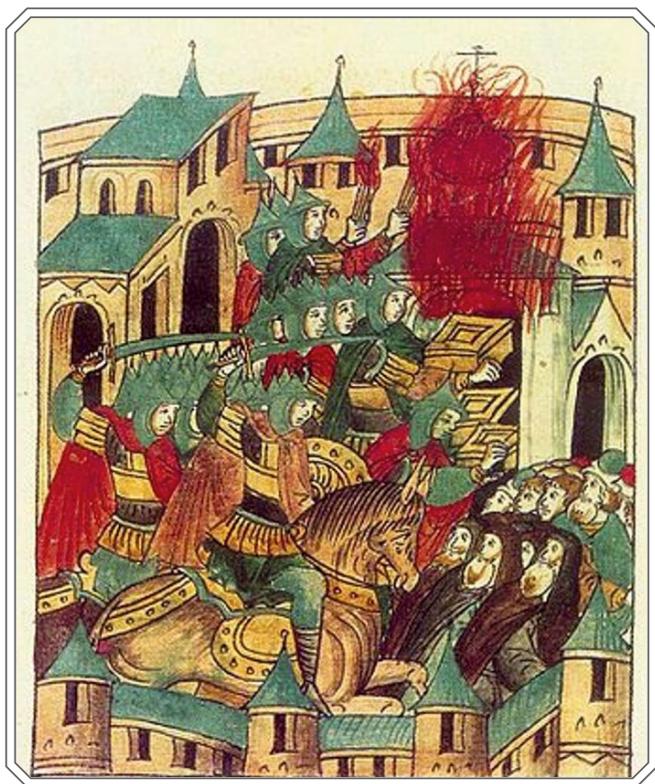

Посаждение князя Василия Костромского на Владимирский великокняжеский престол. Миниатюра Лицевого летописного свода XVI века.

Великий Владимирский князь Ярослав Всеволодович. Стенопись Архангельского собора Московского Кремля.

Поход хана Бату на Русь. Древнерусская миниатюра.

уделом; в 1255 году – Константина, основателя первой княжеской династии в соседнем с Костромой Галиче⁵. В 1263 году в церкви Рождества Богородицы во Владимирском Рождественском монастыре был погребен второй по старшинству брат Василия Ярославича – прославленный Александр Невский, великий князь Владимирский⁶. Десять сыновей было в семье их родителя Ярослава, который, как и его отец Всеволод, по праву мог получить прозвище «Большое Гнездо».

Родился Василий зимой 1241 года: «Родися Ярославу сын и наречен бысть в святом крещении Василий»⁷. Появился он на свет Божий через год после сестры Марии и был прозван в семье и в летописях «Мизинным».

В страшное лихолетье довелось ему родиться. Трудное для Руси это было время. Не прошло и трех лет, как войска хана Бату «плениша все по Волзе, доже и до Галича Мерьскаго», разорили русские земли, села и деревни, взяли Владимир, Киев и другие города, а теперь собрались походом в Европу до «последнего моря». На северо-западе, воспользовавшись опустошенностью Руси, начали свои набеги шведские и немецкие рыцари.

Но, как говорится, беда за бедой ходит. К общему горю прибавились несчастья семейные. В три года, когда совершался над княжичем, по обычаям княжеской семьи, древний обряд пострига – посвящения в воины, Василий лишился матери Феодосии Мстиславовны. В 1246 году, в Монголии, «преставися в Татарех нужною смертью» (был отравлен) отец Ярослав Всеволодович⁸. Пятилетний Василий остается без отца и матери, но с многочисленными братьями, которые, вероятно, и заменили ему родителей. Разница в годах со старшим братом Александром Невским была значительной – 20 лет, он годился Василию в отцы, был женат и имел уже сына, тоже названного Василием.

По традиции, с пятилетнего возраста начиналось обучение княжичей. Изучали латинский, греческий языки, могли читать византийские хроники, русские летописи. Просвещение своих детей заботило северо-восточных князей. Они имели богатые собрания книг. Известно, что дядя Ярославичей – князь Ростовский

Константин Всеволодович, прозванный Мудрым, владел большой коллекцией рукописей и книг, более тысячи.

Большое внимание уделялось и воинской подготовке княжичей. Под руководством опытных дружинников они постигали ратное дело – умение действовать копьем, владеть мечом, метко стрелять из лука. Думается, что семейные невзгоды не помешали князю Василию овладеть грамотой, стать воином, достойным своих могущественных предков: прапрадеда Владимира Мономаха – победителя половцев; деда Всеволода Большое Гнездо, успешно сражавшегося с булгарами, да и отца своего, князя Ярослава – политика воинственного и умного. Ведь принадлежал Василий к славному Рюриковому роду великих князей Киевских, среди которых в истории прославились Владимир Красно Солнышко, Ярослав Мудрый, Владимир Мономах, Юрий Долгорукий и многие другие.

Время книжного и воинского обучения совпало у князя Василия с важным событием. В 1247 году севший на великокняжеский престол Святослав Всеволодович выполнил волю своего брата – разделил великое княжество Владимирское на уделы между Ярославичами⁹.

По завещанию отца, самому младшему Василию досталась Кострома – город на северо-восточных границах великого Владимирского княжества. Несмотря на удаленность от Владимира и расположение в поволжских лесах, город не затерялся: слишком важным в стратегическом и экономическом отношении был этот район. Кострома связывала столичный град с Галичем и далее с русским Севером, богатыми мехами и солью.

Впервые Кострома стала центром самостоятельного удела. Основанный во II половине XII века город быстро вырос в значительный торгово-ремесленный центр. Несмотря на молодость, на его долю уже выпали серьезные

Явление князю Василию чудотворной Феодоровской иконы Божией Матери. Клеймо иконы XVII века.

Костромская рать во главе с князем Василием против ордынского отряда. Клеймо иконы XVII века.

испытания: в 1213 году он был сожжен Ростовским князем Константином Всеволодовичем в борьбе с братьями Юрием и Ярославом за великокняжеский стол¹⁰; в феврале 1238 года Кострому постигла участь многих русских городов. Симеоновская летопись называет Кострому в числе 14-ти городов, разгромленных отрядами хана Бату¹¹.

Важную роль в восстановлении, укреплении Костромы после этих трагических событий сыграл отец Василия – Ярослав Всеволодович, ставший великим князем Владимирским в 1238 году. Видимо, в это время в Костроме была построена первая деревянная крепость при впадении в Волгу рек Костромы и Сулы. Детинец имел естественные рубежи обороны в виде крутых склонов коренного берега. Со стороны Волги и Сулы был сооружен ров, шириной до 18 м и глубиной до 4 м, с внутренней стороны укрепленный линией частокола. Площадь крепости доходила, по расчетам археологов, до гектара¹². В центре крепости,

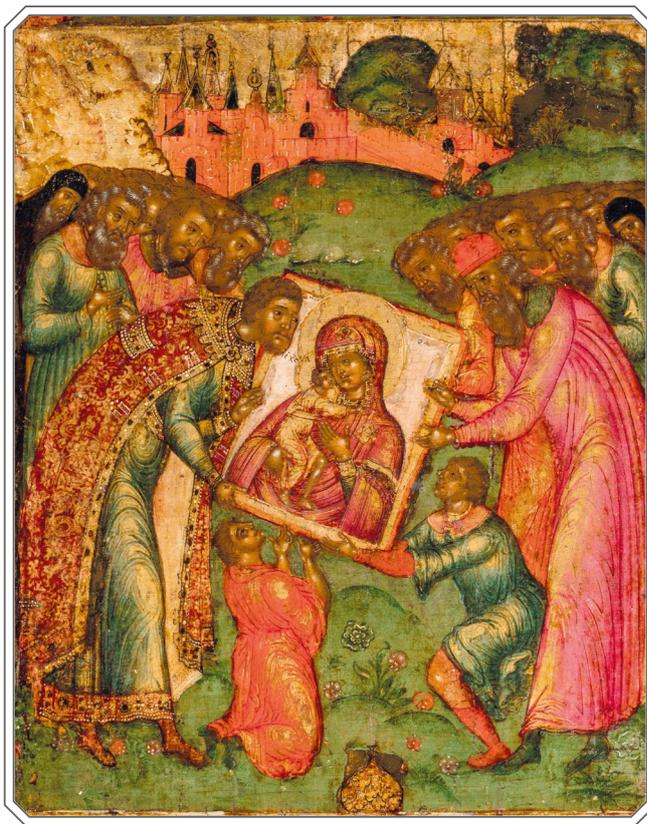
как обычно, располагались княжеский двор и соборная церковь. В Костроме древнейшим соборным храмом была церковь во имя великомученика Феодора Стратилата, который был небесным покровителем князя Ярослава Всеволодовича, при рождении 8 февраля 1191 года, получившего крестильное имя Феодор.

Таким достался город шестилетнему князю Василию. Но должно было пройти еще не менее 7-8 лет, прежде чем он смог стать достойным правителем своего удела. В малолетство князя традиционно помогали ему княжить наместники великого Владимирского князя, а им с 1252 по 1263 год был старший брат Василия Александр Невский.

В ту пору не признавали долгого взросления: отрок в 13 лет считался совершеннолетним, мог участвовать в походах, битвах, обращаться с боевым оружием. Отрочество княжича Василия пришлось на суровые условия. На Руси в то время было много возможностей приложить свои ратные знания и навыки. Не единож-

**Сражение на Святом озере.
Клеймо иконы XVII века.**

**Обретение чудотворного образа после первого
пожара. Клеймо иконы XVII века.**

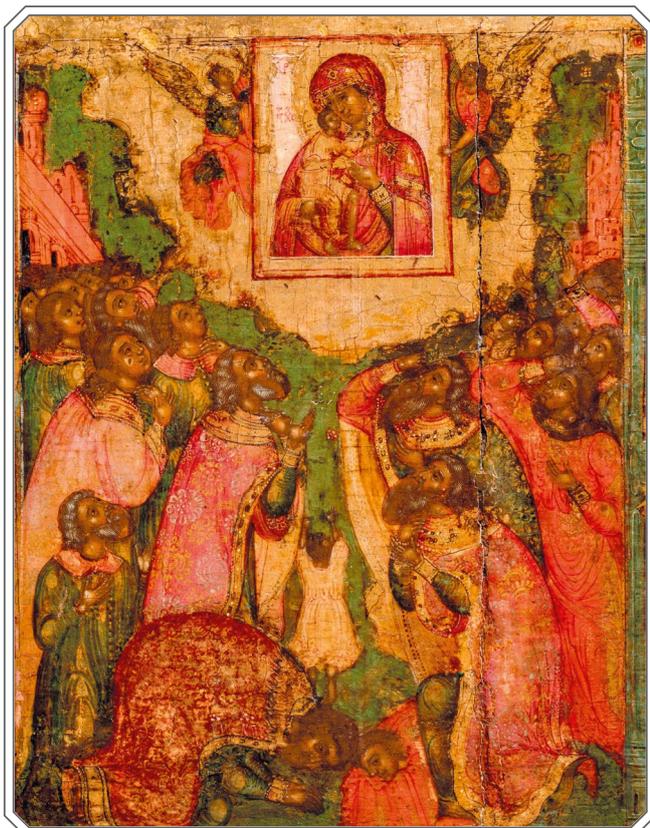

ды опустошали ордынцы Северо-Восточную Русь. «Татарове же разсунушася по земли [...] и людий без числа поведоша, до конь и скота, и много зла створише отъидоша», – говорится в летописях о походе Неврюя 1251 года.

Именно к этому времени, к самой середине 1250-х годов, относятся в Костроме события, духовную важность которых мы оцениваем до сегодняшних дней – юный Костромской князь Василий удостоился явления чудотворной Феодоровской иконы Божией Матери. Согласно Сказанию, 16 августа (ст.ст.), в день празднования Нерукотворного Спаса, поехал князь Василий в чашу на реку Запруденку поохотиться «со псы ловчими веселитися». На одном из деревьев он увидел икону, которая на все его старания в руки не далась. Князь вернулся к месту явления образа со священным собором, и икона, давшись в священнические руки, была принесена в первый соборный храм великомученика Феодора Стратилата. На месте явления иконы, по повелению Василия Ярославича,

был сооружен деревянный храм и основан монастырь во имя Нерукотворного образа Спасителя (ныне действующая церковь Спаса Нерукотворного на Запрудне): «Великий князь повеле на том месте, идеже обреете сию чудотворную икону, на реце глаголемей Запрудня церковь воздвигнути во имя Нерукотворенного образа Господа Бога и Спаса нашего Иисуса Христа и монастырь устроити, но сей первоначальный монастырь на Костроме граде»¹³. Так чудотворный образ стал пребывать и покровительствовать Костроме.

Вскоре в 1257 году «тое же зимы бысть число, и изочтоша всю землю Русьскую». Приход численников на Русь для поголовной переписи населения вызвал в начале 60-х годов XIII века во многих городах народные волнения: «Избави Бог от лютаго томленья бесрьменскаго люди Ростовския земля молитвами святыя Богородица, и вложи ярость христианом во сердце, не можаху бо уже трепети насилия поганых и созвонивше вече, а выгнаша их из

Обретение чудотворного образа после второго пожара. Клеймо иконы XVII века.

Совет князя Василия с боярами о строительстве каменного храма. Клеймо иконы XVII века.

градов: из Ростова, из Володимери, из Суждалья, из Ярославля, из Переяславля»¹⁴.

И хотя летописцы в списке восставших городов Кострому не называют, именно к этому времени Сказание относит битву костромичей с ордынским отрядом на Святом озере. Борьбу костромичей против ордынского отряда, шедшего от Ярославля с полоном, возглавил князь Василий Ярославич. Он созвал вече, выбрал место для битвы, повел костромичей в атаку. «Сказание о явлении и чудесах чудотворной Феодоровской иконы Божией Матери» сохранило полный рассказ об этих событиях: «И придоша проклятия агаряне от Ярославля града Волгою рекою на Кострому град [...]. Придоша близ града Костромы и стаха между двумя реками Волгою и Костромою в мысу [...]. Князь же повеле собрати все свое воинство противу безбожных агарян. Князь Василий восприят с собою сию чудотворную икону и повеле ю нести честно. И отъидоша от града яко два поприща [...]. И стаха у некоего езера и якоже быста полки близ между собою и оружие свое извлекоша грешницы и напрягоша лук свой еже состреляти и заклати смиренныя и правыя сердцем, малое христианское воинство».

Согласно Сказанию, помощь костромичам в победе оказала Богородица через свою чудотворную Феодоровскую икону, в решающий момент битвы ослепившая своими яркими лучами врагов: «И внезапно от чудотворного образа Пресвятой Богородицы возсияша божественныя и пресветлыя лучи, паче солнечных луч и яко огонь поपालяющи и нападающа на них и пожигая татарския полки [...] и мнози от них ослепоша. И нападоша на них россиястии полцы и побиша их многое множество [...], пленников же российских всех отполониша [...]. И чудотворный ея образ повеле нести пред собою с честью. И бысть велика радость во граде Костроме о победе еже над безбожными татарами. На месте же том, идеже стояше с чудотворным образом противу татар, поставиша крест и прослы то место святое»¹⁵. Костромской князь Василий проявил себя опытным стратегом, храбрым воином. Было ему в ту пору чуть за 20-ть.

По указу князя Василия, дважды перестраивалась после пожаров и соборная церковь великомученика Феодора Стратилата, построенная ещё его отцом.

После первого случившегося пожара «ничего не осталось церковной утвари. И многу печаль и скорбь о чудотворном образе. И обретоша сей чудотворный образ в пепеле в третий день цел, ничимже неврежден и не прикоснуса ему огонь. Повеле же на том погоревшем месте воздвигнути новую Соборную церковь во имя святого великомученика Феодора Стратилата. Чудотворный же образ Пресвятой Богородицы повеле украсить златом и серебром и камением драгим и бисером многоцветным и кивот устроити». Второй пожар произошел после победы костромичей на Святом озере и помощи им чудотворной иконы: «Погореле соборная церковь святого Феодора Стратилата. Люди градские збегошася на пожар. Внезапу зрит князь Василий страшное и неизреченное чудо: образ Пресвятой Богородицы на воздухе превознесен над пламенем и невидим ким держим бысть. И вси людие видевшее на воздухе образ над пламенем стоящ. И вси людие возопиша из глубины сердца своего: «Не остави нас, Владычице, крепкая помощница наша, и града нашего без помощи и без твоего пресвятого покрова и заступления, без твоя святая помощи». И виде Пресвятая Владычица неутешительный плач и к себе непрестанное воззвание сниде с воздуха на землю. Великий князь Василий повеле вскоре малу церковь древяну воздвигнути на погоревшем месте, яко да поставится в ней сия чудотворная икона»¹⁶.

Чтобы уберечь и сохранить Великую Заступницу костромичей, князь Василий Ярославич, как утверждается в древнем тексте Сказания, «совет сотвори с боляры своими и со князи и со всем народом, яко да воздвигнется церковь каменная соборная»¹⁷. Она вознеслась на высоком берегу реки Волги к востоку от первой костромской крепости, и Костромской князь лично перенес в новый собор Феодоровскую икону Божией Матери. Уникальной особенностью храма стала ориентировка его алтаря не

на восток, а на север – в сторону реки Запрудни, где явился Василию чудотворный образ.

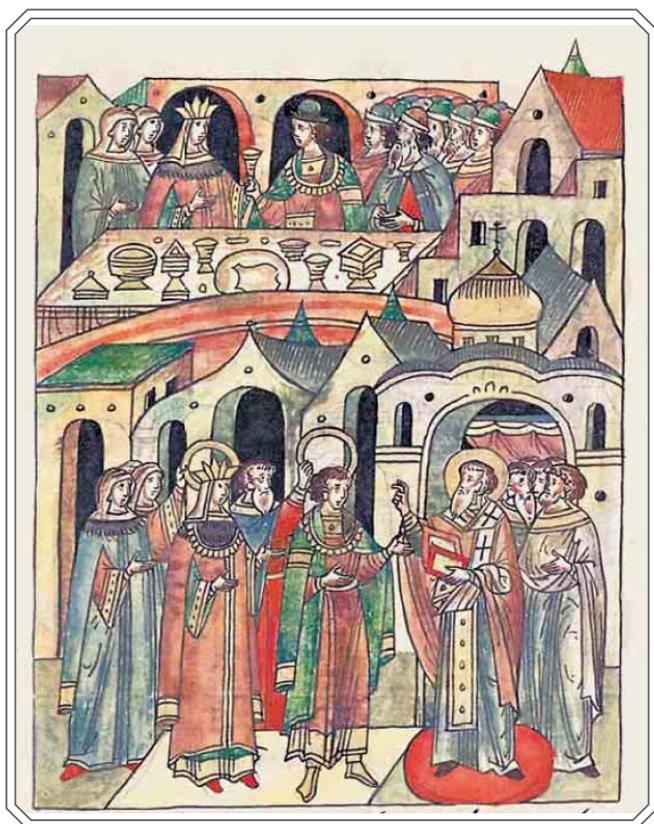
В 1265 году, 24-летним юношей, Василий женится на дочери литовского князя Витовта. Епископ Ростовский Игнатий венчал молодых в древней соборной церкви святого Феодора Стратилата и благословлял на брак, вероятно, новой Феодоровской иконой: «И бысть радость велика на Костроме»¹⁸.

В начале 70-х годов XIII века князь Василий Костромской начинает играть важную роль в политических делах Руси. Ему удалось предотвратить ордынский поход на Новгород Великий. Дело в том, что в это время обострился конфликт между новгородцами и старшим братом Василия, Владимирским великим князем Ярославом Ярославичем: «Бысть мятеж в Новгороде, начаша изгоняти князя Ярослава из города [...], много вины его». Великий князь не собирался сдавать свои позиции: «Нача полкы копити на Великий Новгород, и бе посла

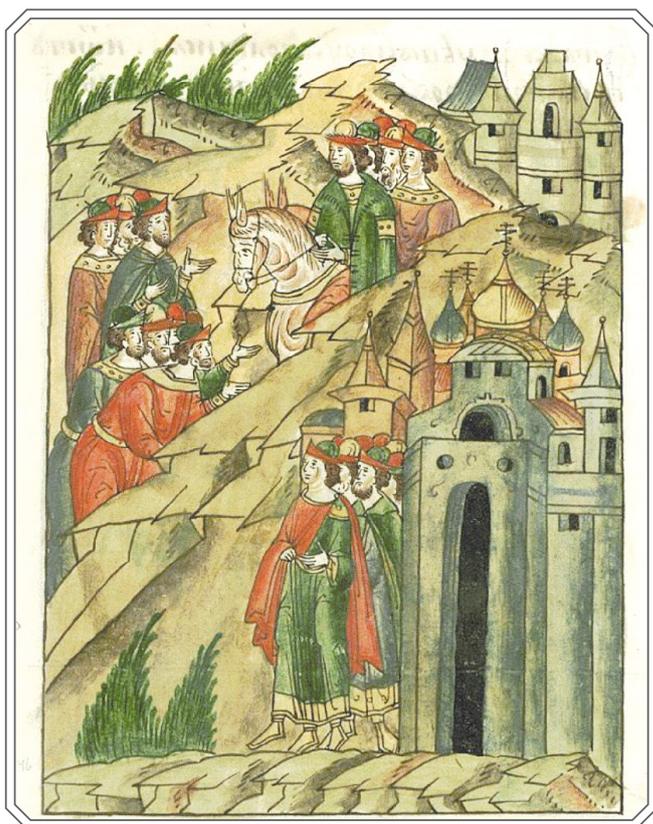
ко царю в орду Ратибора, просяще помощи», клеветнически обвинив новгородцев в отказе платить дань Золотой Орде.

Узнав об этом, Василий Костромской, предупредил новгородцев об опасности, и «пойде ко царю в орду [...] и возврати рать Татарскую, рече тако цареви: «Новгородци пред Ярославом прави». В объяснение поступка князя Василия, выступившего против действий старшего брата и в защиту от ордынского погрома Великого Новгорода, летописец записал его слова: «Жаль ми своя отчины»¹⁹. Здесь, в новгородской земле, в Юрьевом монастыре были погребены мать его Феодосия Мстиславовна и брат Феодор.

Благодаря действиям Василия Костромского и вмешательству митрополита Киевского и всея Руси Кирилла, был достигнут мир, но с большими ограничениями в правах и привилегиях князя.

**Свадебное венчание князя Василия.
Миниатюра Лицевого летописного
свода XVI века.**

**Утверждение великого князя Василия в
Новгороде Великом. Миниатюра Лицевого
летописного свода XVI века.**

Сразу после этих событий и смерти брата Ярослава в 1272 году Костромской князь Василий Ярославич становится великим Владимирским князем, а через год, после вооруженной борьбы со своим племянником Дмитрием Александровичем, он утверждается в Новгороде Великом²⁰.

В начале 1275 года великий князь Василий Ярославич отправился в Орду, везя с собой «дань урочную со всея земли по полугривне с сохи, а в сохе числиша два мужи работники, и дары многи, и выход особ». Но ясак показался хану мал, и он «повеле послати новых численники во всю землю Русскую с великими грады, да не утаят люди»²¹. Пока Владимирский князь Василий был в Орде, «бысть на Руси и в Новгороде число второе из Орды от царя и изочтоша вся»²². Очередная ордынская перепись принесла Руси новые беды: «Много зла створиша Татарове христианом»²³.

Летописи восхваляют Василия Ярославича как князя, имевшего любовь к церквям и духовенству. При нем во Владимире в 1274 году митрополитом Киевским и всея Руси Кириллом был созван церковный собор, посвященный вопросам укрепления христианской веры и борьбы с языческими обрядами и верованиями.

В годы своего великокняжения Василий Ярославич вынужден был придерживаться политики лавирования, основы которой были заложены еще его братом Александром Ярославичем Невским.

Весной 1276 года Василий Ярославич возвратился из Орды во Владимир, а в конце 1276 – начале 1277 года он умер. Похоронен был в своем удельном городе Костроме, в соборной церкви во имя великомученика Феодора Стратилата, под Царскими вратами левого Симеоновского придела²⁴: «Тое же зимы преставися князь Василий Мизиный, сын Ярославль, внук Всеволода великого, жив от рожения своего лет 40, а княжение дръжа великое 5 лет; положено же бысть тело его на Костроме в церкви святого Феодора»²⁵. Пять лет княжил на Владимирском престоле Василий Ярославич, сохраняя за собой и Кострому. Он оставался Костромским князем, приезжал сюда, заботился о столице своего удела. Кострома при нем росла, здесь развивались кузнечное, гончарное, косторезное, ювелирное и другие ремесла и

промыслы, складывались торговые связи Костромы с другими землями и городами.

Часто можно услышать или прочитать, что приписывают Василию Ярославичу прозвище «Квашня». От кого это пошло, неизвестно. Ни в одной из дошедших до нас летописей нет у Костромского князя такого прозвища. Документы называют его «Мизинным» или «Костромским», но не «Квашней». Да и как может быть вялым, неповоротливым человеком, разиней, что и означает в переносном смысле прозвище «Квашня», князь, который и в походах ратных бывал, и сражения выигрывал, и чудотворный образ подарил костромичам на вечные времена.

Василий Костромской, последний великий Владимирский князь из большой когорты братьев Ярославичей, умер, не оставив после себя наследников. После него в 1277 году великокняжеский стол перешел к новому поколению князей – племянников Василия Ярославича. Костромское княжество перестало существовать и вошло в состав земель великого Владимирского княжения.

Были ли в Костроме после Василия Ярославича удельные князья? Летописи отвечают на этот вопрос положительно. Но это были очень кратковременные периоды, когда великий Владимирский князь сажал в Кострому одного из своих сыновей. Например, под 1293 годом в Троицкой летописи имеется запись: «Сиде на Костроме князь Иван Дмитриевич»²⁶. Что за князь это был и как он проявил себя в истории Костромы? О нем в летописных источниках сохранилось немного сведений. Иван Дмитриевич был сыном великого Владимирского князя Дмитрия Александровича, внуком Александра Невского. Первому Костромскому князю Василию Ярославичу он приходился внучатым племянником. Князь Иван имел прозвище «Большой», в отличие от младшего брата Ивана «Меньшого», родившегося и умершего в один 1290 год. Считается, что родился Иван Дмитриевич около 1268 года, был удельным Переяславским князем, когда его отец занимал Владимирский и Новгородский столы.

В конце длительного междоусобия великого князя Дмитрия Александровича с родным братом Андреем, князем Городецким, рвущимся к власти с помощью ордынцев и в 1293 году севшим на Владимирский престол, Дмитрий

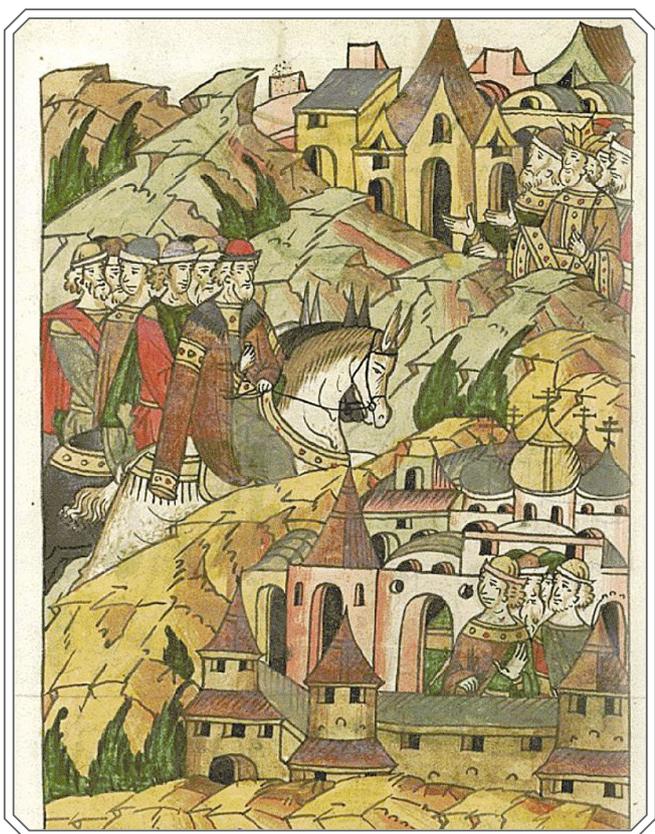

Александрович скончался, а Иван Дмитриевич потерял удельный Переяславль Залесский. Взамен ему дана была Кострома. Но костромское княжение его продолжалось недолго, уже в 1294 году он возвратился на свою отчину – в родной Переяславль. Кратковременное княжение Ивана Дмитриевича в Костроме почти не отразилось на истории нашего города, тем более что он так же, как и первый Костромской князь Василий Ярославич, не оставил после себя потомства. Но в костромскую историю Иван Дмитриевич вошел как второй удельный князь.

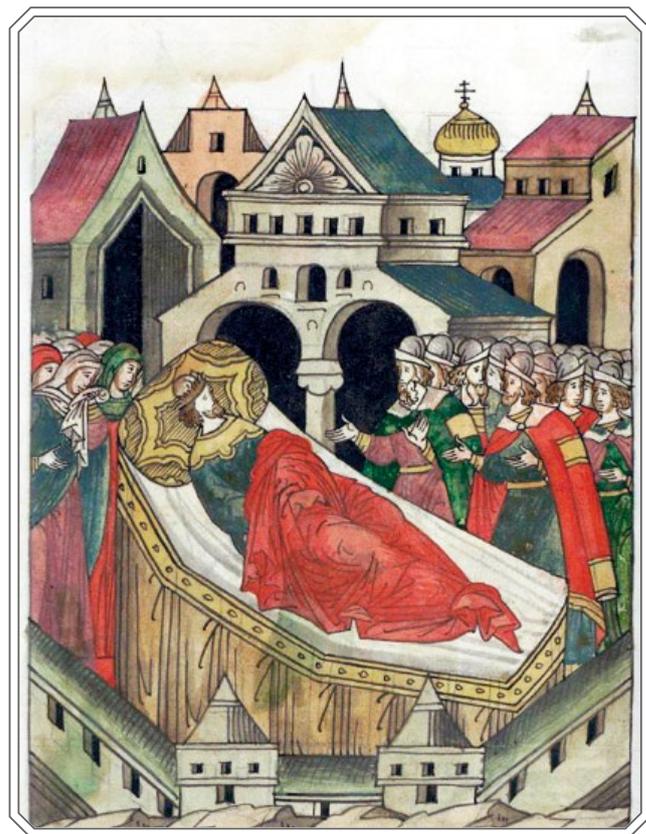
И опять после него Костромские земли оказались во Владимирском княжении и в распоряжении великого князя. О третьем, последнем Костромском князе Борисе Андреевиче мы имеем из летописей еще меньше сведений. Младший сын великого Владимирского князя Андрея Александровича Городецкого, внук Александра Невского, был отроком, на долю которого за 8-9 лет жизни выпало побывать князем Новгородским, а затем Костромским.

Родился он около 1294 года; будучи ребенком, в пятилетнем возрасте был отведен в Новгород, где участвовал в церемонии введения на владычный двор вновь избранного архиепископом Благовещенского игумена Феоктиста²⁷. О Костромском княжении свидетельствует нам только место и дата кончины Бориса Андреевича под 1303 годом: «Тое же зимы месяца Февраля в 25 в понедельник, преставися Борис Андреевич на Костроме»²⁸. Считается, что указанные в летописях места кончины князей, означали, как правило, места их княжения²⁹.

В XIII столетии княжеская династия в Костроме, к сожалению, не сложилась. Позже, в XIV веке, великие Владимирские князья уже не предпринимали попыток выделения нашего города своим наследникам сыновьям, возможно, не желая упускать Кострому из своих рук. Расположенный в поволжских лесах, на северо-восточных границах великокняжеских земель, город был значим в экономическом и стратегическом отношении. Через Кострому проходила водная дорога на Галич и далее

**Великий князь Василий едет в Орду.
Миниатюра Лицевого летописного
свода XVI века.**

**Кончина князя Бориса Андреевича в Костроме.
Миниатюра Лицевого летописного
свода XVI века.**

на русский север, богатый мехами и солью. Прямой Волжский путь соединял Кострому с Ярославлем, Тверью и Нижним Новгородом – центрами самостоятельных от Владимира княжеств. Кострома являлась пограничной крепостью, местом возможного сокрытия от врагов. Надо отметить, что традиция держания за собой Костромы как стратегического пункта продолжилась и при Московских великих князьях. Запись в Никоновской летописи, относившаяся ко времени междоусобия двух князей – Тверского Михаила Ярославича и Московского Юрия Даниловича – подтверждает это: «Строгоша тогда на Костроме великого князя Юрья Даниловича Московскаго, но он проиде иным путем ко царю в Орду»³⁰. Не случайно противники стерегли Московского князя у нашего города: удобное расположение его на изгибе Волги при впадении в нее реки Костромы позволяло контролировать проходившие по рекам суда. Позже в Костроме нашли укрытие от нашествия ордынских ханов великие Московские князья: Дмитрий Донской – от Тохтамыша в 1382 году; сын его Василий – от Едигея в 1408 году.

В 60-е годы XIV века, когда обозначился политический упадок Орды, а процесс консолидации территорий на русском Северо-Востоке взял верх, внук Ивана Даниловича Калиты, Московский князь Дмитрий Иванович (будущий Донской) «всех князей русских привожаще под свою волю, а которые не повиновахуся воле его, а на тех нача посегати»³¹. При нем произошло слияние территорий великого княжества Владимирского и удельного княжества Московских князей. С 1375 года ордынские ханы перестали выдавать ярлыки на великое Владимирское княжение князьям немосковского дома³².

Кострома как город, входивший в состав Владимирской великокняжеской территории, стала частью этого нового образования, а по существу, частью территориального ядра будущего Московского государства. С этого времени судьба Костромы тесно связывается с Москвой, постепенно утвердившей за собой

роль и значение территориального и национального центра формировавшегося Русского государства.

Примечания

1. Ключевский В.О. Курс русской истории. Часть 1. Лекция XXI.
2. В настоящее время в Государственном архиве Костромской области сохраняются списки Сказания конца XVII-XVIII вв.
3. Летопись по Воскресенскому списку / Полное собрание русских летописей, изданное по высочайшему повелению Археографической Комиссией. Т. 7. – СПб., 1856. – С. 171 (далее – ПСРЛ).
4. Троицкая летопись / ПСРЛ. Т. 1. – СПб., 1846. – С. 220.
5. Лаврентьевская летопись / ПСРЛ. Т. 1. – СПб., 1846. – С. 203.
6. Лаврентьевская летопись / ПСРЛ. Т. 1. – С. 204.
7. Троицкая летопись / ПСРЛ. Т. 1. – С. 225.
8. Троицкая летопись / ПСРЛ. Т. 1. – С. 226.
9. Лаврентьевская летопись / ПСРЛ. Т. 1. – С. 201.
10. Летопись по Воскресенскому списку / ПСРЛ. Т. 7. – С. 119.
11. Симеоновская летопись / ПСРЛ. Т. 18. – СПб., 1913. – С. 57.
12. Алексеев С.И. Древняя Кострома (становление города) / Становление и ранний этап истории города Костромы. Материалы к региональной программе по истории Костромского края. – Кострома, 1998. – С. 25.
13. «Сказание о явлении и чудесах чудотворной Феодоровской иконы Божией Матери» / Государственный архив Костромской области (далее – ГАКО). Ф. 558. Оп. 2. Д. 374.
14. Летопись по Воскресенскому списку / ПСРЛ. Т. 7. – С. 162-163.
15. «Сказание о явлении и чудесах чудотворной Феодоровской иконы Божией Матери» / ГАКО. Ф. 558. Оп. 2. Д. 374.
16. «Сказание». Указ. соч. / ГАКО. Ф. 558. Оп. 2. Д. 374.
17. Указ. соч. / ГАКО. Ф. 558. Оп. 2. Д. 374. Ф. 558. Оп. 2. Д. 374. Л. 32.
18. Симеоновская летопись / ПСРЛ. Т. 18. – С. 72.
19. Летопись по Воскресенскому списку / ПСРЛ. Т. 7. – С. 169-170.
20. Летописный сборник, именуемый Патриаршею или Никоновскою летописью / ПСРЛ. Т. 10. – СПб., 1885. – С. 151 (далее – Никоновская летопись).
21. Татищев В.Н. История Российская. Т.V. – М.-Л., 1965. – С. 51.
22. Никоновская летопись / ПСРЛ. Т. 10. – С. 152.
23. Летопись по Воскресенскому списку / ПСРЛ. Т. 7. – С. 172.
24. Костромские святыни. Изд. второе. – Кострома, 2004. – С. 149.
25. Летопись по Воскресенскому списку / ПСРЛ. Т. 7. – С. 173.
26. Троицкая летопись / ПСРЛ. Т. 1. – С. 228.
27. Новгородские летописи / ПСРЛ. – СПб., 1841. – С. 67.
28. Симеоновская летопись / ПСРЛ. Т. 18. – С. 85.
29. Пресняков А.Е. Образование Великорусского государства. Пг., 1918. – С.77, примеч.1.
30. Никоновская летопись / ПСРЛ. Т. 10. С. – 175.
31. Никоновская летопись / ПСРЛ. Т. 11. – СПб., 1897. – С. 8.
32. Кучкин В.А. Формирование государственной территории Северо-Восточной Руси в X-XIV вв. – М.: Наука, 1984. – С. 141.

ВЕЛИКІЕ И УДѢЛЬНЫЕ КНЯЗЬЯ

СѢВЕРНОЙ РУСИ

ВЪ ТАТАРСКІЙ ПЕРІОДЪ,

съ 1238 по 1505 г.

БИОГРАФИЧЕСКІЕ ОЧЕРКИ
ПО ПЕРВОИСТОЧНИКАМЪ И ГЛАВНѢЙШИМЪ ПОСОБИЯМЪ

А. В. Экземплярскаго.*

УДѢЛЬНОЕ КНЯЖЕСТВО КОСТРОМСКОЕ.

<...> О времени основанія г. Костромы лѣтописныхъ извѣстій не сохранилось, а наши историки не дѣлали попытокъ рѣшить этотъ вопросъ хотя приблизительно. Нѣкоторые, впрочемъ, какъ Татищевъ, готовы приписывать основаніе его Юрію Долгорукому (въ 1152 г.), какъ кажется, только на томъ основаніи, что этотъ князь, дѣйствительно, былъ основателемъ, сравнительно, многихъ городовъ сѣверо-восточной Руси. Что Кострома существовала уже въ XII в., въ этомъ нѣтъ никакого сомнѣнія, такъ какъ она въ лѣтописяхъ начинаетъ упоминаться съ 1214 г., какъ значительный городъ, на который обращается мечь Константина ростовскаго въ борьбѣ

* Андрей Васильевичъ Экземплярский (1846-1900 гг.) – русский историк-медиевист, автор исследования «Великие и удельные князья Северной Руси в татарский период, с 1238 по 1505 г. (СПб., 1891).

его за великокняжескій столъ съ роднымъ братомъ (младшимъ), в. кн. владимірскимъ Юріемъ. Такъ, напримѣръ, лѣтописецъ Переяславля суздальскаго говоритъ: «Того же лѣта (6722 г.) паки зача Константинъ рать, отыять у Гюрга Соль Великую, а Кострому пожже, а у Ярослава отыя Нерохтъ»⁷⁰²).

Самое названіе Костромы толкуютъ различно. Кн. Козловскій, мѣстный землевладѣлецъ, въ своей исторіи г. Костромы, говоритъ, что всего вѣроятнѣе наименованіе Костромы произвествъ отъ города Костра⁷⁰³), бывшаго въ Ливоніи, недалеко отъ Юрьева (Дерптъ), или замка Кострума, гдѣ въ послѣдствіи построенъ Ревель; затѣмъ онъ указываетъ на «молву старожилловъ», будто р. Кострома получила свое названіе отъ заготовляемаго зимою на берегахъ ея, въ Солигалицкомъ и Костромскомъ уѣздахъ, величайшими кострами лѣса, сплавляемаго весною въ Кострому; кромѣ того, и передъ самымъ городомъ лѣвые берега Волги и Костромы заваливаются огромными кострами бревенъ⁷⁰⁴). Вновь появившійся историкъ гор. Костромы, г. Миловидовъ, склоненъ думать, что названіе Костромы происходитъ отъ извѣстнаго мифическаго божка, имя котораго сходно съ словомъ Кострома⁷⁰⁵).

Такимъ образомъ, вопросъ о происхожденіи названія города остается и, кажется, долго долженъ оставаться въ области бесплодныхъ предположеній и фантазій. Будемъ пока довольствоваться и тѣми извѣстіями, которыя, не говоря о его происхожденіи и времени основанія, указываютъ на то, что въ XII в. онъ уже существовалъ. <...>

<...> Кострома становится удѣльнымъ княжествомъ съ половины XIII в. Первымъ удѣльнымъ княземъ костромскимъ былъ *мезинный* или *мизинный*, т. е. самый младшій изъ сыновей Ярослава Всеволодовича, Василий, бывший четыре года и великимъ княземъ владимірскимъ (1272—1276 г.).

Въ лѣтописяхъ не говорится, когда именно Василий Ярославичъ получилъ Кострому; но — надобно полагать — не раньше 1246 г., т. е. года смерти Ярослава Всеволодовича, когда Василью былъ шестой годъ отъ рожденія.

Впрочемъ, есть сказанія, по которымъ въ Костромѣ еще до Василія былъ князь. По этимъ сказаніямъ, передаваемымъ, между прочимъ, Щека-

702) Геогр. словарь Щекатова, III, 772; *Временн. Имп. общ. ист. и древн. рос. кн.* IX, отд. II; П. С. Р. Л. VII, 119; XV, 312. Сознаемся, что «Лѣтописца Переяславля суздальскаго» мы опустили изъ виду, когда говорили о составѣ Переяславскаго княжества (см. выше, стр. 3—4); въ противномъ случаѣ мы не стали бы такъ говорить о Нерехтѣ.

703) и 704) Кн. Козловскій: «Взглядъ на исторію Костромы». М. 1840. То же самое въ ст. «О происхожденіи г. Костромы и его названіи», въ *Костромскихъ губернс. вѣдом.* 1855 года, № 22. — Костеръ — городъ на Эмбахѣ. См. т. I, стр. 237.

705) И. Миловидовъ: «Очерки исторіи Костромы съ древн. временъ до царствованія Мих. Феод.». Кострома 1885 г.; въ 1886 г. вышло другое изданіе. Очерки эти первоначально печатались въ *Костр. губ. вѣд.*

товымъ ⁷⁰⁹), кажется, со словъ мѣстныхъ позднѣйшихъ лѣтописцевъ, по уходѣ татаръ Ростовско-Суздальская земля была раздѣлена князьями: въ Костромѣ сѣлъ сынъ какого-то Юрія Ярославича, Василій, по прозванію *Квашня*. При этомъ князѣ въ 1241 г. татары, по пути отъ Ярославля, откуда они шли съ полономъ и богатой добычей, хотѣли разграбить и Кострому, — но встрѣтившій ихъ Василій *Квашня* сразился съ ними, одержалъ верхъ и отнялъ у нихъ добычу и полонъ. Полная побѣда, одержанная Василюемъ, приписывается заступничеству Феодоровской Богоматери, явившейся тогда князю. Озеро, при которомъ произошла битва, какъ и селеніе при этомъ озерѣ, въ память заступничества Богоматери, и по сіе время называется *Святымъ*. Здѣсь, очевидно, спутана хронологія, и то, что должно быть приписано Василю Ярославичу, приписывается какому-то не бывалому Василю Юрьевичу, безъ всякихъ справокъ съ хронологіей.

Василій Ярославичъ скончался въ 1276 г. Полная біографія его помѣщена въ I-мъ томѣ.

Неизвѣстно, имѣлъ ли Василій Ярославичъ дѣтей: ни въ лѣтописяхъ, ни въ родословныхъ мы не встрѣчаемъ его потомковъ, а потому надо за несомнѣнное считать, что Кострома, по смерти его, перешла къ Дмитрію Александровичу, какъ великому князю.

Въ 1283 г. Дмитрій Александровичъ, примирившись съ братомъ Андреемъ, послалъ своихъ приближенныхъ въ Кострому — съ порученіемъ убить Андреева боярина-любимца, Семена Тониглѣевича, сѣявшаго между братьями раздоръ. Не слѣдуетъ ли отсюда заключать, что Кострома была за Андреемъ? Нашъ историографъ ⁷¹⁰), какъ бы предупреждая подобный вопросъ, говоритъ, что Семень Тониглѣевичъ «жилъ (въ Костромѣ) спокойно, надѣясь на заключенный между братьями миръ». Опять повторимъ, что до 1293 г. Кострому пужно считать за Дмитріемъ Александровичемъ.

Въ 1293 г., когда Дмитрій Александровичъ уступилъ великокняжескій столъ Андрею, этотъ послѣдній далъ старшему брату Переяславль, а сыну его Ивану — Кострому. Но вскорѣ, по смерти Дмитрія Александровича, мы видимъ Ивана Дмитріевича въ Переяславлѣ. Кострома, слѣдовательно, опять осталась за великимъ княземъ, т. е. за Андреемъ Александровичемъ, а Иванъ Дмитріевичъ занялъ Переяславль, какъ наслѣдственный удѣлъ ⁷¹¹).

709) См. «Истор. описаніе Костр. Успенск. собора», свящ. Островскаго. — Относительно того, что Андрей занималъ Кострому, см. прим. 138 въ I томѣ и текстъ къ этому примѣчанію.

710) Карамз. IV, 84.

711) Соображенія объ этомъ предметѣ см. выше, на стр. 6—7.

По смерти Димитрія Александровича (въ 1294 г.), Андрей уже по праву занялъ великокняжескій столъ, слѣдовательно, располагалъ и Костромой, которую отдалъ сыну своему Борису, но не ранѣе 1299 или 1300 г. Такъ, по крайней мѣрѣ, слѣдуетъ заключать изъ лѣтописныхъ извѣстій: подъ 1299 г. князь Борисъ упоминается въ лѣтописяхъ еще какъ на мѣстникъ великаго князя въ Великомъ Новгородѣ; подъ 1302 г. въ Воскресенской лѣтописи находимъ извѣстіе о кончинѣ кн. Ивана Димитріевича въ Переяславлѣ, а въ извѣстіи, относящемся къ февралю мѣсяцу слѣдующаго 1303 г., находимъ замѣтку о кончинѣ Бориса Андреевича *на Костромѣ*⁷¹²).

Что обладаніе Костромой соединялось съ великокняжескимъ достоинствомъ, объ этомъ всего лучше, кажется, говорятъ виды на нее двухъ претендентовъ на великокняжескій столъ: Юрія московскаго и Михаила тверскаго. Въ 1304 г., по смерти Андрея Александровича, великокняжескій столъ долженъ былъ перейти, по старшинству, къ Михаилу Ярославичу тверскому; но ему явился соперникъ въ лицѣ Юрія Даниловича московскаго. Отправляясь въ орду для рѣшенія спора, каждый изъ соперниковъ, еще до отъѣзда, стремится занять Кострому: Юрій послалъ туда брата своего Бориса, а Михаилъ — бояръ своихъ, которые схватили Бориса и отправили его въ Тверь⁷¹³).

Такой взглядъ на Кострому, какъ на принадлежность великокняжеской короны, существовалъ, какъ видно изъ официальныхъ документовъ, до Василя Димитріевича включительно: ни Иванъ Калита, ни его сыновья-преемники, ни знаменитый внукъ, ни правнукъ не распоряжаются въ своихъ духовныхъ завѣщаніяхъ Костромой, какъ личной собственностью: они распоряжаются только нѣкоторыми селами и деревнями, прибрѣтенными ими или посредствомъ купли, или иными способами⁷¹⁴). Только Василій Васильевичъ, въ своемъ духовномъ завѣщаніи, отдаетъ Кострому, какъ бы личную

712) П. С. Р. Л. III, 67, 222; IV, 45. О смерти Бориса подъ 1302 годомъ: VII, 183; Никон. III, 100; подъ 1303 г.: I, 209; IV, 46; V, 204. По Лавр. лѣт. и Борисъ Андреевичъ и Иванъ Димитріевичъ умерли въ одинъ годъ (1303 г.).

713) Ibid. VII, 184; Ник. III, 101. Тверской князь не сомнѣвался въ своемъ правѣ на великокняжескій столъ, да и другіе не сомнѣвались въ томъ: конечно, по этому-то Андрею бояре, по смерти бездѣтнаго князя своего, будучи убѣждены, что великокняжескій столъ займетъ Михаилъ, поспѣшили перебраться изъ Городца, гдѣ умеръ Андрей, въ Тверь. Въ послѣдующее затѣмъ смутное время Кострома переходила отъ одного князя къ другому. См. объ этомъ статью въ Костр. губ. вѣд. 1857 г., № 34: «Истор. обзоръ обширности древней Костр. области».

714) С. г. г. и д. I, №№ 22, 24, 34 и 39.

собственность, старшему сыну своему Ивану, и опять, все-таки, будущему великому князю ⁷¹⁵).

Итакъ, удѣльными костромскими князьями можно считать только трехъ лицъ: а) Василя Ярославича мизиннаго, б) Ивана Димитріевича переяславскаго и с) съ нѣкоторой вѣроятностью Бориса Андреевича. Надобно замѣтить, что они княжили не непосредственно одинъ за другимъ: послѣ первыхъ двухъ изъ нихъ Кострома оставалась, каждый разъ, нѣкоторое время во власти великаго князя, а послѣ Бориса она уже окончательно становится городомъ великокняжескимъ.

Василій Ярославичъ.

р. 1241 † 1276.

Первымъ удѣльнымъ княземъ костромскимъ, какъ уже нѣсколько выше замѣчено, былъ *мезинный* или *мизинный*, т. е. самый младшій изъ сыновей Ярослава Всеволодовича Василій, по прозванію *Квашня*. Изъ лѣтописей не видно, когда онъ получилъ Кострому, — но надобно полагать, что не раньше 1246 г., т. е. года смерти Ярослава Всеволодовича, когда Василю былъ шестой годъ. Нѣкоторые, не обращая большаго вниманія на хронологію, говорятъ, что Ярославъ, передъ отъѣздомъ въ орду 1240 г., назначилъ удѣлы каждому изъ сыновей, между прочимъ, Константину — Галичъ, а Василю — Кострому. Но всѣ лѣтописи единогласно свидѣтельствуютъ о томъ, что Василій родился въ 1241 г. ⁷¹⁶). Будучи удѣльнымъ княземъ костромскимъ, онъ былъ въ то же время, съ 1272 г. до самой кончины въ 1276 г., и великимъ княземъ владимірскимъ, а жилъ, все-таки, въ Костромѣ.

Какъ уже выше замѣчено было, полная біографія его помѣщена въ первомъ томѣ.

715) Ibid. № 86—87. Къ сказанному въ текстѣ не излишне будетъ прибавить еще, что борьба о престолонаслѣдіи, борьба старыхъ порядковъ съ новыми, совершенно закончилась борьбой Василя Темнаго съ дядей его Юріемъ галицкимъ и сыновьями послѣдняго, такъ что Василю Васильевичу совершенно легко было распорядиться и Костромой, какъ своей собственностью.

716) «Матер. для геогр. и стат. Россіи». Цитаты о годѣ рожденія Василя см. въ I т., прим. 110.

Иванъ Димитріевичъ Переяславскій.

1270 † 1302.

Ни изъ лѣтописей, ни изъ официальныхъ документовъ не видно, чтобы Василию Ярославичу былъ непосредственный преемникъ на Костромѣ. Но въ **1293** г. видимъ на костромскомъ удѣлѣ сына Димитрія Александровича, Ивана, такъ что надобно полагать, что съ **1276** г., т. е. года кончины Василия Ярославича, до **1293** г. Кострома была за великимъ княземъ владимірскимъ. Въ **1293** г. Андрей вмѣстѣ съ Ѳеодоромъ Ростиславичемъ Чернымъ, Димитріемъ ростовскимъ и Константиномъ углицкимъ пришли изъ орды съ татарами, данными имъ ханомъ, и пошли на Димитрія. Послѣдній бѣжалъ во Псковъ, между тѣмъ какъ Андрей, попустошивъ съ татарами Суздальскую землю, ушелъ, отпустивши татаръ, въ Великій Новгородъ, а Ѳеодоръ Ростиславичъ, какъ главный помощникъ Андрея, занялъ оставленный Димитріемъ Переяславль. Какъ сказано выше, по лѣтописнымъ извѣстіямъ, Иванъ Димитріевичъ сѣлъ на Костромѣ въ **1293** г. Это значитъ, по нашему мнѣнію, что противники Димитрія, занявъ Переяславль, должны были дать сыну бѣжавшаго великаго князя удѣлъ, въ данномъ случаѣ — Кострому⁷¹⁷). Но въ **1294** г., по примиреніи братьевъ, когда Димитрій уступилъ великокняжескій столъ Андрею, изъявивъ желаніе удовольствоваться наслѣдственнымъ Переяславлемъ, и умеръ въ томъ же году на пути въ свой удѣлъ, мы видимъ Ивана Димитріевича въ Переяславлѣ. Иванъ и перешелъ, слѣдовательно, изъ Костромы въ Переяславль, какъ наслѣдственный, по смерти его отца, удѣлъ, а Кострома опять осталась за великимъ княземъ.

Такъ какъ Иванъ Димитріевичъ, можно сказать, только случайно былъ непродолжительное время удѣльнымъ княземъ костромскимъ, а остальное, болѣе продолжительное время, сидѣлъ въ Переяславлѣ, то полную біографію его мы и помѣстили въ I главѣ о князьяхъ переяславскихъ.

717) П. С. Р. Л. I, 228; IV, 44; Никон. III, 92. См. также выше, стр. 6—7.

Борисъ Андреевичъ.

1299 † 1303.

Какъ по лѣтописямъ, такъ и по родословнымъ, хотя и не всѣмъ, извѣстнымъ намъ, у Андрея Александровича не было сыновей. Однако мы находимъ извѣстія позднѣйшихъ лѣтописцевъ, которые даютъ ему сына Бориса ⁷¹⁸⁾, но не находимъ Юрія и Михаила, которыхъ нѣкоторые ⁷¹⁹⁾ считаютъ дѣтьми Андрея Александровича и, вмѣстѣ съ тѣмъ, противорѣчатъ сами себѣ, такъ какъ считаютъ Бориса, «по видимому», единственнымъ сыномъ Андрея ⁷²⁰⁾. Очевидно, Юрій и Михайлъ, дѣти Андрея Ярославича, ошибочно считаются дѣтьми Андрея Александровича, какъ объ этомъ будемъ еще говорить въ главѣ о князьяхъ суздальскихъ.

Только два лѣтописныхъ извѣстія дошло до насъ о Борисѣ Андреевичѣ. Въ 1299 г. мы видимъ его въ Новгородѣ, гдѣ онъ, вмѣстѣ съ новгородцами, вводитъ на владычній дворъ вновь избраннаго въ архіепископы благовѣщенскаго игумена Θεоктиста ⁷²¹⁾. Затѣмъ лѣтописи отмѣчаютъ день и годъ его смерти въ Костромѣ, а именно 25-ое февраля 1303 г. ⁷²²⁾.

Въ лѣтописяхъ мы находимъ извѣстіе, что Андрей Александровичъ женился на Василисѣ, дочери Димитрія Борисовича, кн. ростовскаго, въ 1294 г., и ни откуда не видимъ, чтобы это былъ второй бракъ. Такимъ образомъ нужно признать, что Борисъ родился въ первый годъ брака Андрея, иначе онъ былъ бы черезъ-чуръ малъ, хотя бы и для того только, чтобы, подъ руководствомъ боярѣ, представлять собою лицо великаго князя при церемоніи, подобной той, на которой онъ присутствовалъ въ Новгородѣ въ 1299 г. ⁷²³⁾.

718) Это видно изъ извѣстій тѣхъ лѣтописей, на которыя здѣсь, въ біографіи Бориса, указывается.

719) На прим., М. Д. Хмыровъ, № 42.

720) Въ главѣ о князьяхъ суздальскихъ объ этомъ будемъ говорить подробнѣе; а теперь замѣтимъ только, что вопросъ о происхожденіи суздальскихъ князей многихъ путаетъ: такъ, тотъ же М. Д. Хмыровъ сомнѣвается (№ 388) въ томъ, чтобы Андрей Александровичъ былъ женатъ дважды, а въ другомъ мѣстѣ (№ 42) положительно считаетъ Василису, дочь Димитрія Борисовича ростовскаго, *второй* женой его, и тутъ же говоритъ, что отъ нея Андрей имѣлъ троихъ сыновей: Юрія, Бориса и Михаила.

721) П. С. Р. Л. III, 67, 222; IV, 45; Никон. III, 96.

722) Ibid. I, 209; IV, 46; V, 204; а VII, 183 и Никон. III, 100 отмѣчаютъ его кончину подъ 6810 г., но того же 25 февраля.

723) Ibid. I, 228; VII, 181; Никон. III, 93 не вѣрно говоритъ о женитьбѣ Андрей, о чемъ см. въ I-мъ томѣ прим. 149.

Съ 1303 г. Кострома становится достояніемъ великокняжескаго сана. Мы уже выше замѣтили, что преемники Дмитрія Александровича до Ивана Калиты, самъ Калита и его преемники до Василя Дмитріевича включительно не распоряжаются Костромой по личному усмотрѣнію; Калита и его ближайшіе преемники распоряжаются только селами костромскими, которыя приобрѣтены ими посредствомъ купли. Такъ, Калита во второй духовной, между прочимъ, говоритъ объ одномъ селеніи: «Олександръ святой (т. е. село Александровское), что есмь купилъ на Костромѣ, то даю княгини своей»⁷²⁴).

Въ одной лѣтописи Синодальной бібліотеки находимъ неправдоподобное извѣстіе, будто-бы царь Узбекъ раздѣлилъ великое княжество между Иваномъ Калитой и Александромъ Васильевичемъ суздальскимъ: первому далъ Новгородъ и Кострому, а послѣдному — Владиміръ и Поволжье⁷²⁵), и только по смерти Александра Васильевича († 1333 г.) Калита началъ свободно господствовать, какъ глава Руси.

Въ критическія минуты Кострома служила убѣжищемъ для великихъ князей: такъ, Дмитрій Ивановичъ ушелъ въ Кострому при нашествіи Тохтамыша, а Василій Дмитріевичъ бѣжалъ туда отъ Едигея.

Выше мы уже замѣтили, что великіе князья включительно до Василя Дмитріевича не распоряжаются Костромой, какъ личной собственностью; только Василій Васильевичъ, по его духовному завѣщанію, отдаетъ Кострому старшему сыну Ивану, какъ собственность личную, каковой она съ этого времени и становится для потомковъ Калиты⁷²⁶).

724) С. г. г. и д. I, № 22.

725) Кар. IV, 141 и 302. Къ этому же времени (1332 г.) приурочивается баснословное сказаніе такъ называемаго *Лѣтописца Воскресенскаго монастыря*, что у Соли о небывалыхъ князьяхъ: Семенъ Ивановичъ, получившемъ отъ хана въ удѣлъ Кострому и Галичь, о сыновьяхъ его, Федорѣ и Андрѣ, изъ которыхъ первый взялъ себѣ, по смерти отца, Галичь, а второй — Кострому; Андрей женился на дочери какого-то ветлужскаго князя Никиты Ивановича Байбороды и пр. См. или Карамз. IV, 327, или Миловидова «Очерки Костромы».

726) С. г. г. и д. I, № 86.

О происхождении чудотворной Феодоровской иконы Божией Матери

О образ Пресвятой Богородицы – один из самых почитаемых в православии. По верованиям церковным, Матерь Божия, пребывая на небесах, не оставляет нашего мира, живёт его жизнью, болеет его болезнями, плачет его слезами, предстательствуя обо всех живущих в нём своими молитвами перед Богом. Русь, Россию издавна называли Домом Пресвятой Богородицы. Святая Заступница, Покровительница,

Чудотворная Феодоровская икона Божией Матери. Лицевая сторона.

Спасительница, Помощница, Защитница – так величали Богоматерь в Русской земле. Считалось, что на западе русские пределы защищает Смоленская икона Божией Матери, на востоке – Матушка Казанская, на севере – Тихвинский образ Богородицы, на юге – Иверский. В центре России – Москве – сияет Владимирская икона Богоматери.

Наш древний город Кострома тоже имеет свою святыню – чудотворную Феодоровскую икону Божией Матери. Около 750 лет она охраняет Кострому, покровительствует ей.

Это двусторонняя запрестольная выносная икона на древке с изображением Богоматери с Младенцем на лицевой стороне и великомученицы Параскевы Пятницы – на оборотной. Церковно-литературный памятник «Сказание о явлении и чудесах чудотворной Феодоровской иконы Божией Матери» (далее – Сказание) доносит до нас описание образа: «На десней бо руке Ея держим Превечный Младенец и десная у него нога простерта и покровена ризою, левую же ногу имея поджату и нагу по колено»¹. К сожалению, на оборотной стороне иконы утрачено имя великомученицы, и в Сказании она не упоминается. Вопреки традиции, святая изображена не в обычном мученическом одеянии и с крестом в руке, а в богатом княжеском наряде, с диадемой на голове и с молитвенно воздетыми руками².

Почти ровесница нашего города, Феодоровская икона в огне пожаров не сгорела, в годы лихолетья не пропала, в години опасности, во времена, значимые для духовной жизни, помогала костромичам.

История чудотворной Феодоровской иконы Божией Матери тесно связана с историей и судьбой Костромы. Образ почитался на протяжении всей истории города, но в моменты наиболее напряженные, исторически значимые, поворотные молитвы православных костромичей, обращенные к святине, усиливались.

Время появления Феодоровского образа в Костроме – один из сложнейших и трагических периодов русской истории, время двойной агрессии на Русь: с запада – продвижение ливонских рыцарей, с востока – нашествие орд хана Бату, разорение русских земель, разрушение городов, храмов, монастырей. Летописцы скорбно сообщают об этом: «Створися велико зло Суждальской земли, якоже зло не было ни от крещенья якоже бысть ныне. Татарове [...] от уного и до старца и сущаго младенца, и та вся иссекоша, овы убивающе, овы же ведуще босы и без покровен в станы свое, издыхающа мразом»³. Земля русская была изочтена численниками ордынскими, князья вынуждены были ездить в Орду за ярлыками на свои княжения, в том числе и на великое княжество Владимирское.

Русь была порабощена иноверцами. Вера христианская подверглась опасности, особенно в период утверждения в Орде ислама. В русских городах появились отступники от православия. Одним из них, в соседнем с Костромой Ярославле, был монах Зосима, проповедовавший религию Магомета и поносивший святые иконы: «Бе бо пьяница и студословец, празднословец и кощионьник, конечное же отвержеса Христа и бысть бесурменин, вступив в прелесть лжаго пророка Махмеда [...] сего беззаконнаго Зосиму убиша в городе Ярославли, бе тело его яд псом и вороном»⁴.

Именно к этому трудному времени относится, согласно Сказанию, явление в Костроме чудотворной Феодоровской иконы Божией Матери. Образ этот стал «покров и держава, стена и утверждение граду нашему». Послана она Господом как дар городу Костроме «на сохранение и на заступление, и душам нашим на

**Великомученица Параскева Пятница.
Оборотная сторона чудотворной Феодоровской
иконы Божией Матери.**

спасение, и болящим на исцеление, и бесам на прогнание»⁵.

Феодоровская икона Божией Матери тесно связана с именем первого удельного костромского князя Василия Ярославича, ему она явилась, он подарил её своему удельному городу, принеся в первый соборный храм Костромы – церковь во имя великомученика Феодора Стратилата.

Помогла Богородица, через явленную Феодоровскую икону, костромской рати, возглавляемой князем Василием Ярославичем победить ордынский отряд на Святом озере. В разгар битвы «внезапу от чудотворного образа Пресвятой Богородицы возсияша божественныя и пресветлыя лучи, паче солнечных луч и яко огонь поपालяющи и нападающа на них и пожигая татарския полки и мнози от них осле-

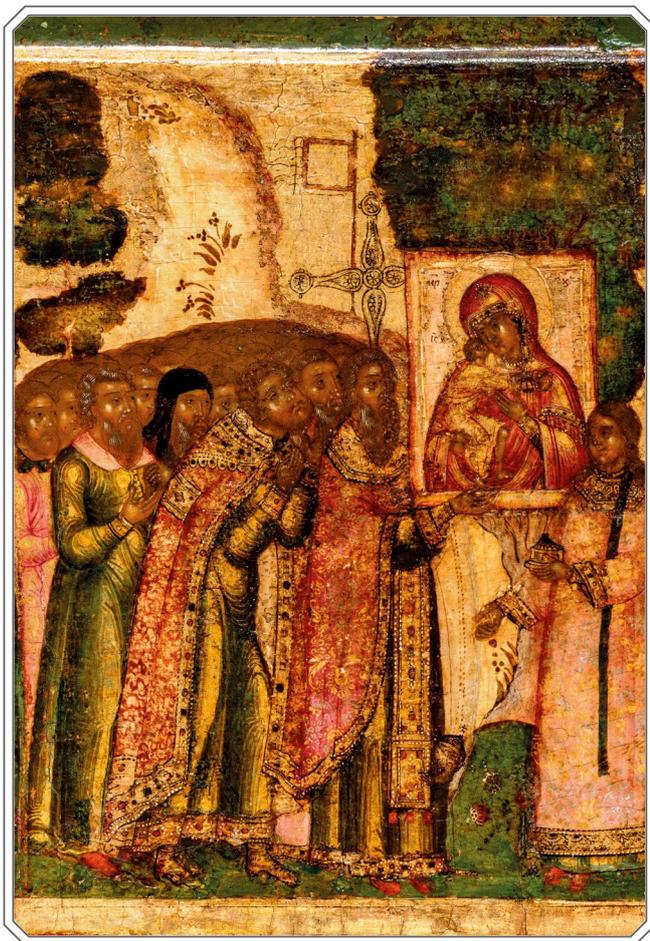
поша. И нападоша на них россиясти полцы и побиша их многое множество, пленников же российских всех отполониша. И чудотворный ея образ повеле нести пред собою с честью. И бысть велика радость во граде Костроме о победе еже над безбожными татараы»⁶, – так рассказывается об этом событии в Сказании.

В честь чудотворного образа по княжескому повелению Василия Костромского были возведены в нашем городе первые православные церкви и монастыри – Спаса Нерукотворного на Запрудне – на месте явления иконы, и храм Успения Божией Матери, ставший на долгие годы главным собором Костромы.

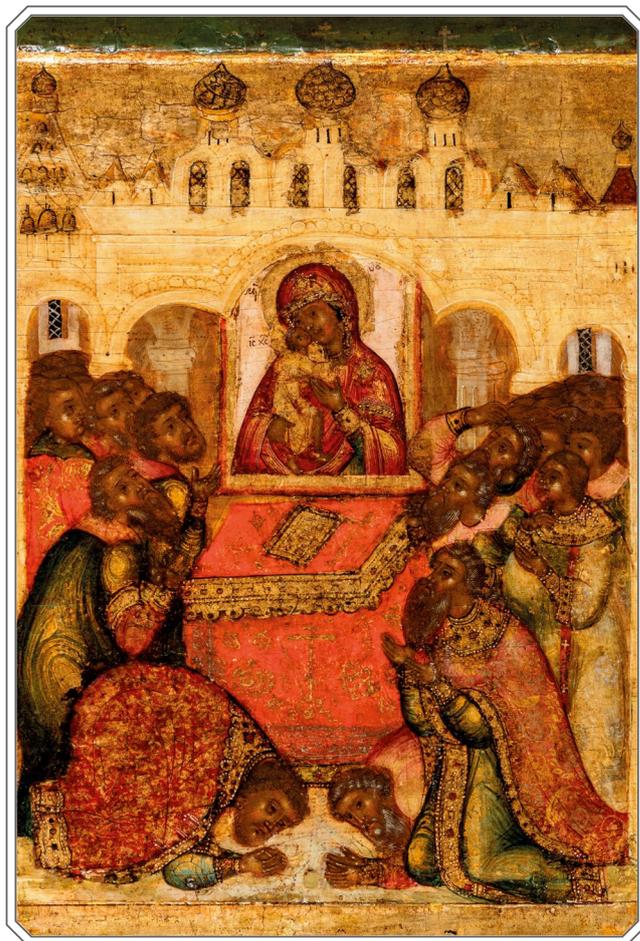
События начала XVII века принесли Костромской чудотворной иконе всероссийскую славу и почитание. Она стала свидетельницей

и покровительницей исторически значимых для Отчизны событий – умоления и наречения государем юного боярина Михаила Федоровича Романова в стенах Ипатьевского монастыря в марте 1613 года. После многочасовых молений и уговоров инокиня Марфа благословила сына на царство, обращаясь к Богородице, «перед всеми со слезами рече: О Богомати, Пресвятаа Богородице, и в твои пречистие руже чадо свою предаю и, яко же хоцещи, устроиши ему полезнаа, и всему православному христианьству»⁷. В память этих великих событий царь Михаил Федорович установил новый праздник 14 марта в честь чудотворной Феодоровской иконы Божией Матери.

Помогала Костромская святыня жителям нашего города и в ратных делах: ею благо-

Обретение чудотворной Феодоровской иконы Божией Матери крестным ходом. Клеймо Феодоровской иконы Божией Матери со сказанием. 1680-е годы.

Поставление чудотворной Феодоровской иконы Божией Матери в церкви вмч. Феодора Стратилата в Костроме. Клеймо Феодоровской иконы Божией Матери со сказанием. 1680-е годы.

словляли в походы, образки с изображением Феодоровской Богоматери оберегали и оказывали помощь ратникам и в годы Отечественной войны 1812 года, и в Крымскую 1855, и в годы I Мировой войны.

Несмотря на длительное пребывание чудотворного образа в нашем городе, несмотря на прославленность Феодоровской иконы, в истории ее много нерешенных вопросов – время создания, происхождение, название образа. Из русских летописей о Костромской иконе сохранилось свидетельство только в Новом летописце, составленном под руководством Патриарха Филарета. Документ рассказывает о роли чудотворного образа в важных событиях государева избрания. Вторым письменным памятником церковно-литературного характера является «Сказание о явлении и чудесах чудотворной Феодоровской иконы Божией Матери», списки которого, датируемые XVII-XVIII вв., хранятся в Государственном архиве Костромской области. Но Сказание полно противоречий, главным из которых является полное несовпадение событий и дат жизни Костромского князя Василия Ярославича, которому образ явился.

А что же о себе может рассказать сама икона? Первое научное обследование памятника было проведено в 1919 году сотрудниками Реставрационной комиссии Отдела по делам музеев и охране памятников и лично известным историком и реставратором древнерусской живописи Александром Ивановичем Анисимовым. Реставраторами был сделан неутешительный вывод – от древней живописи остались лишь разрозненные фрагменты. Дело в том, что за 100 с небольшим лет, начиная с 1636 года, икона подверглась четырем поновлениям, во время некоторых из них древняя живопись пемзовалась, то есть поверхность иконы выравнивалась под новый живописный слой. Особенно сильно пострадала лицевая сторона: первоначальными здесь можно считать лишь общую композицию, контуры фигур и санкирь – первый подготовительный слой

**Битва с ордынским отрядом на Святом озере.
Клеймо Феодоровской иконы
Божией Матери со сказанием. 1680-е годы.**

краски для росписи лица и рук. На оборотной стороне, которая не подвергалась пемзованию, достаточно хорошо уцелела живопись одежд, авторское золото в орнаментах одежд, кайма. Личное письмо, контуры глаз были значительно потерты и потому правлены при реставрации. Именно обратная сторона, по мнению специалистов, может являться реальным объектом дальнейшего изучения образа⁸. Несмотря на большие утраты, изображение мученицы на обороте иконы сохраняет ряд отличительных черт, свойственных определенной эпохе и позволяет приблизительно установить время создания иконы. Большинство ученых сходятся во мнении о древности иконы и датируют ее XIII веком: русский историк византийского и русского искусства Никодим Павлович Кондаков и А.И. Анисимов считают, икона написана не позднее 1239 года; профессор Николай Васильевич Покровский и искусствовед Виктор Никитич Лазарев относят создание иконы к 70-м годам XIII века⁹.

Одним из самых сложных является вопрос о происхождении Феодоровской иконы Божией Матери. По мнению искусствоведа Станислава Ивановича Масленицына, Феодоровская икона была написана в 1239 году по заказу великого Владимирского князя Ярослава Всеволодовича к свадьбе его второго сына Александра Невского и княжны Параскевы, дочери Полоцкого князя Брячислава. Кроме того, исследователь считает Феодоровский образ списком с Владимирской иконы Богоматери: «иконография «Феодоровской» «заимствована» или «навеяна» образом Владимирской»¹⁰.

Другая исследовательница Наталия Николаевна Бахарева относит создание Костромской иконы к более раннему времени – 1164 году – и называет ее заказчиком Владимиро-

Суздальского князя Андрея Юрьевича Боголюбского. Феодоровский образ, списанный с Владимирской иконы Богоматери, помог русской рати одержать победу над волжскими булгарами¹¹.

Очень интересны выводы искусствоведа Надежды Викторовны Герасименко – автора статьи о Феодоровской иконе Божией Матери в каталоге «Костромская икона». По предположению исследовательницы, икона была создана в одном из крупных городов Северо-Восточной Руси: или во Владимире – стольном граде; или Ростове – месте размещения епископской кафедры. Не исключается и Новгород Великий, где великомученица Параскева Пятница, изображенная на обороте иконы, особо почиталась. Автор отмечает, что иконописец, не-

«Встреча Великого посольства Михаилом Романовым и инокиней Марфой у стен Ипатьевского монастыря 14 марта 1613 года». Миниатюра из «Книги об избрании на царство великого государя...Михаила Феодоровича». 1672-1673 гг.

Святой Феодор Стратилат приносит в Кострому чудотворную Феодоровскую икону Божией Матери. Клеймо Феодоровской иконы Божией Матери со сказанием. 1680-е годы.

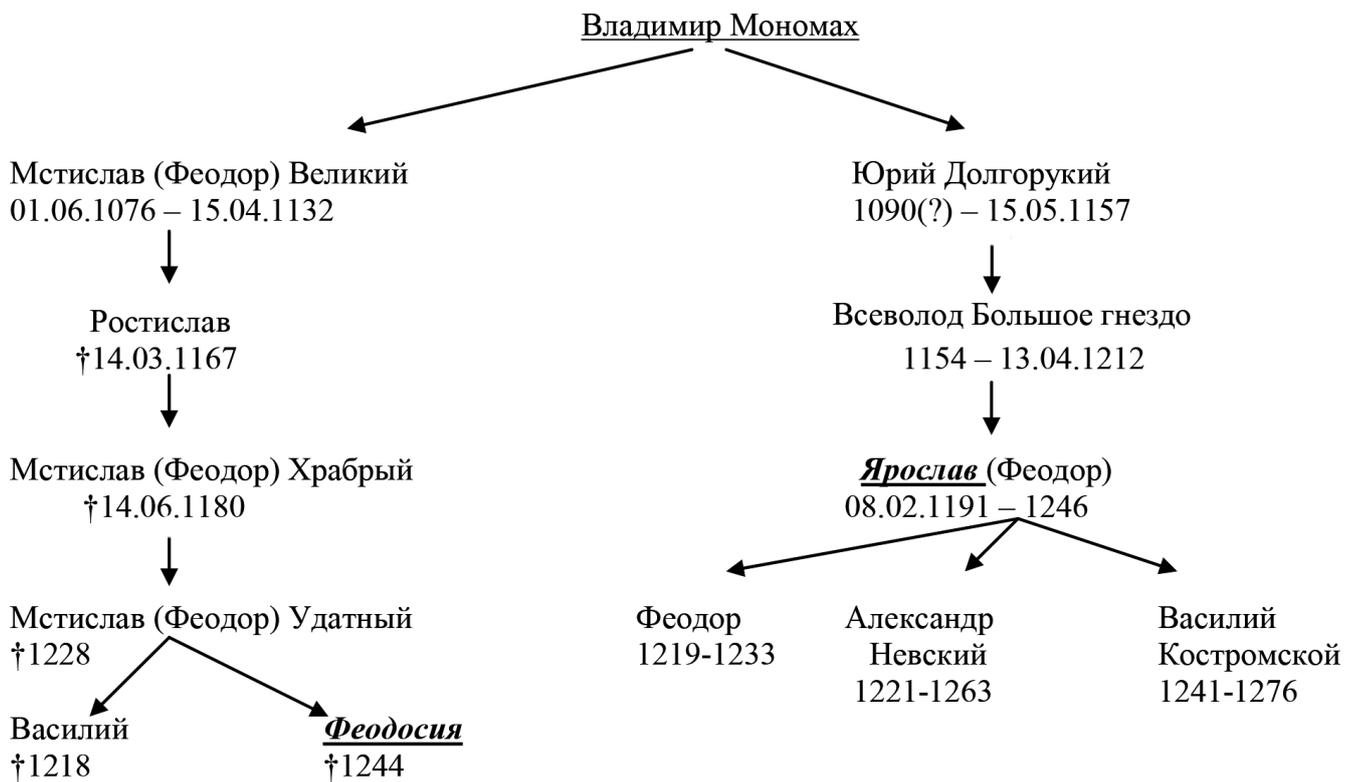
Моление князя Василя Костромского перед Феодоровской иконой Божией Матери. Клеймо Феодоровской иконы Божией Матери со сказанием. 1680-е годы.

сомненно, ориентировался на византийские образцы первой половины XIII века: «Более того, целый ряд признаков указывает на вероятность выполнения памятника греческим иконописцем», приехавшим на Русь¹².

Можно согласиться со всеми исследователями, что Феодоровский образ имеет древнее происхождение и причины создания его надо искать в тех далеких временах, откуда он происходит. Многочисленные исторические и легендарные факты говорят о тесной связи Феодоровской иконы Божией Матери с семьей великого Владимирского князя Ярослава Всеволодовича. Название Феодоровского образа часто связывают с именем великомученика Феодора Стратилата. Действительно, святой

воин Феодор Стратилат был небесным покровителем Ярослава, рожденного 8 февраля, в день этого святого. Во имя своего небесного патрона Ярослав Всеволодович построил в Костроме первый христианский храм. Но не только князь Ярослав почитал великомученика Феодора Стратилата, но и его первенец, старший сын Феодор Ярославич. В Городецком Феодоровском монастыре, где, по преданию, образ пребывал какое-то время, был пострижен в монахи и скончался 14 ноября 1263 года второй сын князя Ярослава Всеволодовича – прославленный Александр Невский¹³. «Сказание о явлении и чудесах чудотворной Феодоровской иконы Божией Матери» тесно связывает образ с именем еще одного сына князя Ярослава –

младшего, «мизинного» Василия Ярославича, первого Костромского князя, который в 5 лет остался без матери и отца и нуждался в особой опеке, которую он нашел, вероятно, в покровительстве иконы, являвшейся семейной реликвией. Вот как Сказание доносит до нас историю чудесного обретения Феодоровского образа: в день 16 августа – праздник Нерукотворного Спаса, во время охоты князя Василия в чаще леса на реке Запруденке, на одном из деревьев князю явилась икона, которая, на все его старания, в руки не далась. Вернувшись в город, он рассказал священному собору о виденном. Огромный крестный ход из священников, князя с боярами, люда градского под колокольный звон, с иконами и крестами честными двинулся к месту явления образа. Спустившись в священнические руки, икона была принесена и поставлена в соборный храм Костромы – церковь во имя великомученика Феодора Стратилата. На следующий день костромичи, пришедшие в храм, вспомнили, что за день до явления образа, а именно 15 августа, в Успение Пресвятой Богородицы,

видели «икону несому сквозь град, неким человеком воином, подобие же того воина святого великомученика Феодора Стратилата»¹⁴. Феодоровской иконе поверял князь Василий Ярославович свои помыслы, молясь коленапреклоненно перед ней. По его указу «чудотворный образ Пресвятой Богородицы повеле украсити златом и серебром и камением драгим и бисером многоцветным и кивот устроити»¹⁵. С тех пор чудотворная Феодоровская икона Божией Матери на все времена стала святыней и покровительницей Костромы – удельного города князя Василия.

Все эти свидетельства говорят о том, что Феодоровский образ особенно почитался и был значим именно в семье Ярослава Всеволодовича, внутри которой он передавался и сохранялся. Поэтому причины появления иконы, вероятно, надо искать в каких-то событиях, произошедших в этой семье, и особенно важных для этой семьи.

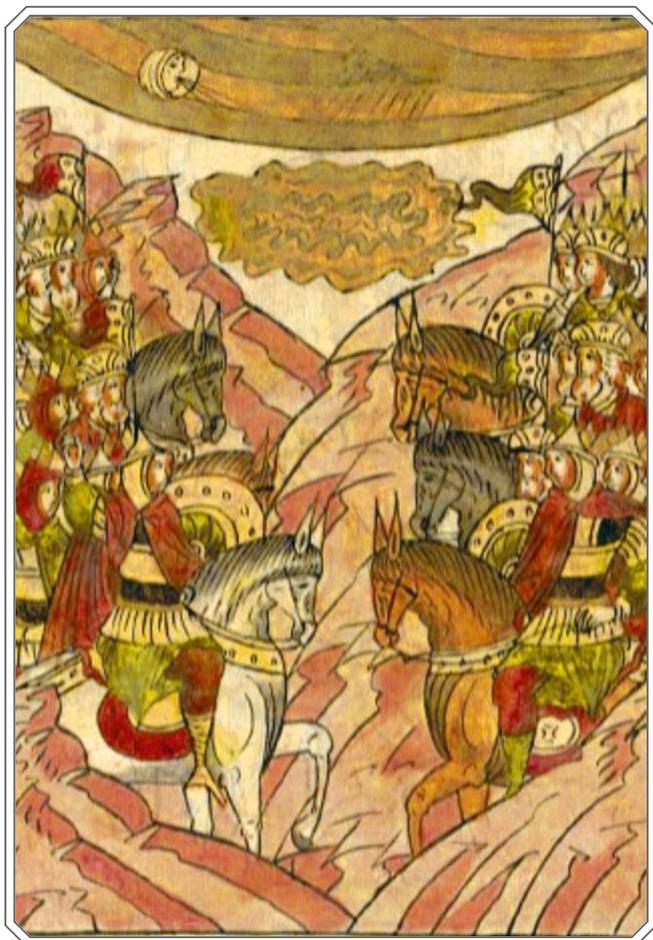
Семья великого Владимирского князя Ярослава Всеволодовича была большой: имея 10 сыновей, он по праву мог бы получить про-

звище «Большое Гнездо», как и его отец, Всеволод Юрьевич. Женой князя Ярослава Всеволодовича, матерью всех его десяти сыновей, начиная с Феодора, родившегося в 1219 году, и заканчивая Василием Костромским 1241 года рождения, была Феодосия Мстиславовна, дочь торопецкого князя Мстислава Мстиславича Удатного. Их свадьба произошла в 1214 году. Ярославу в это время было уже 23 года. В жизни его это был не первый брак. В 14 лет, посланный отцом на стол в Переяславль Русский, он женился там на дочери половецкого князя Георгия Кончаковича. Но судьба первой жены его неизвестна. Феодосия стала второй женой Ярослава, и было ей в ту пору не более 10-12 лет.

И князь Ярослав Всеволодович, и его жена Феодосия Мстиславовна принадлежали к Рюриковому княжескому роду, роду великих князей Киевских. Состояли они и в родстве: великий Киевский князь Владимир Мономах Ярославу приходился прадедом, а Феодосии – прапрадедом.

Изучение по летописным письменным источникам событий первой половины XIII века, деятельности князя Ярослава Всеволодовича и его потомков, а также княжеского рода Мстиславичей, к которому принадлежала Феодосия, позволяет выдвинуть еще одну версию о появлении Феодоровской иконы Божией Матери в 1218 – 1219 годах. Возможно, создание образа было связано с двумя важнейшими событиями в жизни князя Ярослава Всеволо-

**Перед началом битвы на р. Липице. 1216 год.
Миниатюра Лицевого летописного
свода XVI века.**

**Кровопролитное Липицкое сражение.
Миниатюра Лицевого летописного
свода XVI века.**

довича – воссоединением его с любимой женой Феодосией, отнятой у него тестем – князем Мстиславом Удатным, и рождением у них первенца, княжеского наследника и продолжателя княжеской династии – Феодора. Можно даже отметить, что первое событие по значимости было более важным для князя Ярослава не только потому, что без первого не могло быть второго. Если бы рождение первенца было важнее, то, возможно, икону посвятили бы небесному покровителю самого Ярослава и сына

Икона. Благоверная княгиня Евфросиния (Феодосия Мстиславовна).

его Феодора – великомученику Феодору Стратилату. Но ее посвятили именно Богоматери.

Какие же события, нашедшие отражение в летописях, дают основание для этих выводов?

В 1215 году между Мстиславом Мстиславичем Удатным, князем Торопецким, и Переяславским князем Ярославом Всеволодовичем разгорелся конфликт из-за Новгорода Великого, который вылился в тяжелое противостояние враждовавших сторон и кровопролитное сражение на реке Липице. В эту борьбу были вовлечены по разные стороны еще два брата Всеволодовича – Константин и Юрий, которые не могли поделить между собой Владимирский великокняжеский стол. «Страшно же чудо и дивно, братье, поидоша бо сынове на отци, а отци на дети, брат на брата, раби на господу»¹⁶ – горестно сокрушался летописец.

В начале этой войны впервые упоминается в летописях как жена князя Ярослава Всеволодовича дочь Мстислава Удатного Феодосия. Князь Ярослав предусмотрительно вывозит её из Новгорода Великого: «А по княгиню свою посла в Новгород Ивора Чапоноса, и выведе княгиню свою к себе»¹⁷.

Трижды предлагал Мстислав Мстиславович князю Ярославу мир, но получал неизменно: «Миру не хотящу»¹⁸. 21 апреля 1216 года произошла кровопролитная битва на реке Липице. «И вышедшее начаша сечи Ярославли полки, и бысть сеча зла». Князь Мстислав Мстиславович Удатный, о котором сказал летописец «дана ему храбрость из всех», одержал сокрушительную победу над Ярославом, как некогда отец Ярослава – Всеволод Большое Гнездо – разбил здесь же отца Мстислава Удатного – Мстислава Храброго.

Описанию апрельского кровопролития 1216 года летописцы посвятили не одну страницу своих трудов. «Кто не всплachtetя слышав сию горькую победу [...] многое бо множество избытих [...] не такмо на боищи костры мертвых, но и по многим местом лежаще трупие [...] плачущесе грекым плачем, видяще своих мертвых не погребеных. Не 10 бо оубито, ни 100, но ты-

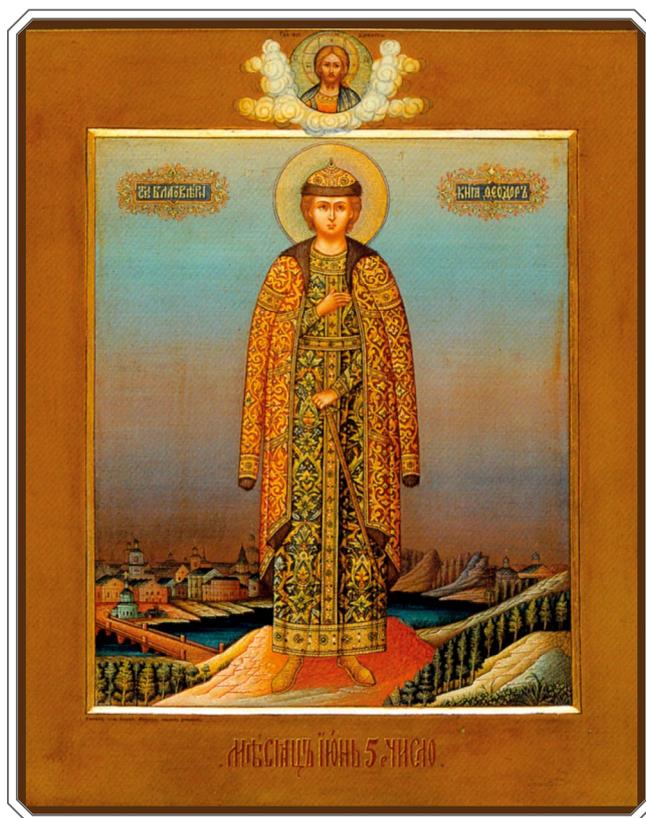
сяща тысящами, а всех избитых 9000 и 230 и 3 мужа»¹⁹.

Во всей этой крови, в гибели массы народа, павшей в Липицком бою, современники обвинили князя Ярослава. «Молваху бо мнози о Ярославе, «яко тобою ся нам много зла створи, про твое бо преступление крестное речено бысть пророком Иоилем: приидете, птица небесная, напейтеся крови человеческия, и зверие дивии, наядитесь мясь человеческих»²⁰. И брат Юрий возложил вину за произошедшее на Ярослава: «И удари челом у отечня гроба, и плачася, глаголаше: «Суди, Бог, брату моему Ярославу, оже мя сего доведе»²¹.

Князь Ярослав понимал, что грядет расплата, и он должен понести ответ за всё. 3 мая 1216 года Ярослав, узнав, что Мстислав Удатный идет на Переяславль, где он в это время находился, «ударил челом Костянтину брату и рече: «Господине! аз есмь в твоеи воли, не выдаи мя тестю моему Мьстиславу, а сам, брате, накорми мя хлебом»²².

Князь Мстислав Мстиславич знал, вероятно, как наказать Ярослава. Несмотря на внешнее примирение через Константина, несмотря на богатые дары, которые получили от Ярослава все князья и воеводы, и новгородцы, и сам Мстислав, князь Удатный совершил то, что должно было стать главным наказанием для Ярослава Всеволодовича: он отобрал у него свою дочь, его жену, Феодосию. Он подошел к Переяславлю, встал близ города в стане и потребовал дочь к себе, а потом не отпустил ее к мужу.

Князь Ярослав «многожды высылася с мольбою ко Мьстиславу, прося княгыне своя к себе». И те слова, которые он обращал к Мстиславу, взывая о Феодосии, о многом говорят: «Чи не бывает поточь князем? То ныне ся каем, по правде мя крест убил»²³. В переводе на русский язык, слово «поточь – поточить» означало разграбить, расхитить. В Новгороде Великом вече, присуждая боярина и даже посадника к народной мести, отдавало дом и весь достаток его на поток, т.е. на расхищение, на расхват, на

Икона. Благоверный князь Феодор Ярославич.

грабеж²⁴. Князья же такому наказанию вообще не подвергались. Таким образом, слова князя Ярослава означали, что не бывает большего разграбления, утраты князю, чем потеря жены, невозможность жить без неё, и нынче, когда он кается за содеянное, это станет для него поистине крестом, убивающим его.

Мы редко встречаем в летописях описание тех чувств и эмоций, которые переживали люди тех далеких времен. Тем ценнее для нас свидетельства о проявлении их. В море описываемых известий, связанных с военными походами и битвами князей, строительством ими городов и церквей, сосредоточение летописца на эмоциональной стороне радостных или горестных событий, пусть и в скупых строках, может являться для нас свидетельством значимости этих событий в жизни современников летописца.

Мольбы Ярослава остались без ответа: князь Мстислав увез дочь в Новгород Великий. Сколько продолжалась разлука между

супругами? Летописи об этом молчат. Но воссоединение Ярослава с Феодосией все-таки произошло, поскольку Мстислав Мстиславич Удатный в 1218 году окончательно уезжает на княжение в Галич Южный, и дочери при нем не было²⁵.

Видимо, воссоединение Ярослава с любимой женой Феодосией стало для князя тем событием, ради которого по его заказу и могла быть создана Феодоровская икона Божией Матери. Не случайно, наверное, эта чудотворная икона считается покровительницей брака и семейного счастья.

Название иконы – Феодоровская – можно рассматривать как дань примирения с Мстиславом Мстиславичем Удатным, потому что святой Феодор Стратилат был не только небесным покровителем Ярослава, но и всех Мстиславичей в княжеском роду Феодосии. Все Мстиславы, и Великий, и Храбрый, и Удатный, имели крестильное имя Феодор и почитали этого святого. Возможно, поэтому своего первенца в 1219 году Ярослав с Феодосией назвали тоже Феодором, делая тем самым шаг к примирению двух княжеских семей.

Кроме того, большинство исследователей сходятся во мнении, что изображение на оборотной стороне Феодоровской иконы святой великомученицы Параскевы Пятницы, особо почитаемой в Новгороде Великом, говорит о долгой и непосредственной связи заказчика иконы с этим городом²⁶. Из летописей известно, что Ярослав Всеволодович неоднократно призывался новгородцами княжить в их городе. В 1216 году на требование Мстислава Удатного: «Поиди в свою волость [...] не надобна тебе волость Новгородская», князь Ярослав Всеволодович справедливо отвечал: «Яко же тебе се отчина, тако же и мне»²⁷. И для Феодосии Новгород Великий был отчим градом, ведь все князья ее княжеского рода были тесно связаны с ним: её прапрадед – Мстислав Великий – более 20 лет княжил в Новгороде Великом, дед – Мстислав Храбрый – умер и был погребен в Софийском соборе этого города, отец – Мсти-

слав Удатный – неоднократно сидел на Новгородском столе. Брат Феодосии – Василий, умерший в Торжке в 1218 году, был похоронен в Новгороде «у святеи Софеи, в приделе у святыя Богородици в головах у деда»²⁸. Здесь же, в новгородском Георгиевском монастыре, много позже всех описанных событий, нашли упокоение в 1233 году 13-летний сын Ярослава Всеволодовича и Феодосии Феодор, а в 1244 – и сама княгиня Феодосия, принявшая постриг с именем Евфросиния²⁹.

Если же взглянуть с точки зрения этимологии, то оба эти созвучные имена – Феодор и Феодосия – имеют одинаковые корни, и в переводе с греческого означают одно и то же – дар Божий и данная Богом.

Поэтому можно сказать, что Феодоровская икона Божией Матери была создана во славу любви и благодарности к Богу, во славу любви небесной и земной. Феодоровский образ Божией Матери был создан, вероятно, в 1218-1219 годах по заказу князя Ярослава Всеволодовича для Феодосии – любимой его жены. Икона стала семейной чтимой святыней в княжеском роду Ярослава Всеволодовича и Феодосии Мстиславовны.

Кем же могла быть выполнена Феодоровская икона? По мнению исследователей, образ создан в византийских традициях первой половины XIII века. Об этом говорит стремление иконописца, автора костромской иконы, к «геометризму форм, плотности материи, четкости силуэта». Более того, считается, что целый ряд признаков указывает на вероятность выполнения иконы греческим иконописцем³⁰.

Обычно византийские мастера прибывали на Русь в это время вместе с духовными посольствами и миссиями. Не в составе ли такого посольства, принесшего во Владимир святые реликвии летом 1218 года, прибыл на Северо-Восток греческий мастер? «Того же лета прииде епископ Полотскы изо Цесарягорода к великому князю Костянтину в Володимир и принеси ему некую часть от страстей Господних, и обе руже святого мученика Логына

сотника, и от мощей Марии Магдалины [...]. В утреи же створи празденьство честно [...] взя же епископ честную ту раку с неизреченным сокровищем на главу си, и идоша в град, и поставиша ю в святем Дмитрии»³¹.

Сразу же по прибытии, греческий иконописец мог получить княжеские заказы на выполнение икон, в том числе на две: от великого князя Владимирского Константина Всеволодовича – на большую икону «Богоматерь Великая Панагия» для ярославского Успенского собора, и от брата его князя Ярослава Всеволодовича – на Феодоровскую икону Божией Матери. Исследователи отмечают особое сходство и близкую манеру исполнения обеих икон³².

Примечания

1. Сказание о явлении и чудесах чудотворной Феодоровской иконы Божией Матери / Государственный архив Костромской области (далее – ГАКО). Ф. 558. Оп. 2. Д. 374. «Десная» – правая.
2. Поскольку у исследователей образа вызывают определенные сомнения идентификация образа, ставится вопрос о необходимости дополнительных исследований по его атрибуции: Костромская икона XIII-XIX веков: Свод русской иконописи / Авт.-сост. Н.И. Комашко и С.С. Каткова. – М.: Гранд-Холдинг, 2004. – С. 461. Бахарева Н.Н. К вопросу о происхождении иконы «Богоматери Феодоровской» / Городецкие чтения: Материалы научной конференции. Городец, 10-13 мая 1994 г. – Городец, 1995. – С. 138.
3. Лаврентьевская летопись / ПСРЛ. Т. 1. – С. 197-198.
4. Лаврентьевская летопись / ПСРЛ. Т. 1. – С. 204.
5. Сказание о явлении и чудесах чудотворной Феодоровской иконы Божией Матери / ГАКО. Ф. 558. Оп. 2. Д. 374. Л. 31.
6. «Сказание о явлении и чудесах чудотворной Феодоровской иконы Божией Матери». Л. 27-29.
7. Сказание Авраама Палицына. Под ред. Л.В. Черепнина. – М.-Л., 1955. – С. 234-235.
8. Костромская икона XIII-XIX веков: Свод русской иконописи / Авт.-сост. Н.И. Комашко и С.С. Каткова. – М.: Гранд-Холдинг, 2004. – С. 11.
9. Анисимов А.И. Домонгольский период древнерусской живописи / Вопросы реставрации. Т. II. – М., 1928. – С. 161. Грабарь И.Э. О древнерусском искусстве. – М., 1966. – С. 163, 220, 237.
- Кондаков Н.П. Иконография Богоматери. – СПб., 1911.
- Лазарев В.Н. Живопись Владимиро-Суздальской Руси / История русского искусства. Т. I. – М., 1953. – С. 496.

10. Масленицын С.И. Икона «Богоматери Феодоровской» 1239 г. / Памятники культуры. Новые открытия: Ежегодник. 1976. – М., 1977. – С. 155-166.
11. Бахарева Н.Н. К вопросу о происхождении иконы «Богоматери Феодоровской». Указ. соч. – С. 137-157.
12. Костромская икона XIII-XIX веков. – С. 460-462.
13. Московский летописный свод конца XV века / ПСРЛ. Т. 25. – М.-Л., 1949. – С. 144-145.
14. «Сказание о явлении и чудесах чудотворной Феодоровской иконы Божией Матери». – Л. 23-26.
15. «Сказание о явлении и чудесах чудотворной Феодоровской иконы Божией Матери». // ГАКО. Ф. 558. Оп. 2. Д. 374.
16. Московский летописный свод конца XV века / ПСРЛ. Т. 25. – С. 112.
17. Указ. соч. – С. 111.
18. Указ. соч. – С. 112.
19. Летописный сборник, именуемый Тверскою летописью / ПСРЛ. Т. 15. – СПб., 1863. Стб. 321-323. Новгородские и Псковские летописи / ПСРЛ. Т. 4. – СПб., 1848. – С. 24. Московский летописный свод конца XV века / ПСРЛ. Т. 25. – С. 111-114.
20. Новгородские и Псковские летописи / ПСРЛ. Т. 4. – С. 24.
21. Московский летописный свод конца XV века / ПСРЛ. Т. 25. – С. 114.
22. Новгородские и Псковские летописи / ПСРЛ. Т. 4. – С. 26.
23. Новгородские и Псковские летописи / ПСРЛ. Т. 4. – С. 26.
24. Даль В. Толковый словарь: В 4-х томах. – М.: Русский язык, 1990. Т. 3. – С. 358.
25. Летописный сборник, именуемый Тверскою летописью / ПСРЛ. Т. 15. – Стб. 327.
26. Масленицын С.И. Указ. соч. – С. 158. Костромская икона XIII-XIX веков. Указ. соч. – С. 462.
27. Московский летописный свод конца XV века / ПСРЛ. Т. 25. – С. 111.
28. Летописный сборник, именуемый Тверскою летописью / ПСРЛ. Т. 15. – Стб. 327.
29. Первая Новгородская летопись / ПСРЛ. Т. 3. – СПб., 1841. – С. 49, 54.
30. Костромская икона XIII-XIX веков. – С. 462.
31. Московский летописный свод конца XV века / ПСРЛ. Т. 25. – С. 115.
32. Масленицын С.И. Икона «Богоматери Феодоровской» 1239 г. / Памятники культуры. Новые открытия: Ежегодник. 1976. – М., 1977. – С. 160-164. Масленицын С.И. Живопись Владимиро-Суздальской Руси. 1157-1238 гг. – М.: «Изобразительное искусство», 1998. – С. 216-225. Костромская икона XIII-XIX веков. – С. 462.

Была ли Кострома столицей великого Владимирского княжества

В истории нашего древнего города есть страница, вызывающая особый интерес и непрекращающиеся споры. Это вопрос о том, была ли Кострома столицей Руси, главным городом великого Владимирского княжения? Когда же это могло быть? И было ли в истории? В какие времена и при каком князе Кострома, как утверждается, была столицей Древнерусского государства?

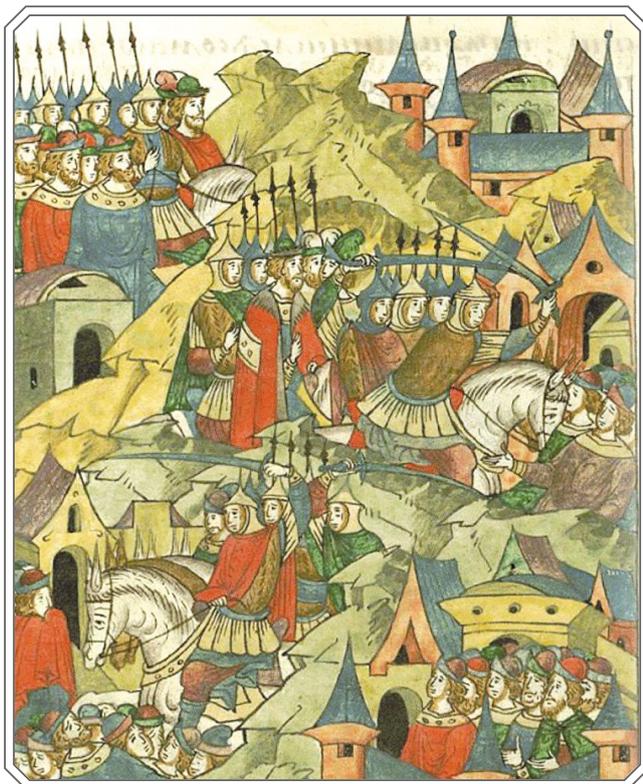
Речь идет о первом Костромском князе Василии Ярославиче – сыне великого Владимирского князя Ярослава Всеволодовича, внуке великого Владимирского князя Всеволода

Большое Гнездо. Согласно летописям, родившись в 1241 году, 6-ти летним ребенком, Василий «Мизинный» по разделу, завещанному отцом, становится Костромским удельным князем. В 1272 году, 31 года от роду, он, по смерти родного брата великого Владимирского князя Ярослава Ярославича, наследует великокняжеский престол¹. И как отмечается в краеведческой литературе, великий Владимирский князь Василий Ярославич не поехал жить в стольный град Владимир, а остался в удельной Костроме, практически безвыездно здесь жил, и по месту пребывания великого князя в годы его пятилетнего великого княжения Кострома была столицей Северо-Восточной Руси.

Прежде чем обратиться к русским летописным источникам и постараться ответить на поставленный вопрос, интересно выяснить – когда и у кого он возник первоначально? Что писали по этому поводу крупнейшие русские историки и костромские писатели-краеведы?

Корифеи нашей отечественной исторической науки – Василий Никитич Татищев, Михаил Михайлович Щербатов, Николай Михайлович Карамзин, Сергей Михайлович Соловьев, повествуя о великом княжении Василия Ярославича, даже не ставят и не рассматривают вопрос о Костроме как столице великого Владимирского княжества.

Первым общероссийским сочинением, в котором автор пишет о местожительстве в Костроме Василия Ярославича после вступления его «на Великокняжеский Престол», стал труд 1804 года русского ученого-географа и писателя Афанасия Михайловича Щекатова, имевший длинное и замысловатое название: «Словарь географический Российского государства, описывающий азбучным порядком

Поход великого князя Василия с ордынским войском на новгородцев.

географически, топографически, гидрографически, физически, исторически, политически, хронологически, генеалогически и геральдически все губернии, города и их уезды, крепости, форпосты, редуты, слободы, сибирские остроги, ясажные зимовья, пограничные заставы, казачьи станции, погосты, ямы, прежние и новые, иностранные поселения, многие достопамятные урочища и годовые ярмарки и прочее». По мнению ученого, город Кострома в это время «был Столицею Великороссийскою»².

Другой историк – Андрей Васильевич Экземплярский, посвятивший свою работу истории Северной Руси в татарский период, два тома которой вышли в 1889-1891 годах, придерживался такой же точки зрения: князь Василий «почти постоянно жил, будучи и великим князем», в Костроме³.

На чем основывались оба ученых в своих утверждениях, на каких письменных, летописных источниках, они не упоминают.

Конечно, к моменту выхода их трудов появилось множество местных костромских сочинений, в которых авторы на все лады пишут о Костроме как «о столице всего Российского государства или великого княжения главою»⁴; и как «о столице Велико-Российской»⁵, «великого княжения и всей тогдашней русской земли»⁶; и просто как «о местожительстве великого Владимирского князя Василия Ярославича в любимой им Костроме»⁷. Впервые это утверждение мы находим в работе 1786 года по истории Костромского края Николая Степановича Сумарокова, представителя известного рода костромских дворян, служившего в 1775-1778 гг. Костромским предводителем дворянства.

Особняком, как обычно, стоит лишь труд первого костромского краеведа Ивана Кузьмича Васькова. В «Собрании исторических известий, относящихся до Костромы», вышедшем в 1792 году в Москве, автор, ни словом не обмолвившись о Костроме как столице, писал, что в 1271 году «великий князь Василий вступил на престол великого княжения Владимирского, и потом предложениями и предпринятою войною, оспорив князя Дмитрия Александровича,

получил княжение и Новгородское, удержав оное за собою вместе с Костромским»⁸.

Конечно же, понятно и довольно похвально стремление костромских историков возвеличить свой родной город, придать ему большее значение и вес. И все-таки необходимо найти решение этого вопроса, и большую помощь в этом оказывают русские летописи. Дело в том, что великое княжение Василия Ярославича не было мирным, спокойным, оно наполнено важными событиями. Его правление пришлось на сложный период отечественной истории, когда русские города начали лишь оправляться от Батыева погрома, когда вся Русь была изнурена численниками ордынскими, когда князья вынуждены были ездить в Орду, не только везя дань урочную со всей земли русской, но и за ярлыками на свои княжения. Кроме того, на годы княжения Василия Ярославича приходится острая вооруженная борьба за Новгородский стол со своим родным племянником князем Переяславским Дмитрием, сыном Александра Невского. Описание в летописных источниках этих событий, всех перипетий борьбы, точное указание места пребывания и деятельности великого князя, то есть подробный анализ летописных текстов, и может дать ответ на вопрос: Владимир – стольный град Северо-Восточной Руси, или Кострома – центр удела Василия Ярославича, были в его великое княжение главным городом?

Из наиболее ранних летописей об этих событиях повествует нам Новгородская первая летопись (НПЛ), Синодальный список которой, по мнению исследователей, самый древний из всех сохранившихся больших русских летописных памятников. Далее можно обратиться к текстам Новгородской второй, третьей и четвертой, Софийской первой летописи, Московскому летописному своду конца XV века и летописи по Воскресенскому списку. Во всех этих документах события излагаются по НПЛ, а именно:

1272 год – «сиде во Володимире на столе князь Василий Ярославич Костромский»⁹ после смерти брата своего великого князя Ярослава Ярославича.

1272 год – Князь Василий Ярославич отправляет послов в Новгород Великий, «хотя сести на столе» там. Таких же послов в Новгород посылает князь Дмитрий Александрович. «И стаха обои послы на Ярославли двор». Новгородцы выбирают Дмитрия Переяславского¹⁰.

1273 год – «приходи Василий князь к Торжку и пожже храмы и посады тиун свои и иде назад на Кострому». Новгородцы посылают к князю послов с просьбой возвратить захваченные им новгородские волости и заключить с ними мир. Но Василий Ярославич послов отпустил, но «миру не да».

1273 год – «и яко быща новгородци в Торжку и възмятошася люди и восхотеша Василия [...]. И сиде князь Василий Ярославич в Новгороде на столе».

1275 год – великий князь едет в Орду.

1276 год, до августа – великий князь возвращается из Орды.

Конец 1276 – январь 1277 года – 35-летний князь умирает в Костроме и был похоронен в церкви во имя великомученика Феодора Стратилата в своем удельном городе.

Анализ приведенных известий не вносит ясности в интересующий нас вопрос. События в этих летописных текстах изложены довольно кратко, города Владимир и Кострома почти не упоминаются. И в то же время возникают новые вопросы в дополнение к главному: почему новгородцы резко переменили свое мнение насчет князя Василия, отдав ему Новгородский стол? Кто помог ему утвердиться в Новгороде Великом? И все-таки, куда возвращался великий князь из многих военных походов и из Орды?

На все эти вопросы дает ответ Патриаршая Никоновская летопись XVI века, Академический список которой лежит в основе третьей части «Истории Российской» русского ученого Василия Никитича Татищева. При характеристике Никоновской летописи ученые отмечают сохранение в ней текстов более древних летописей и значительное количество оригинальных известий по русской истории¹¹. Надо отметить также, что именно Никоновская летопись стоит первой в списке документальных

источников, положенных в основу миниатюр Лицевого летописного свода, созданного при митрополите Московском и всея Руси Макарии и государе Иване IV Васильевиче в середине XVI века. Изображения «в лицах» на листах этого произведения помогут увидеть интересные нас события, отраженные в Никоновской летописи:

1272 год – «Сиде на великом княжении во Володимире князь Василей Костромский мизиной, сын Ярославль, внук Всеволож, правнук Юрья Долгорукаго»¹².

1272 год – Князь великий Василий «посла в Новгород наместники своя и повеле грамоты брата своего Ярослава отринуты, рекий: «Не по делу вынудили грамоты у брата моего, чего ся испокон не повелось, суд у князя и дань черную отъемлете и печорскую». Василий Ярославич потребовал вернуть отобранную новгородцами еще у брата его Ярослава исполнительную власть («суд») и доходы с Новгородских земель («черную и печорскую дань»). Новгородцы реша: «Не хочешь князь на том крест целовати, ино ты намо не князь, а мы себе князя добудем»¹³. В этом решении новгородцев – ключ к пониманию причины нежелания их признавать великого Владимирского князя Василия Ярославича и Новгородским князем.

1272 год – «Послаша Новгородцы в Переяславль ко князю Дмитрею Александровичю, внуку Ярославлю, правнуку Всеволожу, зовуще его к себе в Новгороде у них княжити»¹⁴. 9 октября князь Дмитрий, соперник Василия, прибывает в Новгород Великий. Война в этих условиях становится неизбежной. Позиция и действия новгородцев нарушали установившийся еще со времен Всеволода Большое Гнездо сюзеренитет великого Владимирского князя.

1273 год – Князь великий Василий начинает военные действия против новгородского Торжка: «Пожже Торжек и наместники своя посади в нем». Семен – воевода великого князя «плени власти Новгородския и возвратися со многим пленом в Володимер к великому князю Василью Ярославичю».

На помощь себе великий князь Василий призывает и ордынские войска: «Князь великий Василей Ярославич с великим баскаком Володимирским Иаргаманом, и со князем Айдаром и со многими Татари царевыми воеваша Новгородские власти, и возвратишася со многим полоном в Володимир». В военных действиях принял участие и союзник Василия, его племянник тверской князь Святослав Ярославич. Он «идеет с Татари царевыми, и воеваша Новгородские власти: Волок, Бежичи, Вологду, и со многим полоном возвратишася во Тферь»¹⁵.

1273 год – «того же лета в Новгороде бысть хлеб дорог, а гости Новгородские, кои быша в Володимири, и во Твери и на Костроме, поимаше всех и ограбиша»¹⁶. Против новгородцев, как мы видим, ведутся не только военные действия, но предпринимаются и экономические меры, приведшие к росту цен на хлеб в северном городе.

1273 год – князь Дмитрий Александрович, сам отправившись с новгородской ратью в Тверь, «в Володимир к великому князю Василью Ярославичю посла Семена Михайловича, Лазаря Моисеевича и Стефана Душиловича, глаголя, «чтобы еси Новгорода не хотел, а что Новгородское взял, а то бы еси отдал; а что естя Новгородские гости грабили, а вы бы все гости Новгородские отпустили в Новгород, с всем их товаром, безо всякия зацепки, а с нами бы естя жили в мире и в любви». Но князь Василий послов с честью отпустил, но мира не дал.

1273 год – «Смутишася Новгородцы, и бысть страх и трепет великий на них, глаголюще: отъвсюду нам горе! Се князь великий Володимирский, а се князь великий Тферский, а се великий баскак царев с Татари, и вся Низовская земля на нас» и восхотеша великого князя Василья Ярославича, а князя Дмитрея Александровича начаша отметатися. Новгородцы же послаша к великому князю Василью Ярославичю с челобитьем, зовущь его к себе в Новгород»¹⁷. Таким образом, великий князь Владимирский Василий Ярославич Костромской утвердился в Новгороде Великом.

1275 год – Великий князь Василий отправляется в Орду.

1276 год – «Князь великий Василей Ярославич прииде из Татар во Володимир».

Таким образом, пять раз Никоновская летопись называет город Владимир как место пребывания великого князя; место, куда приходит он из военных походов с полоном и из Орды. И ни разу не упоминается Кострома.

Кроме того, известно, что в 1274 году при великом князе Василии Костромском и Митрополите Киевском и всея Руси Кирилле произошло важное событие в истории Русской церкви – во Владимире был созван Церковный собор по вопросам укрепления христианской веры и борьбы с языческими верованиями¹⁸.

Все пять лет великого княжения Василия Ярославича были наполнены важными событиями, о которых повествуют нам русские летописи, и утверждение, что Кострома была местом безвыездного пребывания князя, не имеет подтверждений в письменных источниках.

Какие все же были основания у костромских краеведов XVIII-XIX вв. для выводов о Костроме как столице великого Владимирского княжества?

Дело в том, что в летописях имеются сведения о поездке в 1270-1271-х годах в Золотую Орду великого князя Владимирского Ярослава Ярославича Тверского, родного брата его Василия Ярославича Костромского и племянника их князя Переяславского Дмитрия Александровича. Судя по решениям, которые были приняты в Орде, цель поездки заключалась в назначении законного наследника великого князя Ярослава Ярославича.

Здесь следует сделать небольшое отступление и пояснить, что где-то со второй половины XI века на Руси было введено лестничное право наследования престола, то есть по горизонтальной линии, поочередно от старшего брата к младшему. При пресечении линии братьев престол переходил к старшему сыну старшего брата. Традиционно, по родовому порядку наследования, после великого князя Ярослава Ярославича Владимирский престол должен был достаться его младшему брату Василию Ярославичу Костромскому. И уже после него следовали сыновья Александра Нев-

ского, являвшегося когда-то старшим среди Ярославичей, – Василий и Дмитрий. Смерть князя Василия Александровича как раз в 1271 году открывала для Дмитрия Переяславского путь к великокняжескому трону. Но в период владычества Золотой Орды, когда ханы стали вмешиваться в порядок передачи верховной княжеской власти, решающее значение стало иметь ханское решение и ханский ярлык.

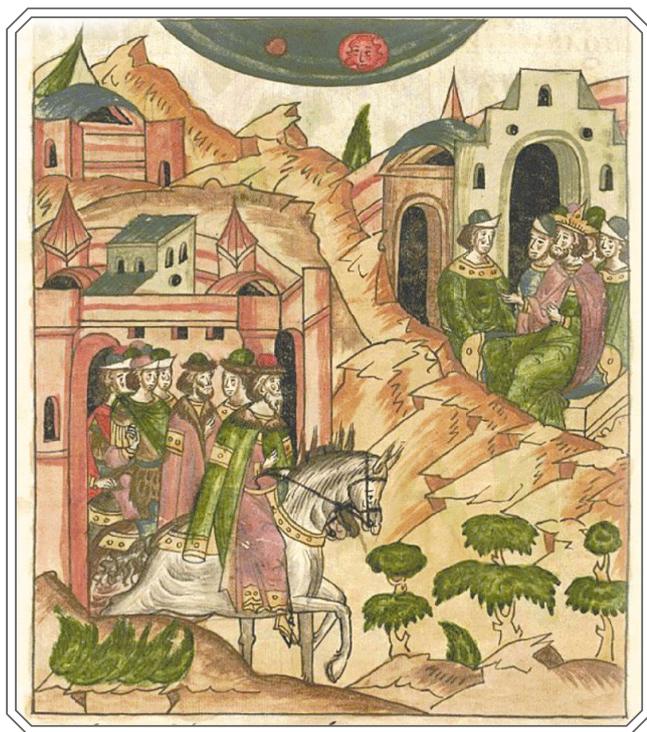
В 1271 году Василий Ярославич, по ханскому определению Менгу-Тимура, должен был наследовать великое княжение и оставаться только Костромским князем, а Дмитрий Александрович Переяславский получал город Владимир, но не великое княжение¹⁹. Таким образом, в будущем, став великим князем, Василий Ярославич не имел бы возможности княжить из стольного града Владимира, а вынужден бы жить в Костроме, которая по месту пребывания великого князя стала бы столицей Северо-Восточной Руси. Вопрос этот был решен в духе старой политики внука Чингисхана монгольского императора Гюка (1206-1248 гг.), который когда-то, в пику хану Бату, назначал

правителем Северо-Восточной Руси того, кто меньше всего устраивал хана Золотой Орды. Например, в 1247 году Гюк сделал Александра Невского, старшего в роду брата, великим князем «на всю Русскую землю», посадив его в разоренном Киеве, а младшему брату его Андрею отдал Владимирский престол²⁰. Ордынский принцип «разделяй и властвуй» проявлялся и позже: в 1328 году хан Узбек разделил территорию Владимирского великого княжества на две части, отдав Новгород Великий и Кострому великому князю Владимирскому Ивану Даниловичу Калите, а сам Владимир и Поволжье – Суздальскому князю Александру Васильевичу²¹.

По неизвестным нам причинам решение хана Менгу-Тимура 1271 года не было осуществлено, и в 1272 году посажение на великий престол Василия Ярославича произошло именно во Владимире, о чем рассказывают все летописи. Но эти документальные свидетельства, видимо, не были взяты во внимание костромскими краеведами. Проигнорировали они и мнение корифея нашей исторической науки Сергея Михайловича Соловьева, который в своем труде «История России с древнейших времен» (первый том вышел в 1851 году), повествуя о годах великого княжения нашего Костромского князя, отмечал: «Кратковременное пятилетнее правление Василия Ярославича не позволило ему усилить Костромское княжество»²². Усилить не только экономически, а главное политически, чтобы вступить в борьбу за первенство, за право называть столицей великого княжества его удельный город Кострому.

Чтобы окончательно ответить на поставленный вопрос – Владимир, стольный град Северо-Восточной Руси, или Кострома – центр удела Василия Ярославича, были в его великое княжение главным городом, необходимо обратиться также к определенной системе отношений, сложившихся в древнерусском обществе, к сущности понятий и взаимоотношений: стольный град – пригород; великий Владимирский князь – удельный князь.

Обладание титулом великого князя Владимирского – «старейи всем князем в русском

Поездка в 1271 году князей в Орду. Миниатюра Лицевого летописного свода XVI века.

языце» – предоставляло претенденту великое княжение всей Русской землей – владение почти третью территории Древней Руси, верховное право на земельную собственность, на сбор с княжеств и земель общерусской дани. Экономические прерогативы рождали и политические – высокое положение великого Владимирского князя по отношению к другим князьям и их подчиненность ему. На протяжении XIII-XIV веков титул великого Владимирского князя передавался по наследству между сыновьями первого носителя этого титула Всеволода Большое Гнездо и их потомками. На престоле во Владимире сидели Константин Всеволодович князь Ростовский, Ярослав Всеволодович князь Переяславский, Александр Ярославич (Невский) князь Переяславский, Ярослав Ярославич князь Тверской, Василий Ярославич князь Костромской, Андрей Александрович князь Городецкий, Михаил Ярославич князь Тверской и многие другие. Владея своими удельными княжествами, все они, после торжественного венчания в Успенском соборе Владимира, получали титул великого князя и садились на Владимирский стол.

Надо отметить, что реальная власть на Руси базировалась не только на деятельности князя и его личной дружины, но и на политике боярского окружения, а также городского вече. Ко времени великого княжения Василия Ярославича Костромского во многих старейших городах Северо-Восточной Руси – Владимире, Ростове, Суздале – существовало крепкое в экономическом и политическом отношении боярство, защищать и исполнять интересы которого великий князь был вынужден. Перенос столицы из Владимира в любой другой город был бы чреват взрывом борьбы. Еще не забылись времена острого противостояния самого Владимира за первенство со старшими городами Ростовом и Суздалем во времена князя Андрея Юрьевича Боголюбского.

Город Владимир – столица великого княжества – стал к этому времени значительным экономическим, политическим и общерусским духовным центром. Не пройдет и 25 лет после кончины Костромского князя Василия Яросла-

вича, как во Владимир на Клязьме из Киева переедет Митрополит всея Руси Максим – глава Русской Православной церкви²³.

Примечания

1. Лаврентьевская летопись / Полное собрание русских летописей, изданное по высочайшему повелению Археографической Комиссии. Т. 1. – СПб., 1846. – С. 201 (далее – ПСРЛ). Симеоновская летопись / ПСРЛ. Т. 18. – СПб., 1913. – С. 74.
2. Кострома / А.Ф. Щекатов. Словарь географический Российского государства. – М., 1804. – С. 772-786.
3. Великие и удельные князья Северной Руси в татарский период с 1238 по 1505 г. Биографические очерки по первоисточникам и главнейшим пособиям А.В. Экземплярского. Т. 1. – СПб., 1889. – С. 44. Т. 2. – СПб., 1891. – С. 266.
4. История о первоначалии и происшедствиях города Костромы до учреждения наместничества, сочиненная тогда костромского дворянства предводителем секунд-майором Николаем Сумароковым / Российский государственный архив древних актов. Ф. 196. Оп. 1. Д. № 1639. Л. 28 об.
5. Взгляд на историю города Костромы, составленный трудами князя Александра Козловского. – М., 1840. – С. 17-18.
6. Миловидов И.В. Очерк истории Костромы с древнейших времен до царствования Михаила Федоровича. – Кострома, 1886. – С. 41-43.
7. Скворцов Л.С. Материалы для истории города Костромы. Часть 1. – Кострома, 1913. – С. 25.
8. Васьяков И.К. Собрание исторических известий, относящихся до Костромы. – М., 1792. – С. 12.
9. Троицкая летопись / ПСРЛ. Т.1. – С. 227.
10. Летопись по Воскресенскому списку / ПСРЛ. Т. 7. – СПб., 1856. – С. 172.
11. Муравьева Л.Л. Летописание Северо-Восточной Руси кон. XIII – нач. XV вв. – М., 1983. – С. 30-31.
12. Летописный сборник, именуемый Патриаршею или Никоновскою летописью / ПСРЛ. Т. 10. – СПб., 1885. – С. 150 (далее – Никоновская летопись).
13. Татищев В.Н. История Российская. Т.V. – М.-Л., 1965. – С. 50.
14. Никоновская летопись / ПСРЛ. Т. 10. – С. 151.
15. Никоновская летопись / ПСРЛ. Т. 10. – С. 151.
16. Никоновская летопись / ПСРЛ. Т. 10. – С. 151.
17. Указ. Соч. – С. 151.
18. Воробьев М.Н. Митрополит Кирилл и Владимирский собор 1274 года / Исторический вестник № 5. 2000.
19. Янин В.Л. Новгородские посадники. – Москва, 1962. – С. 158.
20. Летопись по Воскресенскому списку / ПСРЛ. Т. 7. – С. 159.
21. Новгородская первая летопись младшего и старшего изводов. – М.-Л. 1950. – С. 469.
22. Соловьев С.М. История России с древнейших времен. Том III. – Москва, 1988. – С. 159-161.
23. Лаврентьевская летопись / ПСРЛ. – С. 208.

Костромской княжеский съезд XIII века

Одной малоизвестной, но важной страницей в истории города Костромы является Костромской княжеский съезд XIII века. «Съезд велик бысть, и съехашася князи, князь Борис и Глеб, князь Михайло Иванович, внук Всеволож, князь Дмитреи Александрович, князь Феодор Ростиславич и множество бояр, и епископ Игнатии, игумене и попове, и множество народа»¹.

Единственным источником об этом событии из опубликованных летописей является Симеоновская летопись – документальный памятник московского происхождения конца XV – начала XVI вв.

А.А. Шахматов – исследователь русских летописей.

Открытая и названная крупнейшим русским ученым Алексеем Александровичем Шахматовым, Симеоновская летопись² ценна тем, что включает в себя текст пергаменной Троицкой летописи начала XV века, сгоревшей во время Московского пожара 1812 года³. По мнению ученых, Симеоновская летопись может быть использована для восстановления утраченных мест Лаврентьевской летописи – одного из самых ранних летописных памятников Северо-Восточной Руси.

Что же может рассказать нам Симеоновская летопись о событиях в Костроме, об участниках княжеского съезда XIII века, по какому поводу он собрался и какое значение имел в Костромской истории и истории великого княжества Владимирского?

В конце 1276 года умер Василий Ярославич, князь Костромской, сидевший на великокняжеском Владимирском столе 5 лет, с 1272 года. Чтобы проводить его в последний путь, в Костроме – центре его удельного княжества – собралось множество народа: князья – родные и двоюродные племянники Василия Костромского; епископ Игнатий, венчавший в 1265 году брак князя Василия с литовской княжной; костромские священники, которые вместе с князем Василием приносили в город явившуюся ему чудотворную Феодоровскую икону Божией Матери; и весь костромской люд, когда-то целовавший крест, присягая на верность своему удельному князю, сыну великого Владимирского князя Ярослава Всеволодовича. «Яко не слышати и пениа в плачи мнозе; ти тако проводиша и погребоша с многими слезами»⁴. В соборной церкви великомученика Феодора Стратилата, самого раннего христианского храма на Костромской земле, было погребено тело Василия Ярославича – первого князя в истории нашего города⁵.

Но состав Костромского съезда, перечень князей, присутствовавших при этом печальном событии, свидетельствуют, что не только оно было причиной столь высокого собрания. Дело в том, что бездетный князь Василий Костромской, «Мизинный» сын Ярослава Всеволодовича, был последним из его сыновей, сидевшим на великокняжеском Владимирском столе. Ярославичи, начиная с Андрея и Александра Невского и до последнего Василия, держали власть в своих руках около 40 лет.

Согласно сложившейся системе престолонаследия власть в великом княжестве Владимирском передавалась «по отчине к дедине», т.е. старейшему в роде по горизонтальной линии, от отца к старшему сыну, а далее – от брата к брату. Почивший Василий Ярославич Костромской был последним в горизонтальной линии сыновей Ярослава Всеволодовича, но не последним князем в горизонтальной линии внуков Всеволода Большое Гнездо. Крайним внуком был присутствовавший на съезде в Костроме князь Михаил, сын Ивана Всеволодовича Стародубского⁶. Он приходился двоюродным братом умершему Василию Костромскому и двоюродным дядей, приехавшим в Кострому князьям – Борису и Глебу Васильковичам, а также Дмитрию и Андрею Александровичам. Но князь Михайло Иванович, «внук Всеволож», был уже в преклонном возрасте и, как показали дальнейшие события, не претендовал на власть.

В начале 1277 года перед русскими князьями здесь, на Северо-Востоке Руси, остро встал вопрос о престолонаследии – кто будет великим князем Владимирским, представители какой княжеской линии будут обладать титулом «старейи всем князем в русском языке», кто сосредоточит в своих руках политическое, экономическое и военное старшинство среди князей?

Первым в перечне князей на Костромском съезде Симеоновская летопись называет 45-летнего Бориса Васильковича – князя Ростовского, вторым – родного брата его 39-летнего Глеба Белозерского. Оба они приходились сыновьями Василька Константиновича, замученного отрядом Батыев после поражения русской рати на реке Сити в марте 1238 года; оба были внуками великого князя Владимирского Константина Всеволодовича. Князь

Великий князь Владимирский Василий Ярославич Костромской.

Борис Ростовский, как и его дед Константин «Мудрый», был большим любителем книг. Начиная с 13-летнего возраста он неоднократно бывал в Орде, назывался «печальником земли русской» перед ханами, в 1245 году был свидетелем мученической кончины в Сарай-Бату деда своего – Михаила Всеволодовича, князя Черниговского, казненного по приказу Батыев. О его брате Глебе Белозерском летописи отзываются как о князе богобоязненном, не гордом, кротком и щедром, «многу милостню нищим, убогим, сиротам, вдовицам, маломощным подаваше, [...] церкви многи създа и украси иконами и книгами»⁷.

Вторую княжескую линию представляли на Костромском съезде Дмитрий Александрович, князь Переяславский, и брат его Андрей Городецкий – оба сына Александра Невского, внуки великого князя Владимирского Ярослава Всеволодовича. Им было в то время: старшему Дмитрию – 27, а Андрею – 20 с небольшим лет.

Таким образом, на съезде сложилось две княжеские коалиции, представители которых

Участники Костромского съезда выделены среди князей.

могли претендовать и, вероятно, желали стать великим князем Владимирским: ростовская – во главе с Борисом Васильковичем – и переяславская, глава которой Дмитрий Александрович, несмотря на свою молодость, был достойным продолжателем военных подвигов отца. Первых условно можно назвать Константиновичами, а вторых – Ярославичами, по именам сыновей Всеволода Большое Гнездо, потомками которых они являлись.

Несмотря на то, что Константиновичи, кроме их деда, не сидели на столе во Владимире, они не без основания могли рассчитывать на первенство, на получение титула великого князя. Ведь их дед Константин Всеволодович был старшим сыном Всеволода Большое Гнездо, а Ярослав только третьим. Да и Борис Василькович, старший из Константиновичей, являлся старейшим по горизонтальной линии Всеволодовых правнуков. Впервые за столетие потомки Константина Всеволодовича стали претендовать на великое княжество Владимирское и его земли. До этого, как отмечал историк В.А. Кучкин, прослеживалось четкое разграничение владельческих территорий Константиновичей и Ярославичей⁸.

Однако князья, собравшиеся в Костроме на съезд, не могли самостоятельно решить столь важный для них вопрос о власти. Начиная с середины XIII века наследование великого Владимирского престола и удельных княжеских владений находилось под контролем завоевателей Руси – золотоордынских ханов. Русские князья, в том числе и великий Владимирский, вынуждены были ездить в Орду и получать у хана ярлык (разрешение) на право княжения. В это время в Золотой Орде правил внук Ба-

тя хан Менгу-Тимур, а сама Орда была официально объявлена независимым от Монгольской империи государством.

Более тесные связи с Ордой сложились у ростовских князей. Глеб Василькович, князь Белозерский, как сообщает Симеоновская летопись, «от уности своя, по нахождении поганных татар и по пленении от них Русския земля, нача служити им и многи христианы, обидимыя от них, избави и печалныя утешая»⁹. С Ордой он был связан и родственными узами: в 1257 году он женился на татарской царевне – внучке Батыя, дочери хана Сартака, крестившейся в православие с именем Феодора¹⁰.

Среди присутствовавших на Костромском съезде был и союзник ростовских князей Федор Ростиславич Чермный, князь Ярославский и Можайский, тоже имевший известное влияние в Орде. Талант военачальника, «мужество Федора», «умные речи и вежливое обхождение»¹¹ во время длительного пребывания в Орде принесли ему благоволение хана Менгу-Тимура и особенно ханши Джиджекхатунь. Кроме того, Федор Ростиславич имел, видимо, красивую внешность, о чем говорило его прозвище Чермный. В Орде он женился во второй раз, взяв в жены дочь хана Менгу-Тимура, принявшую православие с именем Анна. И как говорят летописи, князь Федор «всегда у царя предстоящее и чашу подаваше ему»¹².

Укрепляли положение Константиновичей и разногласия среди Ярославичей. Родной брат Дмитрия Александровича Андрей Городецкий вынашивал тайные планы самому сесть на великокняжеский стол, в обход старшего брата. Кроме того, он поддерживал ростовскую коалицию князей. Не пройдет и пяти лет, как

он, при помощи татар, попытается завладеть великим княжением Владимирским, силой отобрать власть из рук Дмитрия Александровича.

Сложившаяся наследственная ситуация, разногласия князей, необходимость для Константиновичей обосновать и усилить свои позиции привели к событию «исключительному», как считает Ю.А. Лимонов¹³, для истории Северо-Восточной Руси – княжескому съезду в Костроме в конце 1276 – начале 1277 года. Анализ летописных известий показывает, что практики и традиции таких съездов, особенно в условиях ордынского господства, на Руси в то время не было. Ни один источник не сообщает о княжеских съездах, предшествовавших утверждению или получению в Орде ярлыка на великое княжение Владимирское. Их не было перед отъездом в Орду князя Ярослава Всеволодовича – первого из северо-восточных князей получившего ярлык после Батыева похода; его брата Святослава Всеволодовича и сыновей Ярослава – Александра Невского, Андрея Суздальского, Ярослава Тверского и Василия Костромского, т.е. всех великих князей за период от «Батыева погрома» 1238 года и по 1277 год.

Летописи не донесли до нас всех подробностей Костромского съезда, как решался на нем вопрос престолонаследия, как договорились и договорились ли князья между собой? Но судя по тому, что первым в списке князей, участников съезда, назван Борис Василькович, больше шансов на успех имел именно он. Первым же его называют многие летописи – Симеоновская, Ермолинская, Воскресенская – в перечне князей, отправившихся после съезда в Орду. «Князи вси поидоша в орду: князь Борис Ростовский Василькович со княгинею и с детми, и брат его Глеб с сыном Михаилом, и князь Феодор Ростиславич Ярославский [...]. Также идее с ними в Орду и князь Андрей Александрович и инии князи мнози»¹⁴.

В Орде ханом Менгу-Тимуром должен был окончательно решен вопрос о Владимирском великом престолонаследии. Историческая логика подсказывала, что больше шансов имел князь Борис Василькович. Но сложение сильной ростовской княжеской коалиции в Северо-Восточной Руси могло быть чревато опасными последствиями для ханского господства. Продуманная политика Орды всегда была направ-

лена на разъединение русских князей, на поддержку их владельческих раздоров и усобиц.

Но 16 сентября 1277 года в Орде, внезапно заболев, умирает глава княжеской коалиции Константиновичей – Борис Василькович: «Князь же Глеб плакался велми по брате своем. Княгиня же Марья, взявши тело князя своего, с сыном с Дмитрием повезе на Русь, и привезе в Ростов, и епископ Игнатии с игумены и попы, пев над ним, положиша и в церкви святыя Богородица Соборной, на левой стороне, месяца ноября в 13 [...] и плакался по нем весь град»¹⁵. Трудно сказать, что явилось причиной преждевременной смерти князя Бориса, но, несомненно, это событие значительно ослабило Ростовскую княжескую династию.

По приходу в Орду, «князи же вси со царем Менгутемрем поидоша в войну на Ясы, и приступиша Рустии князи ко Ясскому городу ко

Князь Дмитрий Александрович Переяславский.
Стенопись Архангельского собора
Московского Кремля.

славному Дедакову и взяша его»¹⁶. Участие русских князей в походах ордынских ханов было частью системы политического подчинения русских княжеств Орде. Поход на Северный Кавказ 1277 года, «на славный Дедаков», был одной из самых значительных кампаний русских княжеских дружин в составе ханского войска. Возможно, на Костромском съезде 1277 года обсуждался собравшимися князьями и этот важный вопрос. После победоносного похода «царь же Менгутемер добре почти князи Руские, и похвали их велми, и одарив их, отпусти коегождо во свою отчину»¹⁷.

Ярлык на великое княжение Владимирское ханом Менгу-Тимуром был отдан князю Переяславскому Дмитрию Александровичу. Через год после этих событий в Ростове умер Глеб Василькович¹⁸. Ростовская династия князей, потеряв своих старших в роду, сделалась несостоятельной в борьбе за власть.

Ярославичи, а точнее потомки Александра Ярославича Невского, заняли Владимирский престол, а позже, в XIV веке, великие Владимирские князья – Иван Данилович Калита, Семен Иванович Гордый, Дмитрий Иванович Донской – заложили основы Московской вели-

кокняжеской династии. В этот период складывается традиция проведения в Костроме, неизменно входившей в состав великого княжества Владимирского, съездов политического, военного и церковного значения. В 1317 году военные силы собирал на Костроме князь Юрий Данилович Московский в борьбе за великокняжеский престол с Михаилом Ярославичем Тверским¹⁹. В марте 1330 года в нашем городе проходил поместный собор северо-восточных епископов во главе с Митрополитом всея Руси Феогностом²⁰, а в 1360 году съезд в Костроме князей русских во главе с великим Владимирским князем Дмитрием Константиновичем решал вопрос о поимке новгородских разбойников и прекращении их разбоев на Волге²¹.

Примечания

1. Симеоновская летопись / Полное собрание русских летописей, изданное по высочайшему повелению Археографической Комиссией (далее – ПСРЛ). Т. 18. – СПб., 1913. – С. 75.
2. Симеоновская летопись названа А.А. Шахматовым по имени книжного редактора XVII века Никифора Симеонова – одного из владельцев рукописи.
3. Симеоновская летопись была для исследователя Троицкой летописи М.Д. Приселкова основным источником для ее восстановления.
4. Симеоновская летопись / ПСРЛ. Т. 18. – С. 75.
5. Летопись по Воскресенскому списку / ПСРЛ. Т. 7. – СПб., 1856. – С. 173.
6. Князь Иван Всеволодович в 1212-1213 гг., будучи 16-летним, участвовал в междоусобной войне братьев за Владимирский стол на стороне князей Юрия и Ярослава. В ходе этой войны впервые Кострома упоминается в русских летописях.
7. Симеоновская летопись / ПСРЛ. Т. 18. – С. 76.
8. В.А. Кучкин. Формирование государственной территории Северо-Восточной Руси в X-XIV вв. – М., 1984. – С. 121.
9. Симеоновская летопись. / ПСРЛ. Т. 18. – С. 76.
10. Лаврентьевская летопись. / ПСРЛ. Т. 1. – СПб., 1846. – С. 203. Летопись по Воскресенскому списку / ПСРЛ. Т. 7. – С. 161.
11. Митрополит Иоанн (Вендланд). Князь Федор (Черный); Митрополит Гурий (Егоров). Исторические очерки. – Ярославль, 1999. – С. 38-39.
12. Ермолинская летопись / ПСРЛ. Т. 23. – СПб., 1910. – С. 74-75.
13. Ю.А. Лимонов. Летописание Владимиро-Суздальской Руси. – Л., 1967. – С. 152.
14. Летопись по Воскресенскому списку / ПСРЛ. Т. 7. – С. 173. Симеоновская летопись / ПСРЛ. Т. 18. – С. 75. Ермолинская летопись / ПСРЛ. Т. 23. – СПб., 1910. – С. 90.
15. Симеоновская летопись / ПСРЛ. Т. 18. – С. 75.
16. Летопись по Воскресенскому списку / ПСРЛ. Т. 7. – С. 173.
17. Указ. Соч. – С. 173.
18. Симеоновская летопись / ПСРЛ. Т. 18. – С. 76.
19. Летописный сборник, именуемый Патриаршею или Никоновскою летописью / Т. 10. – СПб., 1885. – С. 175.
20. Акты социально-экономической истории Северо-Восточной Руси конца XIV – начала XVI вв. Т. III. – М., 1964. – С. 340-341.
21. Продолжение летописи по Воскресенскому списку / ПСРЛ. Т. 8. – С. 11.

Посажение на Владимирский престол Дмитрия Александровича Переяславского. Миниатюра Лицевого летописного свода XVI века.

Военные страницы истории древней Костромы

Военные страницы истории любого древнерусского города наполнены страданиями и бедствиями людскими. Независимо, связаны они с внутренними княжескими распрями или с защитой от внешнего врага. Всегда это не созидательная, а разрушительная история.

Первая страница военной истории города Костромы ведет нас к начальным десятилетиям жизни нашего города, когда он, еще молодой и строившийся, подвергся нападению Ростовского князя Константина, враждовавшего с родным братом Юрием за право занимать великокняжеский Владимирский престол. События 1213 года, когда наш город был сожжен, а население уведено в плен, носили трагический характер. Они могли привести к необратимым последствиям, к исчезновению Костромы с карты Древней Руси. Археологические исследования древнерусских поселений показывают, что многие из них не смогли преодолеть жестоких разрушений и восстановиться. С Костромой в начале XIII века так не произошло, наш город смог возродиться и продолжить поступательное развитие. Несомненно сказывалось важное экономическое и стратегическое расположение города, и связь через него с северными, богатыми солью и мехами, землями. Не однажды Костроме, как и другим древнерусским городам, придется пережить суровые испытания, самым тяжелым из которых был завоевательный поход хана Батыя.

Накануне этого страшного нашествия неизвестный автор «Слова о погибели Русской земли» с гордостью писал: «О светло светлая и украсно украшена земля Руськая и многими красотами удивлена еси». Но с декабря 1237 года наступило на Руси тяжелое лихолетье. Ее постигла катастрофа: полчища Монгольской

империи, возглавляемые внуком ее основателя Чингисхана Батыем (Бату), разорили великое Владимирское княжество, Переяславские, Юрьевские, Ростовские, Ярославские, Углицкие и многие другие земли. Превратив мощную Рязанскую крепость в пепелище, Батыевы отряды двинулись по льду реки Оки на север, к Коломне, где во время сражения погиб один из главных монгольских военачальников Кулкан, младший сын самого Чингисхана. По мнению некоторых исследователей, эта гибель не могла быть оставлена монголами без последствий. Гибель членов семьи Чингисхана наказывалась монголами с особой жестокостью: города стирались с лица земли, а население подвергалось тотальному уничтожению. Последствия гибели Кулкана под Коломной приобрели катастрофический для всей Северо-Восточной Руси характер¹. Нашествие Батыя было опустошительным. «Створися велико зло Суждальской земли, якоже зло не было ни от крещенья якоже бысть ныне. И убиен бысть Пахоми архимандрит монастыря Рожества святыя Багородица, да игумен Успенский, Феодор Спасьский, и прочии игумени и чернцы и черницы, и попы и дьяконы, от уного и до старца и суцаго младенца, и та вся иссекоша, овы убивающе, овы же ведуще босы и без покровен в станы свое, издыхающа мразом»², – так описал летописец разорение Северо-Восточной Руси.

Пали под ударами Москва – небольшой в то время городок, и Владимир – столица великого княжества, имевшая внушительные оборонительные сооружения. После их разгрома Батый разделил свое войско на несколько отрядов, чтобы пройти по всем зимним речным путям, ограбить и разрушить города – княже-

ские центры сопротивления и опоры ратной силы. Военный историк, профессор Вадим Викторович Каргалов предполагал, что Кострома была местом, где соединились татарские отряды, двигавшиеся от Ярославля и от Городца, вниз и вверх по Волге³. Никаких подробностей разгрома Ярославля и Костромы летописцы не оставили. Археологические раскопки в соседнем с Костромой Ярославле показали, что город был сильно разрушен и долго не мог оправиться: слои послемонгольского времени очень бедны находками.

Кострома, входившая в состав великого Владимирского княжения, вероятно, тоже познала на себе все тяготы Батыева похода. Самая ранняя из сохранившихся северо-восточных летописей – Лаврентьевская XIV века, к сожалению, не называет Кострому среди разоренных Батыем городов: «Татарове поплениша Володимер и поидоша на великого князя Георгия оканнии ти кровопийцы, и ови идоша к Ростову, а инии к Ярославлю, а инии на Волгу на Городец, и ти плениша все по Волзе доже и до Галича Мерьскаго»⁴.

Нужные сведения о нашем городе мы находим в Симеоновской летописи конца XV века: «Татарове же поплениша Володимер и поидоша на великого князя Юрья окааннии ти кровопивцы, овии идоша к Юрьеву, к Ростову, к Костроме, а инии идоша на Угличе Поле и к Кашину, и к Ярославлю, инии на Волгу и на Городец, и те все грады пленоваху все по Волзе, и до Галича Мерьскааго [...] несть места, несть сел целых, ретко, иже не воеваша на Суздальской земли, и взяша городовъ 14, опрочь слобод и волостей, и опрочь погостов, в един месяц февраль кончевающихся лету 6745-тому лету»⁵. Ближе к тексту Симеоновской летописи стоит сообщение Хронографа (сборник занимательных и нравоучительных сочинений по всемирной истории) 1599 года: «Окаянный же Батый еше воздвижеся воевати, и взяша 14 городов, и поидоша татарове к Юрьеву, и к Ростову, а инии и идоша к Переяславлю и к Кашину, а инии к Ярославлю и к Угличу, а инии на Волгу, на Кострому и на Плесо, и на Юрьевец и на Городец. И все грады плениша от Волги и до Галича»⁶. Таким образом, письменные до-

кументы подтверждают разорение Костромы в феврале 1238 года в числе 14-ти городов Залесских земель.

По данным венгерского монаха-миссионера Юлиана, побывавшего на Руси в самый канун нашествия Батыева, важнейшей целью монгольских завоеваний было продвижение на запад, захват Венгерского королевства и далее – завоевание Рима⁷. Для продолжения своего похода Батыю нужно было добиться подчинения русских князей, а также воспользоваться материальными и людскими ресурсами их княжеств и земель.

В марте 1238 года в сражении на реке Сити погиб великий Владимирский князь Юрий Всеволодович. После этого Батый с усилием взял Торжок, который запирает кратчайший путь к Великому Новгороду, остановил движение на северо-запад и повернул на юг. Завоевав центральную Русь, в декабре 1240 года Батый, после 9-дневной осады, захватил Киев – древнюю столицу Русского государства: «Взяша Киев Татарове и святую Софью разграбиша, и монастыри все, и иконы и кресты честныя и вся узорочья церковная взяша, а люди от мала и до велика вся убиша мечем, си же злоба приключися до Рожества Господня на Николин день»⁸. Ни одно русское княжество, ни один город не в состоянии были противостоять превосходившему численно, профессиональному войску монголо-татар. Русским городам, каменному строительству, ремесленному производству, торговым отношениям, сельским поселениям был нанесен сокрушительный удар. В огне пожаров погибли многие драгоценные памятники древнерусской литературы, письменности, иконописания.

После разгрома русских городов Владимирского княжества забота о восстановлении их легла на плечи севшего на престол Ярослава Всеволодовича, родного брата погибшего великого князя Юрия. Никоновская летопись рассказывает, как поднимались из пепла разоренные земли: князь «обнови землю Суздальскую, и церкви очисти от трупа мертвых и кости их сохранив, и пришельцы утеши, и люди многи собра, и бысть радость велика христианом»⁹.

Среди городов, возрожденных при великом князе Ярославе Всеволодовиче, была и Кострома, где возвели первую крепость. «Укрепление» города в столь тяжелое для Руси время было значимо для его жителей. Строительство крепости в нашем городе – важная страница его военной истории. И хотя фортификационные сооружения первой костромской крепости прослеживаются лишь археологически¹⁰, можно предположить, что все возможности, как естественного, так и искусственного характера, были использованы для строительства крепостной защиты костромичей. Крепость занимала высокий берег Волги, мыс при впадении в нее рек Костромы и Сулы. Природные крутые склоны коренного берега были укреплены деревянной стеной, о конструктивных особенностях которой говорить невозможно при отсутствии археологических свидетельств. Раскопки в других древнерусских городах показывают остатки или следы деревянных стен столбовой конструкции или частокола – простейшего типа крепостной стены. Заостренные «столпие» или тын, согласно летописям, имели 3-4 метра в высоту. Въезд в крепость устраивался чаще всего один, через деревянную проездную башню¹¹. Стены возвышались на земляном валу, который вместе с вырытым перед ним рвом имел важное значение в системе укреплений города. В ходе археологических раскопок в Костроме удалось проследить ров, вырытый со стороны Волги на участке более покатого склона. Он был внушительных размеров – шириной до 18 метров и глубиной до 4-х, имел в поперечном сечении форму трапеции. Ров располагался перпендикулярно руслу реки Сулы, впадавшей в Волгу, и заполнялся водой из рек. Как уже отмечалось, исследователи определяют площадь первой костромской крепости немногим более 1 гектара¹². Несмотря на то, что возведение костромской крепости относится уже ко времени после Батыева погрома, ей многое пришлось еще пережить: и вражду князей начала XIV столетия, и нападение новгородских ушкуйников.

Нашествие же Батыя было тоже лишь первым опустошительным вторжением в пределы Северо-Восточной Руси. Только за 20-25 лет

Битва рати великого князя Юрия Всеволодовича с войском Батыя на реке Сити. Древнерусская миниатюра.

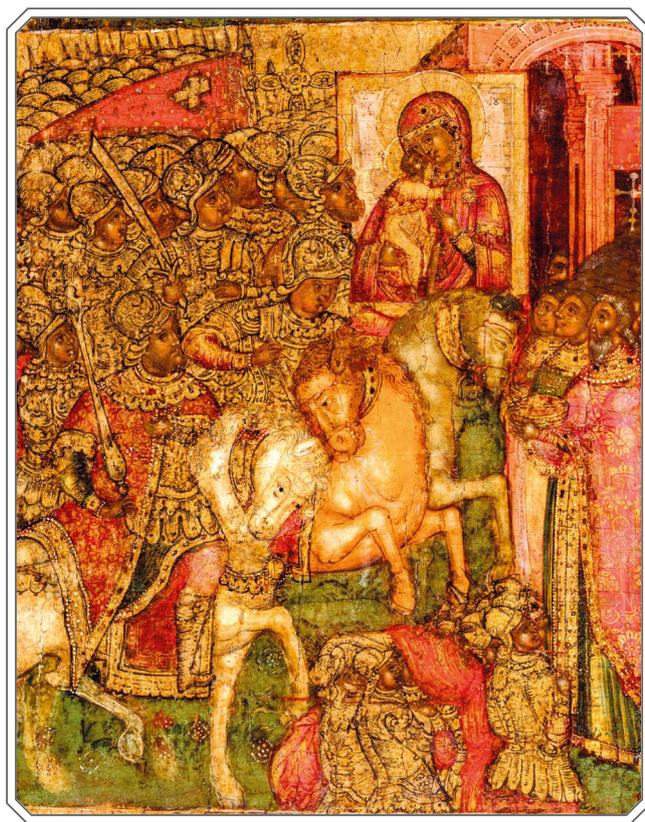
второй половины XIII века ордынцы более 15 раз разоряли территорию великого Владимирского княжества. Особенно тяжелой была так называемая «Дюденева рать» 1293 года, которую по разрушительным последствиям летописцы сравнивали с Батыевым погромом 1238 года. Ордынцы прошли от Муром до Волока Ламского «много пакости учиниша христианом, и много градов поимаша [...], а всех градов взяша 14, и всю землю пусту сотвориша»¹³.

В конце 50-х годов XIII столетия Русь была подвергнута переписи для упорядочения взимания налогов и установления финансового контроля Орды. Все русские земли, в том числе и далекий Новгород, были обложены 14 видами «ордынских тягостей», на первом месте среди которых значились «выход», или «ордынская дань»; таможенная пошлина «тамга»; военный налог – «кулуш», и другие. Сбор ордынской дани был отдан откупщикам – «бесерменам», в основном мусульманам – выходцам из Волжской Булгарии. Насколько этот сбор был тягостен, видно из слов Лаврентьевской летописи: «Избави Бог от лютого томленья бесурменьскаго люди Ростовския земля, вложи ярость в сердца крестьяном, не

терпяще насилья поганых»¹⁴. Произвол бесермен-откупщиков вызвал в 1262 году во многих русских городах смятение и выступления: «Созволивше вече, а выгнаша их из градов, из Ростова, из Володимеря, из Суждаля, из Ярославля, из Переяславля, окупаху бо тии оканнии бесерьмена дани у Татар, и от того пагубу велику творяху людем»¹⁵.

И хотя летописцы в списке восставших городов Кострому не называют, краеведы именно к этому времени относят битву костромичей с бесерменским отрядом на Святом озере. Об этих событиях подробно рассказывает костромской церковно-литературный памятник «Сказание о явлении и чудесах чудотворной Феодоровской иконы Божией Матери»: «Попусти Бог поганых татар...и многие грады повоеваша...иных много плениша и крови их проиляша». Борьбу костромичей против ордынского отряда, шедшего от Ярославля с полоном, возглавил 21-летний князь Василий Ярославич: «И поидоша проклятии агаряне от

**Возвращение войска в Кострому с победой.
Клеймо Феодоровской иконы
Божией Матери со сказанием.**

Ярославля града Волгою рекою на Кострому град...Приидоша близ града Костромы и сташа между двумя реками Волгою и Костромою в мысу...

Князь же повеле собрати все свое воинство. Князь Василий восприят с собою сию чудотворную икону и повеле ю нести честно». Место для сражения было выбрано «от града яко два поприща... у некоего езера». Противник начал теснить костромскую рать: «оружие свое извлекоша грешницы и напрягоша лук свой еже состреляти и заклати смиренныя и правыя сердцем, малое христианское воинство». В самый острый момент боя «внезапу от чудотворного образа Пресвятой Богородицы возсияша божественныя и пресветлыя лучи, паче солнечных луч и яко огонь попадающе и нападающе на них и пожигая татарския полки...и мнози от них ослепоша». Воодушевленные чудесной помощью Богородицы, костромичи напали на ордынский отряд и «побиша их многое множество, пленников же российских всех отполониша, и прослы то место святое»¹⁶.

Не подвели костромичи и в годину страшной опасности, когда Мамай выступил против Руси «яко лев ревый и яко медведь пыхаа». 8 сентября 1380 года неподалеку от впадения в Дон его правого притока реки Непрядвы скрестили оружие две огромные армии: русская армия под предводительством великого князя Московского Дмитрия Ивановича и войско Золотой Орды во главе с темником Мамаем. Грандиозное сражение закончилось неслыханным до тех пор поражением ордынцев. Благодаря объединению русских сил по призыву Москвы, «Русь великая одолеша Мамай на поле Куликове», как торжественно записано в «Задонщине» – одном из самых поэтических памятников, воспевавших победу на Куликовом поле.

«Когда услышали в городе Москве, в Переяславле, в Костроме, во Владимире и во всех городах великого князя, что пошел за Оку князь великий, настало в городе Москве унынье большое, и по всем пределам города поднялся плач горький», – читаем мы в «Летописной повести о побоище на Дону». На коломенский смотр, устроенный всем ратям перед сражени-

ем, вместе с ярославскими, владимирскими, угличскими, вологодскими полками прибыли и костромские. Получив княжескую грамоту о выступлении в поход, о месте и сроках сбора, костромская рать выступила под началом воеводы Ивана Родионовича Квашни: «Себе же князь великий взял под командование белозерских князей, и в полк правой руки назначил брата своего князя Владимира и дал ему под командование ярославских князей, а в полк левой руки назначил князя Глеба Брянского. Передовой же полк – Дмитрий Всеволодович да брат его Владимир Всеволодович, с коломенцами – воевода Микула Васильевич, владимирский же воевода и юрьевский – Тимофей Волуевич, а костромской воевода – Иван Родионович Квашня, переяславский же воевода – Андрей Серкизович. А у князя Владимира Андреевича воеводы: Данило Белеут, Константин Кононов, князь Федор Елецкий, князь Юрий Мещерский, князь Андрей Муромский»¹⁷.

Собравшиеся в Коломне войска были «уряжены» в 5 полков, у каждого из которых было несколько воевод: «Уже, братья, в то время полки ведут: передовой полк ведет Дмитрий Всеволодович да брат его князь Владимир Всеволодович, а справа руки полк ведет Микула Васильевич с коломенцами, а слева руки полк ведет Тимофей Волуевич с костромичами». Все подробности этих грозных событий доносит до нас «Сказание о Мамаевом побоище» – литературное произведение XV века, одно из самых увлекательных и торжественных повествований о победе Дмитрия Донского над Мамаем. «И сошлись грозно обе силы великие, твердо сражаясь, жестоко друг друга уничтожая. На том ведь поле сильные войска сошлись, из них выступали кровавые зори, а в них трепетали сверкающие молнии от блеска мечей. И был треск и гром великий от преломленных копий и от ударов мечей, так что нельзя было в этот горестный час никак обозреть то свирепое побоище. Ибо в один только час, в мановение ока, сколько тысяч погибло душ человеческих, созданий божьих!»¹⁸.

В самый ответственный момент битвы, когда «поганые же стали одолевать, а христианские полки поредели», вступил в бой засадный

**Куликовская битва.
Древнерусская миниатюра.**

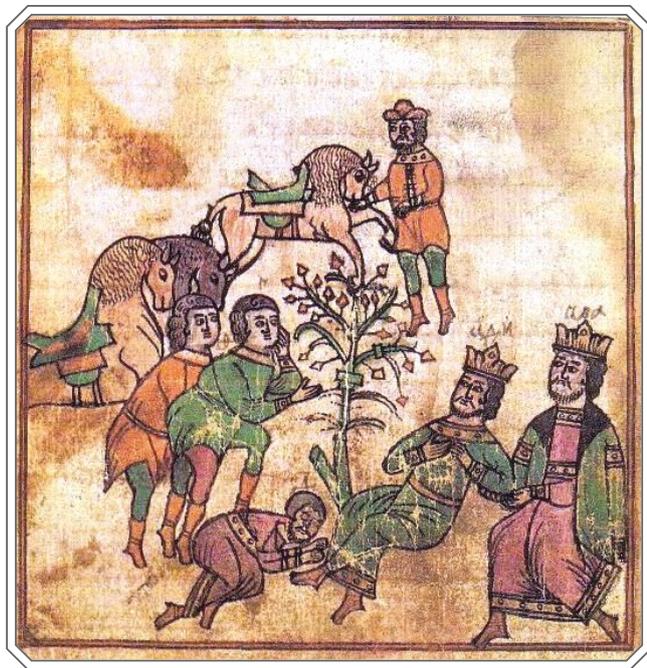
полк во главе с князем Владимиром Андреевичем: «Соратники же друзья выскочили из дубравы зеленой, словно соколы испытанные сорвались с золотых колодок, бросились на бескрайние стада откормленные, на ту великую силу татарскую; а стяги их направлены твердым воеводою Дмитрием Волынцем: и были они, словно Давидовы отроки, у которых сердца будто львиные, точно лютые волки на овечьи стада напали и стали поганых татар сечь немилосердно. Поганые же увидели свою гибель, закричали на своем языке, говоря: «Увы, нам, Русь снова перехитрила; младшие с нами бились, а лучшие все сохранились!» И повернули поганые, и показали спины, и побежали»¹⁹.

Несмотря на победу, тяжело было осознавать ее результаты: «Князь же Владимир Андреевич стал на поле боя под черным знаменем. Страшно, братья, зреть тогда, и жалостно видеть и горько взглянуть на человеческое кровопролитие: как морское пространство, а

трупов человеческих – как сенные стога: быстрый конь не может скакать, и в крови по колено брели, а реки три дня кровью текли».

Сам великий князь Дмитрий Иванович воевал как простой воин и был сильно контужен. Никто не мог найти его на поле битвы. «Два же неких воина отошли в правую сторону в дубраву, один именем Федор Сабур, а другой Григорий Холопищев, оба родом костромичи, немного отъехали они с побоища и нашли великого князя избитого, и тяжело раненого, и утружденного, лежал он в тени срубленного дерева березового. И увидели его и, слезши с коней, поклонились ему. Сабур же тотчас вернулся поведать о том князю Владимиру и сказал: «Князь великий Дмитрий Иванович жив и царствует вовеки!»²⁰. Оба костромича – Федор Сабур и Григорий Холопищев – названы в «Сказании о Мамаевом побоище» «великими витязями Русской земли». После Куликовской битвы, при сыне Дмитрия Донского великом князе Василии, Федор Иванович Сабур – потомок из рода Захарии, основателя Ипатьевского монастыря, занимал высокое боярское положение. Из боярского рода был и Григорий Холопищев, о котором известно, что в 1395 году он служил воеводой в Нижнем Новгороде.

Костромичи Федор Сабур и Григорий Холопищев находят князя Дмитрия у березы. Древнерусская миниатюра.

Дорого досталась победа русским. Возвратившись после преследования бегущего противника «каждый под знамя свое», они не досчитались очень многих. «И сказал князь Дмитрий Иванович: «Считайте, братья, скольких воевод и скольких служилых людей нет!» Говорит боярин московский, именем Михайло Александрович: «Нет у нас, государь, 40 бояринов московских, да 12 белозерских [...], да 40 бояринов серпуховских, да 20 бояринов переяславских, да 25 бояринов костромских, да 40 бояринов муромских, да 33 бояринов ростовских, да 15 бояринов углицких, да 20 бояринов галицких. А молодым людям счета нет...»²¹. Даже не всех погибших смог назвать летописец, тысячи простых русских ратников, проявивших бесстрашие и мужество в жарком бою с противником, остались безымянными.

Еще до Куликовской битвы Кострома прочно связала свою судьбу с Москвой. Русские летописи позволяют проследить этапы и время этого процесса, понять значение нашего города для будущей столицы Русского государства. События эти – важная страница военной истории Костромы. Начало их можно отнести к первой четверти XIV века, когда 27 июля 1304 года умер великий Владимирский князь Андрей Александрович Городецкий. Власть по сложившейся традиции престолонаследования должна была перейти к его двоюродному брату Тверскому князю Михаилу Ярославичу. На Владимирский престол, в нарушение лестничного права, стал претендовать и Московский князь Юрий Данилович: «И съпростася два князя о великом княжении». Для решения спора князья отправились в Орду. Никоновская летопись сообщает, что бояре Михаила Тверского «стерегоша тогда на Костроме великого князя Юрья Даниловича Московского, но он пройде иным путем ко царю в Орду». Костромские бояре, видимо, были на стороне князя Михаила, они схватили и увезли в Тверь князя Бориса Даниловича, родного брата князя Юрия, посланного им в Кострому с целью укрепления здесь своих позиций²². Пока князья решали свою судьбу в Орде, во многих городах – Костроме, Нижнем Новгороде, Переяславле Залесском – произошли столкновения сторонников двух враждовавших князей. В Костроме дело дошло даже до убийства: «Того

же лете бысть вече на Костроме на Давыда Явидовича, да на Жеребца и на иных, тогда же Зерна убиша Александра»²³. Александр Зерно был представителем крупнейшего костромского боярского рода, отец его Захария явился основателем династий Сабуровых, Годуновых и Вельяминовых-Зерновых.

В 1305 году Михаил Ярославич вернулся на Русь с ярлыком на великое Владимирское княжение, а в 1307 году утвердился и на Новгородском столе. Как отмечают историки, в первой четверти XIV века борьба между Москвой и Тверью шла с некоторым перевесом на стороне тверских князей, которые до конца 20-х годов XIV века являлись главными выразителями идеи единения русских земель под эгидой великого князя Владимирского. Периодом решающих успехов Москвы стала вторая четверть XIV столетия²⁴.

Но через 10 беспокойных лет, заполненных «сечами злыми», походами в Орду, борьба между князьями возобновилась. В 1317 году князь Юрий женился на сестре хана Золотой Орды Узбека – Кончаке, крестившейся в православную веру с именем Агафья. Получив высокий монгольский титул гургана – зятя Чингизидов, он пришел из Орды на великое княжение с послами татарскими «силных зело именем Кавгадыя, Астрабыла и Острева». Против них выступил великий князь Михаил с князьями Суздальскими, «собравъшеся со многими силами идоша противу их, и сretoша их у Костромы и стояша о Волзе долго время»²⁵. Долго стояли войска друг против друга на противоположных берегах, пока не примирились, Михаил Тверской уступил великое княжение Юрию: «Аже дал царь тебе великое княжение, то и азъ отступаюся тебе, княжи [...], но в мою опришнину не вступайся, и распусти вся воя своя, и поиде во свою отчину с домочадци своими»²⁶.

Но со стороны князя Юрия это примирение было только внешним. Осенью 1317 года Кострома стала местом соединения всех сил Юрьевых. «Князи Суздальстии [...] идоша к нему на Кострому, и многи силы идоша к нему на Кострому»²⁷. Объединенное войско в начале зимы двинулось из Костромы через Ростов к Твери. «И бысть сеча зла [...] и одоле князь Михайло [...] победи силу великую княж Юрьеву»²⁸. Князь Юрий с женой и ханским послом

были взяты в плен. Между князьями вновь была достигнута договоренность: ехать в Орду для решения спорного вопроса. В связи с этими событиями и гибелью в Твери сестры хана Кончаки-Агафьи в 1318 году хан посылает на Русь войско во главе с послом Кокча – «посол лют» – «и убил сто и двадесять человек у града у Костромы» и «оттоле шед пограби город Ростов, и церковь святую Богородицу разграби, и монастыри пожже, и села и люди плени»²⁹.

22 ноября 1318 года в Орде князь Михаил Ярославич Тверской был зверски убит – «горд еси и непокорив царю нашему»³⁰. Великокняжеский Владимирский стол теперь уже законно перешел в руки Московского князя Юрия Даниловича. События борьбы двух князей говорят о важной роли Костромы в их действиях.

Орда не только активно вмешивалась в межкняжеские отношения, но и кроила территорию великого Владимирского княжества в зависимости от своих интересов. Экономическое и политическое усиление князей, занимавших стол во Владимире, было, конечно же, чревато опасными последствиями для господства ордынских ханов. После тверского восстания 1327 года, вызванного насилием ордынского посла Щелкана, хан Узбек делит все великокняжеские земли на две части и отдает «князю Ивану Даниловичу Новгород и Кострому, половину княжения, а суждальскому князю Александру Васильевичу дал Володимер и Поволжье»³¹. Показательно, что Кострома, во все времена тесно связанная с Владимиром и являвшаяся по существу великокняжеским городом, была отдана Московскому князю Ивану Даниловичу Калите. Такое деление просуществовало до смерти Александра Васильевича Суздальского в 1332 году, после чего Иван Данилович Калита в одну из своих поездок в Орду получил власть над всей «Русьскою землею».

В XIV столетии Кострома страдала не только от ордынских опустошительных походов и княжеских разорительных войн, но и от внутренних разбойников, таковыми на Руси в этот период были новгородские ушкуйники. Это была такая своеобразная новгородская вольница, получившая свое название от ушкуев – небольших судов, на которых они передвигались по рекам. Считается, что это были не дикие разбойники, а специально сформиро-

ванные новгородскими боярами дружины из числа людей без определенных занятий, но воинственных и желавших обогатиться за счет грабежей. Отряды ушкуйников были весьма многочисленными и подвижными, состояли из нескольких тысяч человек.

Появились ушкуйники давно, но на протяжении с XII и до середины XIV века основной территорией их действий был север Руси. Лишь в 1360 году они объявились на Волге, где начали опустошать селения и города, и совершили свой первый набег на ордынский город Жукотин, стоявший на Каме, и перебили там татар. Хан Хызр потребовал от Дмитрия Константиновича Суздальского, в то время великого князя Владимирского, поимки и выдачи этих ушкуйников. На Русь были отправлены три посла, которые вместе с великим князем и прочими князьями съехались в Кострому, где приняли решение о поимке всех разбойников и о пресечении их разбоев по Волге. Ушкуйники были схвачены, переправлены в Орду, где их ожидала участь быть проданными в рабство³².

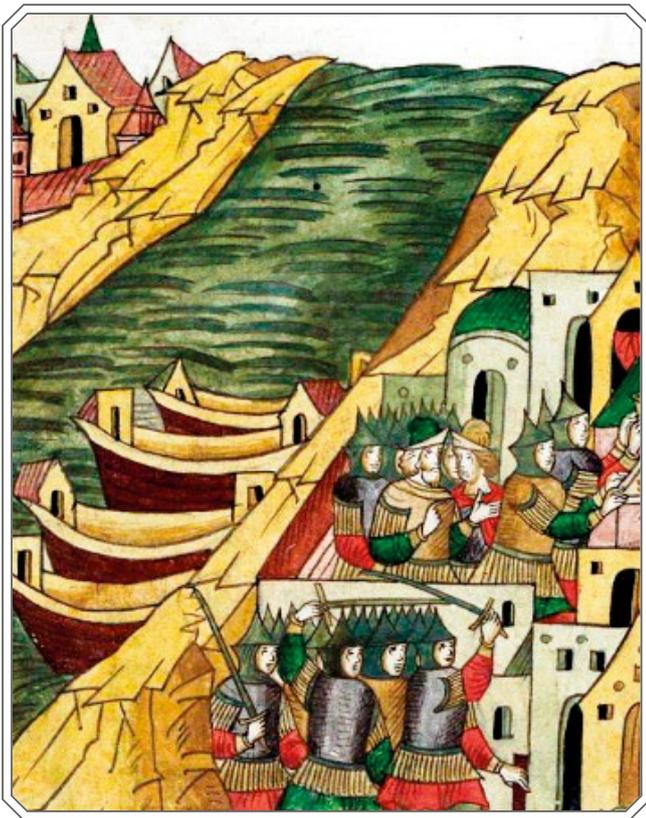
Великий князь Владимирский Иван Данилович Калита. Миниатюра из Царского титулярника XVII века.

Но грабительские походы ушкуйников по Каме и Волге не прекратились, и в 1371 году, как сообщают русские летописи, они подступили и взяли Кострому: «Того же лета ушкунцы разбойницы Великаго Новагорода пришедше взяша Кострому»³³. Подробностей этого костромского погрома, как и ограбления соседнего Ярославля, летописцы нам не оставили.

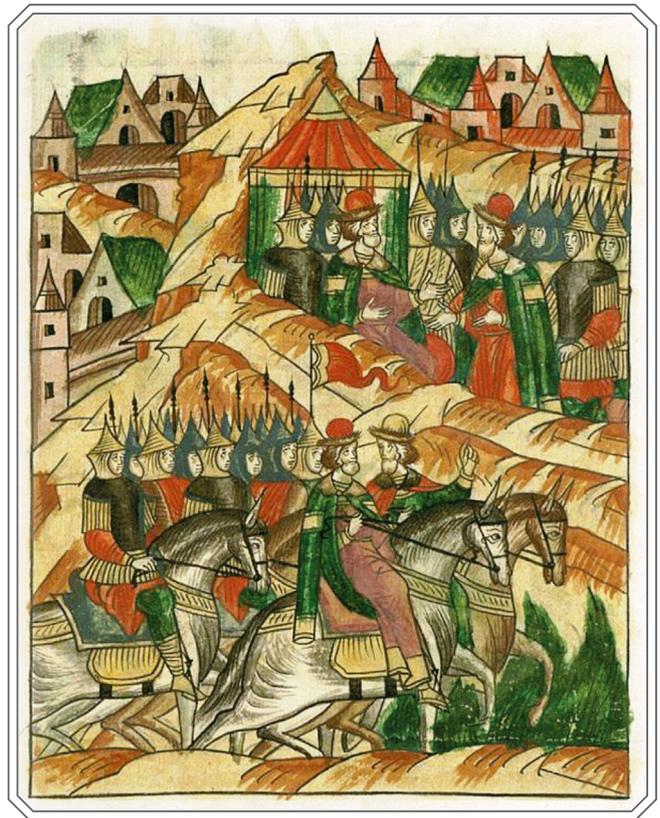
Более детально из документальных источников, а именно из Воскресенской летописи, известно о следующем походе новгородских разбойников 1375 года. В Кострому, по реке же Костроме, они пришли на 70 ушкуях под началом воевод Прокофея и Смолнянина «и пришедша и стаха ополчившеся на брань». «Гражане» Костромы решили принять бой под руководством воеводы Александра Плещея. Ушкуйники, видя, что силы неравны, и их числу в 2000 разбойников противостоят 5000 костромичей, придумали маневр: «Разделишася Наугородцы на две части: едину половину пустиша лесом втаю, и обойдоша около по мождеелнику и удариша на Костромичь в тыл, а друзии в лице к ним». Воевода Плещей, «виде бывшее», позорно испугался «и не ста противу их на бой, ни рати своей повеле, но выдав рать свою и град покинув, побеже». Победа досталась ушкуйникам, костромичи же, «видевше воеводу своего, и не бивше же ся побегоша», разбежались по лесам, часть же из них была пленена. Разбойники вошли в город, «ником не брегоша, а заборони не бе ему ни откуды», то есть никем не охраняемый и открытый для грабежа. Целую неделю они стояли в Костроме, «и разграбиша вся», «обретоша вся скровеннаа в нем и всяк товар изнесоша». Награбленного было так много, что «лучшее и легчайшее то поимаша, а что тяжкое, излишнее, то в Волгу вметаша, а иное пожгоша». Но не только материальные ценности интересовали разбойников, но и люди, представлявшие тоже продаваемый товар: «множество народа христианского плениша, мужей и жен и детей, отрок и девиц, и поправадиша с собою».

Вслед за Костромой по Волге ушкуйники разграбили Нижний Новгород «тамо много же зла створиша [...] з женами и з детми в полон поведоша, а товар их пограбиша». В Булгарах «полон христианский весь попродаша». Далее разбойники, двигаясь по Волге, решили идти

**Захват ушкуйниками Костромы в 1375 году.
Миниатюра из Лицевого летописного
свода XVI века.**

**Поход великого князя Дмитрия Донского
на Новгород в 1386 году. Древнерусская
миниатюра.**

к Сараю – столице Орды, но у устья Волжского их разбил «князь Хазьтороканский», то есть Астраханский Салчей. Поучительно создатель Воскресенской летописи отметил: «В ню же меру мерите, взмерится вам»³⁴.

Грабительские нападения новгородских ушкуйников на русские поволжские города не могли остаться без ответа со стороны великого князя Владимирского. В 1386 году князь Дмитрий Иванович Донской организовал поход на Великий Новгород, в котором приняли участие «вои» из 29 волостей, в том числе и Костромская рать: «Тое же зимы, в Филипово говенье, пред Рожеством Христовым, великий князь Дмитрий Иванович събрав воя многы, и поиде з братом своим Володимером Андреевичем и всеми князи Рускими на Новьгород Великий, волость и села воюючи и жгучи, дръжа гнев на Великий Новьгород и нелюбие великое про Волжан, что взяли разбоем Кострому и Новгород Нижний». Великий князь с войском встал в поле на расстоянии 15 верст от Новгорода

и намерения его были самые боевые. Трижды власти новгородские выслали послов для переговоров «с челобитьем о миру, а кровопролития бы не было». Владыка Новгородский Алексей с сыном посадническим Климентом Васильевичем принесли весть от горожан о согласии выплатить «осмь тысящ рублев». Но князь Дмитрий Иванович был непреклонен, как предупредил владыка Алексей новгородцев, «великий князь миру не дал, а хочет ити на Новьгород, и вы держите опас». В городе начался «переполох велик», готовясь к схватке с княжеской ратью, новгородцы пожгли окрестности города – 24 монастыря, 6 деревянных церквей; в Плотническом, Людином и Неревском концах «у всякие улицы вне города все хоромы пожгли».

И только третьи послы из двух архимандритов, семи попов и пяти человек «житейских с конца по человеку» добились желаемого решения: «Мир взяли по старине, а за винные люди dokonчали, за Волжан и хто в путь с ними

ходилось восемь тысяч рублей и черный бор князю великому с них взяти». Великий князь Владимирский Дмитрий Иванович Донской, наказав новгородцев и «мир взять» с ними, возвратился в Москву³⁵.

При великом князе Дмитрие Ивановиче Московском Кострома приобретает важное стратегическое значение. Крепнущее Московское княжество, отрезанное от всех магистральных путей и особенно от волжского пути, находилось в худшем положении по сравнению с соперничающими городами – Тверью, Рязанью, Новгородом Нижним. Кострома была превращена князем Дмитрием Ивановичем в опорную базу против Твери и обоих Новгородов. «Трудно указать более удачный выбор места для стратегической базы, чем Кострома», – писал академик Борис Александрович Рыбаков. Расположенный в 300 км от Москвы, город связывал Москву с Галичем, солью Галицкой – важными соледобывающими центрами Руси, и через Тотьму с Устюгом Великим. Через наш город, по реке Костроме, проходили пути в богатое новгородское Заволочье. Кострома давала возможность использовать волжский путь в обход Оки, занятой Рязанью, соперничавшей с Москвой. Московские князья, отправляясь в Золотую Орду за ярлыком на великое княжение, иногда шли через Кострому. Кроме того, город Кострома, оседлая Волгу, держал все тверские пути и обходной путь новгородцев по реке Костроме. Не случайно именно в нашем городе укрылся от ордынского хана Тохтамыша в 1382 году Дмитрий Донской с семьей, а позже, в 1408 году, – его сын Василий Дмитриевич во время нашествия на Москву темника Едигея³⁶. Побывав в Костроме, великий князь Василий позднее дал разрешение на строительство новой, более мощной крепости на высоком берегу Волги.

В 60-е годы XIV столетия, когда ясно обозначился политический упадок Орды и процесс консолидации территорий на русском Северо-Востоке взял верх, внук Ивана Даниловича Калиты, московский князь Дмитрий Иванович, «всех князей русских привоужаша под свою волю, а которых не повиновахуся воле его, а на тех нача злобою посегати»³⁷. При нем произошло воссоединение в единое целое великого княжества Владимирского и

Московского, и Кострома как составная часть великокняжеской Владимирской территории вошла в состав этого нового объединения, а по существу, стала частью территориального ядра будущего Московского государства.

Примечания

1. Майоров А.В. Монголо-татары и князья Северо-Восточной Руси / Вестник Удмуртского университета. 2013. Вып. 3. – С. 28-36.
2. Лаврентьевская летопись / Полное собрание русских летописей, изданное по высочайшему повелению Археографического Комиссии. Т. 1. – СПб., 1846. – С. 197-198 (далее – ПСРЛ).
3. Каргалов В.В. Внешнеполитические факторы развития феодальной Руси: Феодальная Русь и кочевники: учебное пособие для студентов исторических факультетов. – М., 1967. – С. 97.
4. Лаврентьевская летопись. Указ. соч. – С. 198.
5. Симеоновская летопись / ПСРЛ. Т. 18. – СПб., 1913. – С. 45.
6. Насонов А.Н. История русского летописания XI-начало XVIII века. Очерки и исследования. – М., 1969.
7. Майоров А.В. Монголо-татары и князья Северо-Восточной Руси. Указ. соч. – С. 28-36.
8. Лаврентьевская летопись. Указ. соч. – С. 201.
9. Летописный сборник, именуемый Патриаршей или Никоновской летописью / ПСРЛ. – СПб., 1885. Т. 10. – С. 113.
10. Археология Костромского края. Кострома, 1997. – С. 207.
11. Древняя Русь. Город, замок, село. – М., 1985. – С. 167-170.
12. Археология Костромского края. Указ. соч. – С. 207.
13. Летопись по Воскресенскому списку. ПСРЛ. Т. 7. – СПб., 1856. – С. 180.
14. Лаврентьевская летопись. Указ. соч. – С. 204.
15. Летопись по Воскресенскому списку. Указ. соч. – С. 163.
16. Сказание о явлении и чудесах чудотворной Феодоровской иконы Божией Матери / Государственный архив Костромской области (далее – ГАКО). Ф. 558. Оп. 2. Д. 374
17. Сказание о Мамаевом побоище. Лицевая рукопись XVII века из собрания ГИМ. – М., 1980. Лл. 43-97.
18. Сказание о Мамаевом побоище. Указ. соч. Л. 81.
19. Сказание о Мамаевом побоище. Л. 85.
20. Сказание о Мамаевом побоище. Указ. соч. Л. 92.
21. Сказание о Мамаевом побоище. Указ. соч. Л. 96.
22. Никоновская летопись. Указ. соч. Т. 10. – С. 175.
23. Там же. – С. 184.
24. Борисов Н.С. Московские князья и русские митрополиты XIV в. / Вопросы истории. 1986. № 8. – С. 34.
25. Никоновская летопись. Указ. соч. Т. 10. – С. 180-181.
26. Летопись по Воскресенскому списку. – С. 189.
27. Никоновская летопись. Указ. соч. – С. 181.
28. Летопись по Воскресенскому списку. – С. 188.
29. Никоновская летопись. – С. 181. Летопись по Воскресенскому списку. – С. 188.
30. Никоновская летопись. – С. 183.
31. Новгородская первая летопись младшего и старшего изводов. – М.-Л. 1950. – С. 469.
32. Памятная книжка Костромской губернии на 1862 год. – С. 224, 255.
33. Продолжение летописи по Воскресенскому списку. – С. 18.
34. Продолжение летописи по Воскресенскому списку. – С. 23-24.
35. Продолжение летописи по Воскресенскому списку. – С. 50-51.
36. Продолжение летописи по Воскресенскому списку / ПСРЛ. Т. 8. – С. 43, 47, 83, 297.
37. Продолжение летописи по Воскресенскому списку. – С. 12-14.

Название города Костромы

Мы живем в городе, который относится к числу древнерусских городов. Более восьми веков он украшает берега рек Волги и Костромы. Радостно, что, несмотря на годы, когда разрушались храмы и закрывались монастыри, переименовывались города и улицы, наш город сохранил свое древнее имя. Возможно, потому, что оно было по происхождению древнее ненавистного большевикам христианства и никак с ним не связано.

Версий о названии Костромы бесчисленное множество. По этому вопросу высказывали свои суждения и писатели-краеведы XIX века, и советские исследователи, и современные специалисты. В начале XIX столетия костромской краевед Леонид Петрович Скворцов – автор вышедшей в Костроме в 1913 году книги «Материалы для истории города Костромы»¹ собрал воедино все существовавшие в то время версии о названии Костромы, в начале же XXI века такую же работу провел историк-краевед, кандидат исторических наук Николай Александрович Зонтиков².

Попробуем и мы вслед за этими исследователями вспомнить основные версии названия нашего города Костромы. Одним из первых высказал свое мнение по этому вопросу костромской краевед князь Александр Дмитриевич Козловский в своем труде «Взгляд на историю города Костромы», вышедшем в 1840 году. По рассуждению автора, слово «костр», «кострум» по-латыни означает крепость, укрепленное место, а так как в далекие времена каждый город был крепостью, то это общее название «кострум» – крепость сохранилось за нашим городом. Автор пишет: «Всего же вероятнее наименование Костромы произошло от города Костра, бывшего в Ливонии, недалеко от Юрьева (ныне Дерпта), или замка Кошрума,

где после построен город Ревель. Такое предположение заслуживает внимания, т.к. вновь основанным городам князь Юрий давал названия одинаковые с городами Киевского княжения. «Сверх того, и сходство местоположения Костромы с замком Кошрум подтверждает эту истину: ибо замок Кошрум, нынешний город Ревель, расположен по морскому берегу, имея с двух сторон открытое море; подобным образом и под Костромою, к границе Ярославской губернии, верст на 30 в весеннее время, при соединении разлития рек Волги и Костромы, представляется в продолжение двух, а иногда и трех недель, подобно морю»³.

Многие древнерусские города, как и Кострома, имеют сходные названия с реками, на которых расположены, – Москва, Коломна, Вологда, Вязьма. Среди ученых нет единой точки зрения, что является первоначальным – название реки или города, и что от чего произошло. По этому вопросу очень подробно высказался Николай Александрович Зонтиков, сторонник происхождения названия города от реки. Автор исходит из общепризнанного вывода специалистов по топонимике, что названия рек, как правило, являются древнейшими среди географических названий, а названия одноименных с реками городов являются вторичными как раз по отношению к рекам, а не наоборот.

Сторонником противоположной версии был Леонид Петрович Скворцов. Критикуя гипотезу о названии города по реке Костроме, он отмечал: «Многие говорят, что город Кострома получил свое название от реки Костромы (как и Москва). [...] Вернее г. Кострома дал свое название реке, а не наоборот»⁴. В подтверждение своей версии он ссылаясь на известную летопись Воскресенского Солигаличского

монастыря, в которой говорилось, что «когда галичский князь Феодор Семенович, основатель Солигалича, в 1335 г. прибыл туда для построения Воскресенского монастыря, то не знал и не мог наведаться, какая река протекает тем местом, почему и построил лодку, чтобы узнать имя реки; посланныеплыли до г. Костромы и там узнали, что это река Кострома»⁵. Размышляя по этому вопросу, можно заметить, что река в жизни людей появлялась раньше тех домов на ее берегу, из которых вырастал город.

Среди других точек зрения на имя нашего города надо отметить мнение краеведа Федора Алексеевича Рязановского, изложенное им в 1926 году в сборнике «Прошлое и настоящее Костромского края». Сославшись на мнение финского исследователя Веске, автор писал, что «название «Кострома» явно звучит по-чудски и означает «сторона, подверженная ветрам»⁶.

В литературе также встречаются предположения, что название города происходит от костров льда, весной во время половодья, скапливаемого в огромном количестве на берегах рек Волги и Костромы; или от «громаднейших костров леса, заготавливаемого по берегам зимою для сплава»⁷. По мнению академика Бориса Александровича Рыбакова, занимавшегося изучением религии древних славян, имя Кострома обычно связывают с понятием косматости земли, покрытой растительностью. В таком случае слово надо расчленять так: Костро-ма, что означает «поросшая земля»⁸.

Историк Александр Васильевич Экземплярский, автор исследования «Великие и удельные князья Северной Руси в татарский период», еще в конце XIX века отмечал, что «вопрос о происхождении названия Костромы остается и, кажется, долго должен оставаться в области бесплодных предположений и фантазий»⁹.

Наверное, самая интересная и поэтическая версия названия нашего города связана с древним славянским празднеством, посвященным Костроме. Именно славянским, а не мерянским, как об этом иногда пишут, потому что славяне были земледельцами, для которых забота об урожае была главным услови-

ем благополучия, а значит, продолжения рода, продолжения жизни. Одним из первых предложил ее историк Иван Васильевич Миловидов, вот что он писал в своем очерке «Кострома в историко-археологическом отношении»: «В числе языческих праздников и обрядов, в которых выразилась мысль о замирающих силах природы, был обряд, совершавшийся в летнее время, соответствовавшее нынешнему первому воскресенью после Петрова дня, – обряд, известный в народе под названием похорон Костромы, Лады, Ярилы. По всему вероятно, эти обряды в старину принадлежали к купальским играм»¹⁰.

Богатая информация о языческой богине Костроме имеется в исследованиях академика Бориса Александровича Рыбакова «Религия древних славян» и «Религия Древней Руси», где он писал: «У русских известны «похороны Костромы», т. е. тоже соломенной куклы, потопляемой в воде неделю спустя после летнего солнцестояния, на Петров день, 29 июня. Кострому так же, как и других кукол, разрывали на части, а потом топили и оплакивали»¹¹. В энциклопедии «Мифы народов мира» отмечено, что Кострома в восточнославянской мифологии – это воплощение весны и плодородия.

Какой же все-таки богиней была Кострома – весенней или летней, и когда проходили празднества, посвященные ей? Этнографические материалы говорят о том, что празднование Костромы было составной частью древних Ярильских или Купальских языческих праздников летнего цикла, приходившихся на дни летнего солнцестояния, связанных с аграрной магией «макушки» лета – момента созревания плодов и приготовления к жатве. К этому времени заканчивались основные полевые работы – вспашка, сев, то есть те хозяйственные заботы, где земледелец мог проявить себя, где успех зависел от его усилий. Далее начиналась почти трехмесячная пора тревожных бес- сильных ожиданий судьбы будущего урожая, с постоянным обращением к небу, солнцу, воде, земле – источникам основных благ. Именно к этим силам взывал, обращался древний славянин: к солнцу – главному источнику тепла, света, жизни на земле; к воде – небесной и земной, питающей живительной влагой зем-

лю и урожай; к растительности – то буйно цветущей, то «умирающей». Поэтому основной богатой, развитой обрядности славян, основой большого цикла языческих праздников являлись обряды, связанные с огнем, водой, землей как живительными, плодородящими, очистительными силами. Именно поэтому предметы, сделанные славянскими, а позже крестьянскими руками, окружавшие человека в будни, в работе, в праздники богато украшались языческим орнаментом, который, как считалось, был доброжелательным, охранительным и заклинательным. Поэтому во всех празднествах летнего цикла, куда входила и Кострома, явственно выступали два элемента языческого культа – огонь и вода, связанные с плодородием и плодovitостью. Для того, чтобы спровоцировать силы природы на нужные земледельцу действия, усилить плодородящие возможности земли, передать природе часть своих сил, у славян существовало много обрядов и праздников, кульминацией которых был Ярило – летний праздник солнца и воды. В это время наблюдается расцвет природы,

высшее стояние полуденного солнца, когда оно «пляшет», «играет», бурный рост хлебов и трав.

В Ярилины ночи зажигались в честь солнца высокие костры как его земное подобие. Как и в Масленицу, их раскладывали на высоких местах, по берегам рек, в середину костра втыкая шест с надетым на него колесом. Во многих местах, даже в XIX веке, сохранялся древний способ зажигания Ярилиных костров – от «живого» огня, полученного с помощью трения. Но в отличие от Масленицы – праздника весны, когда солнце лишь начинало разгораться и символом было скатывание в реку одного горящего колеса, на Ярилу устраивали ритуальное шествие с «солнечной колесницей», на двух колесах, которые зажигались и скатывались с горок и холмов. Как средство очищения перед началом жатвы – уборкой нового урожая, парни и девушки водили хороводы вокруг костра, прыгали, «скакали» через костер.

Такой же чудодейственной, очистительной силой, как считалось, обладала и вода. Ею обливались, купались, окропляли поля водой из

Похороны Костромы. Рисунок с лубка XIX века.

священных источников, пели заклинательные песни о прощении дождя, а также приносили жертвы воде в виде венков – символов девичества.

Образом летних Яриловых праздников были хороводы вокруг молодых деревцев как символов растительности. Молодые березки украшали, наряжали, завивали на их ветвях венки, хороводились и пели обрядовые песни о будущем урожае. Важное значение в обрядах играла не только вода, но и роса, ежедневно оросящая хлеба. В Ярилову ночь черпали росу, умывались ею на утренней зорьке, собирали целебные и чародейные травы. Катаясь по росе, соприкасаясь с землей, старались не только очиститься, но и передать земле часть своих сил, заставить ее плодоносить, способствовать обильному урожаю.

В «похоронах Костромы» в дни Ярильских праздников все эти живительные и очистительные силы – огонь, вода, растительность – соединялись воедино. Земле, воде и огню в дни летнего солнцестояния приносились жертвы в виде наряженных соломенных кукол. Рядили куклу Кострому в женский костюм (бывало и в мужской, тогда это был Костробунька или Ярила), водили ей хороводы, пели обрядовые песни, а затем разрывали на части и с плачем сжигали в огне костра или топили в воде. Тем самым приносились жертвы воде и солнцу, земным выражением которого был огонь.

Кукла изготавливалась из соломы, конечно же, прошлогодней, и было символично, что старая, отжившая солома, сгорая, возвращалась земле, как бы отдавая силы новому зреющему урожаю. В названии Кострома прослеживаются отголоски не только ярильского костра, но и «костры» – названия отходов льна после трепания и чесания его. Почти во всех старинных толковых словарях¹² словом «костра» называют солому, прутья и отходы обработки льна. А ведь выращивание и обработка льна были с древности одним из главных занятий населения Костромской земли. Соломенная кукла Кострома из «костры» сжигалась на костре и возвращалась земле, чтобы снова возродиться в новом богатом урожае. Или погибала в реке, которая поила своими водами колосившееся жито. Этим обрядом выражалась

мысль о грядущем после летнего солнцеворота замирании плодотворящей силы природы, о приближавшемся царстве зимы, когда земля и вода замыкаются морозами, гром перестает греметь, молния сверкать, дождь изливаться на поле. Веселые, красочные, разудалые летние праздники были направлены, по представлениям славян, на благорасположение и умиловление природных сил к человеку, к делу рук его – хлебу и урожаю.

К сказанному трудно что-то добавить, становится понятно, что город Кострома и река Кострома не случайно получили свои имена¹³. И хотя в XVIII и XIX веках праздник, посвященный Костроме, уже перестал существовать, а известны здесь только зимние колядки, весенняя Масленица да летние ярилки, для нас важно знать и помнить о древних славянских традициях, некоторые из которых легли в основу названия нашего родного города. И что это древнее славянское и красивое имя – Кострома, сохраняется и живет до настоящего времени.

Примечания

1. Материалы для истории города Костромы. Часть 1. Составил член Костромской Ученой Архивной Комиссии Л. Скворцов. – Кострома, 1913. – С. 19-21.
2. Зонтиков Н.А. «Кострома»: происхождение названия города / Краеведческий альманах «Костромская земля». Вып. 5. – Кострома, 2002. – С. 5-31.
3. Взгляд на историю Костромы, составленный трудами князя Александра Козловского. – М., 1840. – С. 6-8.
4. Материалы для истории города Костромы. – С. 20-21.
5. Указ. соч. – С. 21.
6. Рязановский Ф.А. История края. // Прошлое и настоящее Костромского края. – Кострома, 1926. – С. 96.
7. Материалы для истории города Костромы. – С. 20.
8. Рыбаков Б.А. Религия древних славян. – М.: Наука, 1980. – С. 378.
9. Экземплярский А.В. Великие и удельные князья Северной Руси в татарский период с 1238 по 1505 гг. Т. 2. – СПб., 1891. – С. 262.
10. Миловидов И.В. Кострома в историко-археологическом отношении. – М., 1890. – С. 8.
11. Рыбаков Б.А. Религия древних славян. – М.: Наука, 1980. – С. 378.
12. Ожегов С.И. Толковый словарь русского языка. – М., 2013.
13. Интересно предположение Н.А. Зонтикова о том, что языческое святилище в честь Костромы находилось в черте города на берегу реки Сулы и, вероятно, было уничтожено в первой половине XII века. Скорее всего, на его месте поставили деревянную церковь во имя святой преподобной мученицы Анастасии Римляныни (Солунской), которую в конце XIV – начале XV веков сменил Анастасиин монастырь – одна из древнейших женских обителей в Костроме.

МАТЕРИАЛЫ ДЛЯ ИСТОРИИ ГОРОДА КОСТРОМЫ

<...> Существует нѣсколько предположеній относительно происхожденія названія города словомъ «Кострома».

И. В. Миловидовъ говоритъ, что такъ какъ у нашихъ предковъ божества Купало, Ярило и Кострома олицетворяли собою живительныя силы природы и такъ какъ съ глубокой древности въ костромскомъ краѣ въ честь этихъ божествъ совершались различныя празднованія и, между прочимъ, обрядъ «похоронъ Костромы», то отъ имени этого языческаго божества и получили названія какъ рѣка, такъ и городъ ¹⁾. Въ московскомъ мѣсяцесловѣ за 1776 годъ высказано предположеніе, что названіе «Кострома» перенесено отъ областей кievскаго великаго княженія, въ коихъ, въ 60 верстахъ отъ Чернигова, внизъ по Двинѣ, находится городъ Остръ (Остеръ), гдѣ впадаетъ въ Двину рѣка одного имени съ городомъ и въ разлитіе водъ представляетъ совершенное сходство, по мѣстоположенію, съ костромскимъ.

Князь Козловскій ²⁾ болѣе склоняется къ мнѣнію Татищева, который наименованіе Костромы производитъ отъ города Костра, бывшаго въ Ливоніи, недалеко отъ Юрьева (Дерпта); или замка «Кострумъ», гдѣ построенъ городъ Ревель. Замокъ «Кострумъ» расположенъ на морскомъ берегу, имѣя съ двухъ сторонъ открытое море; подобнымъ образомъ и подъ Костромою въ весеннее время, при разливѣ рѣкъ Волги и Костромы, верстъ на 30 образуется какъ-бы море.

В. Борисовъ, ³⁾ въ своей догадкѣ о происхожденіи слова «Кострома», говоритъ, что естественнѣе думать, что названіе города Костромы происходитъ отъ костровъ льда, весною, во время разлива воды, вытѣсняемаго на берега рѣки Костромы, который, особенно въ устьѣ ея, скопляется на берегахъ въ громадномъ количествѣ.

¹⁾ И. В. Миловидовъ. Кострома въ историко-археологическомъ отношеніи, стр. 8.

²⁾ Взглядъ на исторію Костромы, стр. 7 и 8.

³⁾ «Костромск. Губериск. Вѣдомости», 1862 г., № 43.

*Леонид Петрович Скворцов (1855 - ок. 1920 гг.) — историк-краевед, член Костромской Губернской ученой архивной комиссии, автор книг по истории Костромы.

Многіе-же проще смотрятъ на дѣло и говорятъ, что городъ Кострома получилъ названіе отъ рѣки Костромы (какъ и Москва); рѣка-же въ свою очередь получила названіе отъ громаднѣйшихъ костровъ лѣса, заготовляемаго по берегамъ рѣки зимою для сплава. Но едва-ли и это объясненіе согласно съ дѣйствительностію—уже въ силу одного того обстоятельства, что во времена сѣдой древности врядъ-ли занимались сплавомъ лѣса, а слѣдовательно и сооруженіемъ костровъ. Даже въ первой половинѣ XIV ст. было неизвѣстно названіе рѣки Костромы, въ чемъ мы можемъ удостовѣриться изъ словъ Воскресенской Лѣтописи, гдѣ говорится, что когда Галичскій князь Ѳеодоръ Семеновичъ, основатель Солигалича, въ 1335 году прибылъ туда для построенія Воскресенскаго монастыря, то не зналъ и не могъ навѣдаться, какая рѣка протекаетъ тѣмъ мѣстомъ, почему и послалъ лодку, чтобы узнать имя рѣки; посланные плыли до города Костромы и тамъ только узнали, что это рѣка Кострома. Отсюда можно заключить, что вѣрнѣе г. Кострома далъ свое названіе рѣкѣ, а не наоборотъ. А такъ какъ въ нашихъ древнихъ лѣтописяхъ, особенно псковскихъ, слова Костръ, Кострыга, Кострумъ встрѣчаются въ значеніи крѣпости, укрѣпленнаго мѣста и такъ какъ въ прежнее время каждый городъ былъ въ то же время и крѣпостью, то естественнѣе всего предположить, что это общее названіе (кострумъ—крѣпость) и осталось за городомъ. <...>

Л. П. СКВОРЦОВ

"МАТЕРИАЛЫ ДЛЯ ИСТОРИИ ГОРОДА КОСТРОМЫ". — Кострома, 1913. — С. 19 - 21

ХРОНОЛОГИЯ СОБЫТИЙ ДРЕВНЕЙ КОСТРОМСКОЙ ИСТОРИИ XII – НАЧАЛА XV ВВ.

- 1152 год** Основание города Костромы Ростово-Суздальским князем Юрием Долгоруким, согласно гипотезе историка XVIII века Василия Никитича Татищева.
- 80-е гг.**
- XII века** Основание города Костромы при великом Владимирском князе Всеволоде Большое Гнездо, согласно современным исследованиям.
- 1213 год** Первое летописное известие о городе Костроме в Московском летописном своде конца XV века.
- 1214 год** Первое летописное известие о Нерехте, Соли Великой и Соли Малой в Летописце Переяславля Суздальского XIII века.
- 1219 год** Первое летописное известие об Унже в Московском летописном своде конца XV века.
- 1238 год** Первое летописное известие о Галиче Мерском в Лаврентьевской летописи XIV века.
- Февраль**
- 1238 года** Разгром города Костромы отрядами Батыя, согласно Симеоновской летописи конца XV века.
- 1 половина**
- XIII века** Строительство первой костромской крепости.

1241 г. –

конец 1276 г.

Годы жизни первого Костромского князя Василия Ярославича (Феодоровича) «Мизинного».

1241 год

Известие о рождении князя Василия Ярославича в Троицкой летописи XV века.

1244 год

Известие о кончине матери Василия Ярославича – Феодосии Мстиславовны (Феодоровны) в Воскресенской летописи XVI века.

1246 год

Известие о смерти отца Василия – великого князя Владимирского Ярослава (Феодора) Всеволодовича в Лаврентьевской летописи XIV века.

1247 год

Шестилетний Василий становится удельным Костромским князем, по завещанию отца, согласно Лаврентьевской летописи XIV века.

Середина

XIII века

Явление Костромскому князю Василию Ярославичу чудотворной Феодоровской иконы Божией Матери, согласно «Сказанию о явлении и чудесах чудотворной Феодоровской иконы Божией Матери».

Середина

XIII века

Возведение церкви и монастыря в честь Спаса Нерукотворного на Запрудне – месте явления чудотворной Феодоровской иконы Божией Матери, согласно «Сказанию о явлении и чудесах чудотворной Феодоровской иконы Божией Матери».

Начало 60-х гг.

XIII века

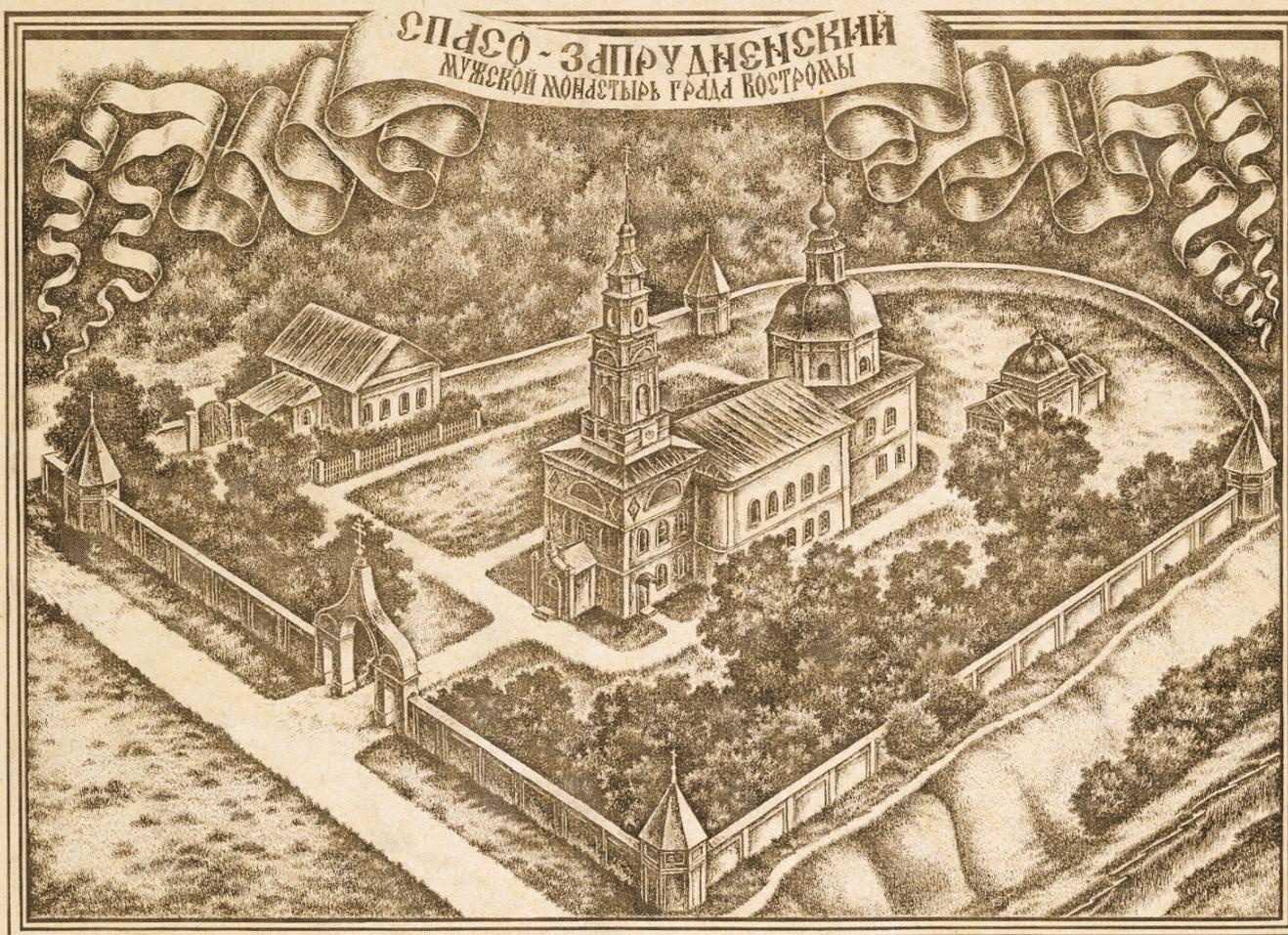
Победа костромской рати во главе с князем Василием Ярославичем над ордынским отрядом на Святом озере, благодаря помощи Богородицы через обретенный Феодоровский образ, согласно «Сказанию о явлении и чудесах чудотворной Феодоровской иконы Божией Матери».

60-е гг.

XIII века

Обретение чудотворного Феодоровского образа «целым и неврежденным» после двух пожаров деревянной церкви великомученика Феодора Стратилата в Костроме по «Сказанию о явлении и чудесах чудотворной Феодоровской иконы Божией Матери».

60-е гг.

XIII века

Перестройка после пожаров деревянной церкви великомученика Феодора Стратилата, по повелению князя Василия Ярославича, согласно «Сказанию о явлении и чудесах чудотворной Феодоровской иконы Божией Матери».

60-е гг.

XIII века

Князь Василий Ярославич «повеле украсити златом и серебром и камением драгим и бисером многоцветным и кивот устроити» для чудотворного Феодоровского образа Богоматери, согласно «Сказанию о явлении и чудесах чудотворной Феодоровской иконы Божией Матери».

60-е гг.

XIII века

Возведение в Костроме, по повелению князя Василия Костромского, первого каменного собора для чудотворной Феодоровской иконы Божией Матери по «Сказанию о явлении и чудесах чудотворной Феодоровской иконы Божией Матери».

- 1265 год** Свадебное венчание 24-летнего Василия Костромского с дочерью литовского князя Витовта, согласно Симеоновской летописи конца XV века. Епископ Ростовский Игнатий благословил брак молодых, видимо, чудотворным Феодоровским образом в древней соборной церкви великомученика Феодора Стратилата: «И бысть радость велика на Костроме».
- 1272 год** Костромской князь Василий Ярославич становится великим Владимирским князем, согласно сообщению Симеоновской летописи конца XV века.
- 1272-1273 гг.** Вооруженная борьба за Великий Новгород Владимирского великого князя Василия Ярославича Костромского с родным племянником князем Переяславским Дмитрием, сыном Александра Ярославича Невского.
- 1272 год** Утверждение великого Владимирского князя Василия Ярославича в Новгороде Великом, согласно Никоновской Патриаршей летописи XVI века.
- 1274 год** Церковный собор в городе Владимире при великом Владимирском князе Василии Ярославиче и при митрополите Киевском и всея Руси Кирилле. Посвящен вопросам церковных правил и борьбы с языческими обрядами и верованиями.
- 1276 год** Кончина великого Владимирского и Костромского князя Василия Ярославича и захоронение его в костромской соборной церкви во имя великомученика Феодора Стратилата по известиям Новгородской первой летописи XIV века.
- Последняя четверть XIII века** Основание Ипатьевского монастыря, согласно монастырскому преданию, выходцем из Золотой Орды мурзой Четом, принявшим православие с именем Захария, ставшим родоначальником боярских родов Сабуровых, Годуновых, Вельяминовых-Зерновых.
- Конец 1276 года** Съезд в Костроме русских князей для решения вопроса о наследовании Владимирского великого престола, согласно сообщениям Симеоновской летописи конца XV века.

- 1293 год** Княжение второго Костромского князя Ивана Дмитриевича, внука великого князя Александра Ярославича Невского, согласно Троицкой летописи XV века.
- 25 февраля**
- 1303 года** Известие о кончине в городе Костроме третьего Костромского князя Бориса Андреевича, внука великого князя Александра Ярославича Невского, по известиям Симеоновской летописи конца XV века.
- 23 июля**
- 1304 года** Известие о пожаре соборной церкви во имя великомученика Феодора Стратилата по Воскресенской летописи XVI века.
- 1304 год** «Вечевая замятня», то есть столкновение на вече в городе Костроме между сторонниками князей Михаила Ярославича Тверского и Юрия Даниловича Московского, согласно Симеоновской летописи конца XV века.
- 1317 год** Стояние на противоположных берегах реки Волги у Костромы враждовавших князей Михаила Тверского и Юрия Московского, согласно Никоновской Патриаршей летописи XVI века.
- Осень**
- 1317 года** Кострома – место объединения всех сил Московского князя Юрия Даниловича для борьбы с князем Тверским Михаилом Ярославичем, согласно Никоновской Патриаршей летописи XVI века.
- 1318 год** В Костроме убито 120 человек ханским войском во главе с ордынским послом Конча, по известиям Воскресенской летописи XVI века.
- 1328 год** Разделение ханом Золотой Орды Узбеком великого княжества Владимирского на две части: Кострома с Великим Новгородом отдана великому Владимирскому князю Ивану Даниловичу Калите, Владимир и Поволжье – князю Александру Васильевичу Суздальскому, по известиям Новгородской первой летописи XIV века.

Март

1330 года

Известие о проведении в Костроме поместного собора северо-восточных епископов под руководством митрополита Киевского и всея Руси Феогноста.

1335 год

Основание Соли Галицкой, согласно летописи Воскресенского монастыря.

1360 год

Известие о «съезде на Костроме» князей русских во главе с великим Владимирским князем Дмитрием Константиновичем Суздальским для решения вопроса о поимке новгородских ушкуйников и прекращении их разбоев по реке Волге.

1363 год

Объединение при великом Владимирском князе Дмитрие Ивановиче великого Владимирского и Московского княжеств, вхождение города Костромы в это территориальное объединение.

Осень

1364 года

Известие Троицкой летописи XV века о моровой язве (чуме) в городе Костроме.

1371 год

Неудачная попытка князя Михаила Александровича Тверского взять Кострому, согласно известию Троицкой летописи XV века.

- 1371 год** Взятие города Костромы новгородскими ушкуйниками, согласно Воскресенской летописи XVI века.
- 1375 год** Летописное известие о взятии и разграблении города Костромы новгородскими ушкуйниками под руководством Прокофея и Смолнянина по известиям Воскресенской летописи XVI века. Костромской полон продан ушкуйниками в Булгарах.
- 1377 год** Летописное известие о провозе через Кострому и Галич из Ростова в Чухлому митрополита Пимена для заточения, где он сидел в заточении один год.
- 1380 год** Куликовская битва, в которой костромская рать приняла участие под началом воеводы Ивана Родионовича Квашни.
- 1380 год** Два костромича – Федор Сабур и Григорий Холопищев – названы в «Сказании о Мамаевом побоище» «великими витязями Русской земли», они спасли раненого великого князя Дмитрия Ивановича.
- 1382 год** В Костроме укрывается великий Московский князь Дмитрий Донской во время нашествия на Москву хана Тохтамыша, согласно Воскресенской летописи XVI века.
- 1386 год** Военный поход великого Владимирского и Московского князя Дмитрия Донского на Новгород Великий за разбой, учиненный ушкуйниками в Костроме и Нижнем Новгороде в 1375 году. Костромская рать участвует в походе, по известиям Воскресенской летописи XVI века.
- 1408 год** В Костроме укрывается великий Владимирский и Московский князь Василий Дмитриевич во время нашествия на Москву темника Едыгея, согласно Воскресенской летописи XVI века.
- 1413 год** Пожар в Костроме, согласно известию Тверской летописи XVI века. Сгорели посад и первая костромская крепость при впадении в Волгу рек Костромы и Сулы.
- 1416 год** Возведение в Костроме новой крепости-Кремля – на высоком берегу реки Волги, согласно Троицкой летописи XV века.

Библиография статей и книг С.Г. Виноградовой

- Дворцовое землевладение в Костромском крае в XVI-XVII вв. / Тезисы и материалы научной конференции «Российская государственность: этапы становления и развития». Часть 3. – Кострома, 1993.
- Да ведают потомки православных земли родной минувшую судьбу / Губернский дом. 1995. № 6.
- Боевой путь Костромского народного ополчения 1812-1815 гг. / Костромская старина. 1995. № 7.
- «На Костроме в те поры была рознь» / Костромская старина. 1995. № 7.
- К вопросу о ранней истории города Костромы / Становление и ранний этап истории города Костромы. Материалы к региональной программе по истории Костромского края. – Кострома, 1998.
- Была ли Кострома столицей великого Владимирского княжества? / Становление и ранний этап истории города Костромы. Материалы к региональной программе по истории Костромского края. – Кострома, 1998.
- Икона Феодоровской Божией Матери: история и легенды / Становление и ранний этап истории города Костромы. Материалы к региональной программе по истории Костромского края. – Кострома, 1998.
- Кострома на страницах русских летописей / Губернский дом. 1998. № 5-6 (30-31).
- Князь Василий Ярославич Костромской / Губернский дом. 1998. № 5-6 (30-31).
- Археологическая деятельность Костромской губернской архивной комиссии (1885-1900 гг.) / Сборник докладов Первых Селифонтовских чтений. – Кострома, 2000.
- Галич княжеский / Губернский дом. 2000. № 3.
- Галич уездный / Губернский дом. 2000. № 3.
- Костромская область / Российская музейная энциклопедия: в 2-х тт. – т. I: А-М-М.: Прогресс; Рипол Классик. – М., 2001.
- Костромской княжеский съезд XIII века / Краеведческие записки Костромского историко-архитектурного музея-заповедника «Ипатьевский монастырь». Вып. VI. – Кострома, 2003.
- К вопросу о происхождении Феодоровской иконы Божией Матери / Волжский рубеж. Вестник государственного университета имени Н.А. Некрасова. Специальный выпуск 2005. Выпуск 74. – Кострома, 2005.
- К вопросу о причинах разрушения «годуновского» Троицкого собора Ипатьевского монастыря в середине XVII века / Волжский рубеж. Вестник государственного университета имени Н.А. Некрасова. Специальный выпуск 2006. № 5 (20).
- К вопросу о происхождении чудотворной Феодоровской иконы Божией Матери / Альманах Светочь. 2008. № 3.
- «Благочестивость и щедродательность». Вклады Романовых в костромские храмы и монастыри / Губернский дом. 2008. № 4-5 (85-86).
- Призвание Михаила Федоровича Романова на русский престол в стенах Ипатьевского монастыря / Исследования и материалы I Международной научно-практической конференции «У истоков Российской государственности. Роль женщин в истории династии Романовых». – Калуга-Мещовск, 2009.
- Образы Троицы в Ипатьевском монастыре (к вопросу о Годуновских вкладыях) / Светочь. 2009. № 5.
- Землевладение Костромского края XVI-XVII вв. / Материалы и исследования Костромского архитектурно-этнографического и ландшафтного музея-заповедника «Костромская слобода». – Кострома, 2010.
- Родная Ихь сердцу Кострома / Светочь. 2012. № 7.
- Костромичи на полях сражений 1812-1814 гг. / Сборник тезисов Всероссийской научной исторической конференции Московской Духовной Академии. Церковь и общество в России на переломных этапах истории. – Сергиев Посад, 2012.
- Свято-Троицкий Ипатьевский монастырь. – М.: Изд-во «Отчий дом», 2013.
- Годуновские храмовые образы Пресвятой Троицы – вклады в Ипатьевский монастырь / Никитские чтения. Наследие и наследники преподобного Никиты Костромского. Сборник к 650-летию со дня рождения прп. Никиты Костромского и 590-летия основания Богоявленского монастыря. – Кострома, 2016.
- Святыня времен советского антирелигиозного террора (К истории одного антими́нса) / Светочь. 2018. № 8.
- Сохранение духовного наследия. Церковный историко-археологический музей / Губернский дом. 2021. № 4 (125).
- Утраченные святыни Костромской земли. Каталог выставки. – Кострома, 2019.
- Топография улиц города Костромы по Писцовой книге 1628 года / Костромской край и сопредельные территории в древности, Средневековье и Новое время. К 160-летию со дня рождения Н.М. Бекаревича: сб. науч. тр. – Кострома, 2021.

ГУБЕРНСКИЙ ДОМЪ

1 (134) историко-краеведческий и литературный журнал
2024

Любезные читатели!

В следующем 2024 году «Губернский дом» открывается тематическим выпуском журнала, посвящённого 95-летнему юбилею Шарьинского муниципального района Костромской области.

Читателя ждут интересные исторические путешествия, где прошлое и настоящий день Поветлужья раскроются с новой, неизвестной ещё стороны, а знакомство с уникальными людьми этого края, вписавшими имя своё в его историю, обогатит сердце новыми впечатлениями.

Вехи в жизни Шарьинского района за последние годы его развития, добрые дела меценатов и благотворителей, рассказы о православных святынях края и подвижниках сохранения и развития народных традиций в культуре и просвещении; уникальные сельские промыслы и ремёсла, литературное творчество, новые туристические маршруты проекта «Ветлужские завитушки» - эти и многие другие темы и будут представлены в следующем журнале.

До встречи в новом году!

Историко-краеведческий и литературный журнал «Губернский дом»

Учредитель: Департамент информационной политики, анализа и развития коммуникационных ресурсов Костромской области.

Издатель: АУ КО «Издательский центр «Губернский дом». Адрес: 156005, г. Кострома, ул. И. Сусанина, 48/76. Журнал зарегистрирован Управлением Федеральной службы по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций по Костромской области. Регистрационный номер ПИ № ТУ 44 – 00224 от 20 декабря 2012 г. Перепечатка материалов допускается только с письменного разрешения редакции журнала.

Главный редактор Н. В. Муренин

Ответственный секретарь Т. Г. Гончарова

Художник О. И. Швейцер

Компьютерная вёрстка В. А. Кокшаров

Фото из фондов Костромского Церковного историко-археологического музея, личного архива С.Г. Виноградовой.

Адрес редакции: 156005, г. Кострома, ул. И. Сусанина, 48/76.

Телефон: (4942) 31-43-67

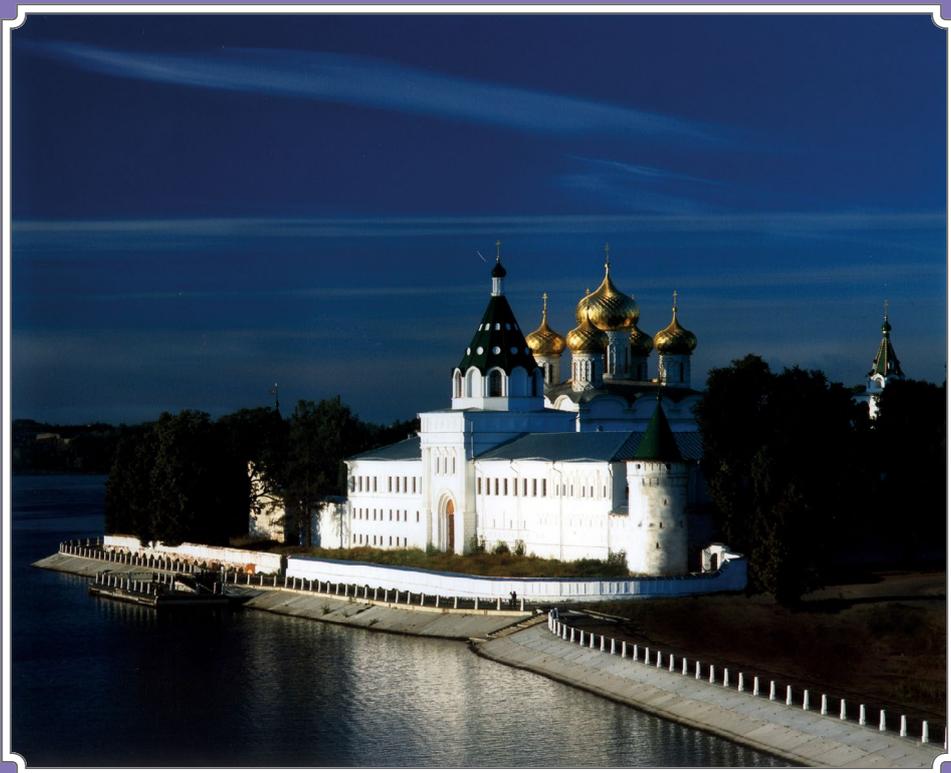
E-mail: gd_izdat44@mail.ru

Извините, рецензировать и высылать рукописи не имеем возможности.

Подписано в печать 12.12.2023 г. Выход в свет 28.12.2023 г. Печать офсетная.

Объем 15 п.л. Тираж 500 экз. Цена свободная.

Отпечатано в ГП «Областная типография имени М. Горького», г. Кострома, ул. Петра Щербины, 2. Заказ № 1401.

Свято-Троицкий Ипатьевский мужской монастырь города Костромы.